

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00295100 2

151

305-1

ВЗГЛЯДЪ

НА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

Miller, Vsevolod Fedorovich

Всѣмъ Миллера.

Izgliad na Slovo o polku Igorevīe

ВЗГЛЯДЪ

НА

СЛОВО

О

ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Дѣвици поють на Днѣпѣ,
вѣютъ голоса чрезъ море до Кіева.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ О. Б. МИЛЛЕРА, ЯУЗ. Ч. 1 КВ., № 82.

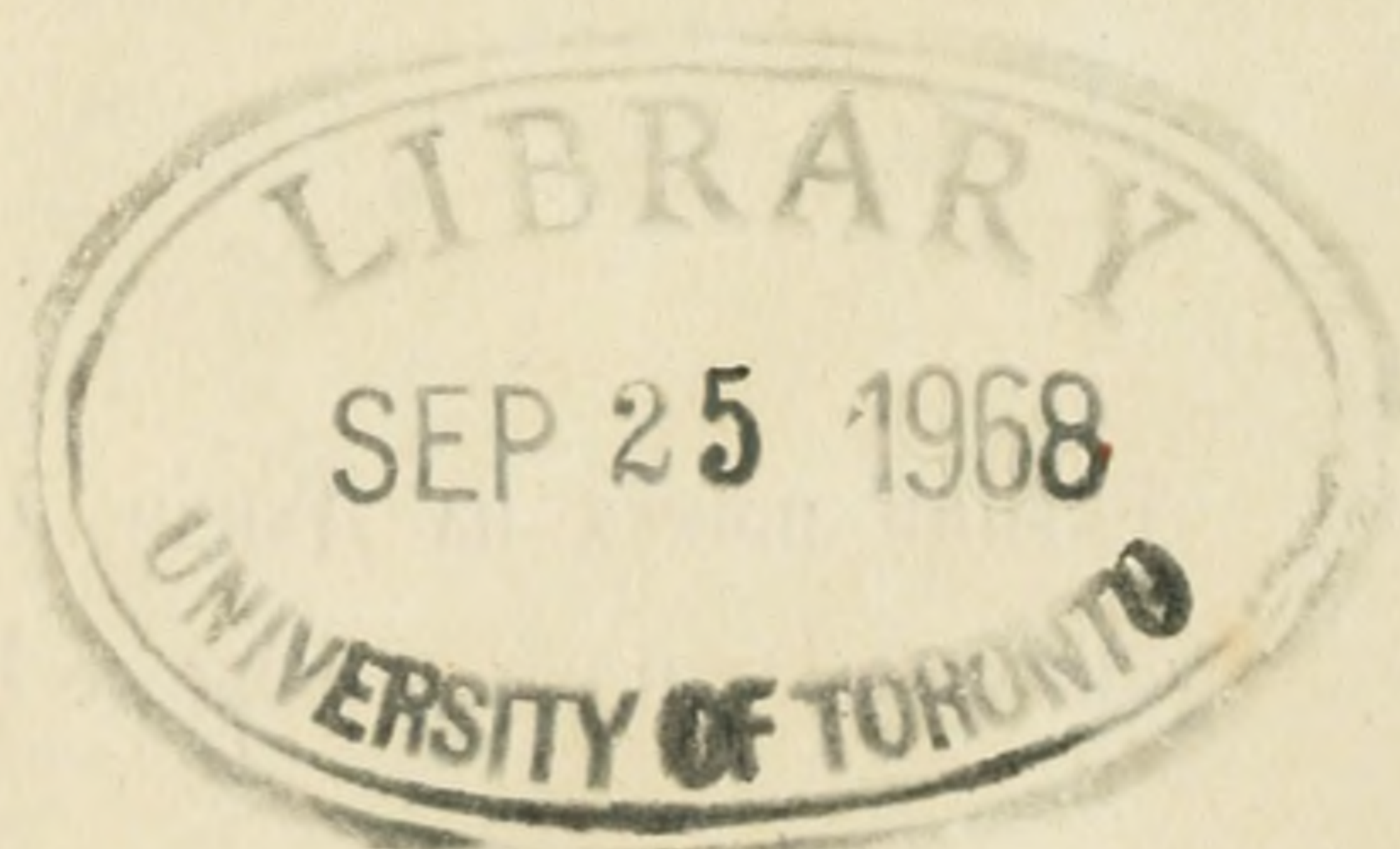
1877.

PRINTED

AN

THE UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3300
S63M5

M O C K B A

THE UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY, 278 B. I. RD., 79 83

1877

Посвящается

Четвертому Археологическому съезду

КХ

Казани.

Предисловіе.

Предлагаемое изслѣдованіе представляетъ отвѣтъ на слѣдующіе вопросы о Словѣ о Полку Игоревѣ, поставленные въ программѣ четвертаго Археологическаго съѣзда въ Казани:

52) *Было ли Слово о Полку Игоревѣ произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, въ послѣдствіи записаннымъ прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени?*

53) *Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго, или появленіе Бояна можетъ быть обьяснено инымъ образомъ?*

54) *Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ (Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса) въ Словѣ о Полку Игоревѣ вывести, что авторъ былъ проникнутъ языческимъ міровоззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное обьясненіе?*

Отвѣчая подробно на эти вопросы, авторъ не могъ не затронуть и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, и небольшое изслѣдованіе, задуманное первоначально въ формѣ

журнальної статті, незамітно розрослося до розмірів книги. Наведений изученіємъ пам'ятника на нѣкоторые соображенія обзъ отдѣльныхъ словахъ и поправки текста, авторъ счелъ не лишнімъ снова напечатать при изслѣдованіи самій текстъ и приложити къ нему небольшой коментарій, не имѣющій, впрочемъ, никакого притязанія на полноту. Нѣкоторые догадки являються въ первый разъ, другія уже были высказаны предшествующими изслѣдователями, и автору приходилось только выбирати обзясненія, казавшіяся ему болѣе правдоподобными. Не имѣя возможности удѣлити много времени вопросу, виходящому собственно за предѣлы его спеціальности, авторъ долженъ заранѣе просити извиненія, если гдѣ нибудь приводить, какъ нове, толкованіе, уже предложенное кѣмъ нибудь ранѣше его. Изучити все, что когдѣ либо было писано о „Словѣ“, уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора нѣтъ ни времени, ни, признатися, желанія. Его цѣлью было отвѣтити лишъ на главныя вопросы, до сихъ поръ возбуждаемые Словомъ о Полку Игоревѣ, и если онъ при случаѣ вдається въ детали, то исключительно въ надеждѣ, что быть можетъ нѣкоторые изъ его догадокъ найдуть сочувствіе у спеціалистовъ по этому вопросу и не пропадутъ безслѣдно въ дальнѣйшихъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Глава первая.

Ни одинъ памятникъ древне-русской литературы не пользуется столь обширной извѣстностью, какъ „Слово о Полку Игоревѣ“. Каждый образованный русскій знаетъ его, каждый изучалъ его въ школѣ и помнить наизусть отдѣльныя мѣста. Лучшіе поэты перекладывали „Слово“ въ стихи по частямъ или вполнѣ и черпали изъ этого богатаго родника отдѣльныя выраженія и высоко-поэтическія сравненія. Интересъ, возбужденный имъ въ концѣ прошлаго вѣка, не умалился въ теченіе трехъ четвертей столѣтія и лучшимъ доказательствомъ тому служить масса изданій, переводовъ, примѣчаній, изслѣдованій, которыя тянутся отъ 1800 года вплоть до 76-го ¹⁾. Если нѣкоторые изъ трудовъ, накопившихся за этотъ періодъ, должны быть отнесены

---

¹⁾ Подробный критическій обзоръ литературы „Слова“ см. въ Филологическихъ Запискахъ 1875, вып. 6-й и 1876, вып. 1, 2, 3, 4, въ статьяхъ г. Смирнова, и въ Жур. М. Н. Пр. 1876, Сентябрь и Октябрь, ст. Е. Барсова.

къ замышленію Бояню, если далеко не всѣ соотвѣтствуютъ наукѣ сего времени, то все же въ пониманіи и оцѣнкѣ „Слова“ достигнуть огромный успѣхъ, и трудами русскихъ ученыхъ мы имѣемъ полное основаніе гордиться. Достаточно сравнить первое изданіе 1800 г. и переводъ графа Мусина-Пушкина съ изданіемъ и примѣчаніями профессора Тихонравова, чтобъ убѣдиться, какъ много отдѣльныхъ подробностей, представлявшихся загадкой въ началѣ текущаго столѣтія, для насъ вполнѣ ясны, какъ много грамматическихъ формъ, нуждавшихся въ исправленіи по взгляду прежнихъ комментаторовъ, оказываются вполнѣ законными, какъ много исправлено ошибокъ, происшедшихъ отъ неправильнаго дѣленія словъ и разстановки знаковъ препинанія. Едва ли бы достигла и нѣмецкая наука бѣльшихъ результатовъ, работая при столь неблагоприятныхъ условіяхъ, стараясь возстановить и объяснить древній памятникъ, на основаніи лишь неудовлетворительнаго изданія единственной рукописи, исчезнувшей безслѣдно. Просматривая массу комментаріевъ, разсѣянныхъ по изданіямъ и отдѣльнымъ изслѣдованіямъ, видимъ, какъ мало по малу складывались результаты, которые считаются теперь общепризнанными и вошли въ учебники, и если въ настоящее время ученикъ гимназіи понимаетъ „Слово“ во многомъ лучше, нежели его первые издатели, то этимъ обязанъ онъ массѣ

трудоѡ, положенныхъ цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдователей—Шишковымъ, Пожарскимъ, Граматинымъ, Максимовичемъ, Дубенскимъ, кн. Вяземскимъ, Буслаевымъ, Тихонравовымъ, Барсовымъ и мн. др.

Предлагая нѣкоторыя соображенія къ вопросу о „Словѣ“, мы должны оговориться, что не можемъ прибавить много новаго къ пониманію отдѣльных словъ и оборотовъ. Мы вообще не думаемъ, чтобы мѣста, справедливо заподозрѣнныя критикой въ искаженіи, могли быть исправлены при теперешнихъ средствахъ: всякая поправка, какъ бы она ни была остроумна, будетъ только *вѣроятна* и не увеличитъ нашихъ свѣдѣній. Правильное чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ можетъ быть возстановлено только какою нибудь счастливою случайностью, находкой новаго списка или покрайней мѣрѣ отдѣльных мѣстъ изъ „Слова“ въ какомъ нибудь другомъ памятникѣ. Насъ занимаютъ болѣе общіе вопросы — мѣсто „Слова“ въ ряду памятниковъ нашей литературы, вопросъ о самостоятельности автора, характеръ произведенія, языкъ и т. п. Эти вопросы были часто и мною обсуждаемы, но все же не достигли такой обработки, чтобы считаться вполне рѣшенными, хотя уже ученики заучиваютъ въ учебникахъ, что „Слово“ было прежде пѣснью и записано лишь въ послѣдствіи, что авторъ его принадлежалъ къ „дружиннымъ“ пѣвцамъ, что

оно относится къ „дружинному“ эпосу ¹⁾), что Боянъ былъ древне-русскій пѣвецъ, „растекавшійся мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, шизымъ орломъ подъ облакы“ и выражавшій свою житейскую мудрость въ пословицахъ: ни хытру, ни горазду суда Божія не минути и т. п.

Методъ нашего изслѣдованія будетъ зависѣть отъ рѣшенія перваго вопроса: есть ли „Слово“ пѣснь (народная или дружинная), пѣвшаяся и затѣмъ записанная какимъ нибудь книжникомъ, или оно произведеніе книжнаго человѣка, хорошо знакомаго съ литературой своего времени?

Первое мнѣніе, на нашъ взглядъ, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Оно опирается на названіе *пѣснь*, которымъ обозначаетъ авторъ свое произведеніе ²⁾ и на нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ подозрѣваютъ стихи. Но если авторъ и называетъ свое произведеніе пѣснью, то тутъ же называетъ его *повѣстью* ³⁾ и во всякомъ случаѣ нѣтъ доказательствъ, чтобы эта *пѣснь* или *повѣсть* когда нибудь пѣлась. Существованіе нѣсколькихъ стиховъ, или вѣрнѣе размѣренныхъ предложеній, конечно также не доказываетъ, что „Слово“ ходило въ устахъ пѣвцовъ,

---

¹⁾ См. напр. Руководство для историческаго изученія замѣчательныхъ произведеній русской литературы г. Стоюнина.

²⁾ Начяти же ся тѣй пѣсни; пѣти было пѣснь Игореву; пѣвшю пѣснь старымъ княземъ.

³⁾ Почнемъ же, братіе, повѣсть сію.

какъ наши олонецкія былины. Напротивъ „Слово“ *toto coelo* отличается отъ устной поэзіи и носитъ всѣ признаки книжности и искусственности.

Предположимъ на минуту, что авторъ дѣйствительно самъ пѣлъ походъ Игоря, былъ неграмотный воинъ, дружинникъ, рапсода въ родѣ крестьянина Рябинина. Положимъ далѣе, что только одно поколѣніе ходила его пѣснь въ устахъ дружины и затѣмъ попала подъ перо книжника. Неужели въ переложеніи послѣдняго она могла такъ мало исказиться, что историкъ открываетъ въ ней цѣлую генеалогію князей, воспоминаніе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, предпріятіяхъ, характерѣ и событіяхъ жизни? Неужели въ продолженіе одного поколѣнія не перепутались, не исказились имена болѣе тридцати князей, упоминавшихся въ пѣснѣ, неужели всякій изъ пѣвцовъ такъ же твердо помнилъ всякое имя, всякое отчество, всякое обстоятельство изъ жизни князей, какъ самъ авторъ? Неужели эта большая и наполненная именами пѣснь могла избѣгнуть искаженія, которое неминуемо постигаетъ всякое устное произведеніе и преимущественно личные имена. Если въ какія нибудь 30 лѣтъ имена еще не могли бы исказиться до неузнаваемости— какъ, напримѣръ, въ нашихъ духовныхъ стихахъ ¹⁾),

---

¹⁾ Здѣсь находимъ: Малафей или Молоферъ изъ Олофернъ; Сахатаръ или Сафатъ рѣка изъ долины Іосафатовой; Волоть, Волото-

—то все же не могли бы конечно остаться въ томъ видѣ, какъ были въ первоначальной пѣснѣ.

Итакъ уже одно это обстоятельство указываетъ на несостоятельность предположенія, что „Слово“ было вначалѣ настоящей пѣснью.

Главный мотивъ разбираемой гипотезы—желаніе объяснить существованіе нѣсколькихъ мѣстъ, въ которыхъ подозрѣваютъ метрическій складъ. И вотъ, на основаніи двухъ-трехъ подобныхъ мѣстъ, нѣкоторые издатели (Гербель, Малашевъ) дѣлятъ произвольно все „Слово“ на строфы и получаютъ стихи въ родѣ:

Боянъ же, братіе,
Не десять соколовъ
На стадо лебедѣй пуцаше,
Нъ своя вѣщія прѣсты
На живая струны вѣскладаше;
Они же сами
Княземъ славу рокотаху.

Тѣ, которые производили надъ „Словомъ“ подобные опыты, имѣли въ виду аналогію между нимъ и нашими былинами. Какъ послѣднія иногда утрачиваютъ стихотворную форму и переходятъ въ прозу

манъ, Волотоміръ, Володиміръ изъ Птолемея (см. Jagić, Archiv für Slavische Philologie, I р. 87); Опорхала, Аполшій, Иполшій изъ Святополкъ (см. стихи о Борисѣ и Глѣбѣ въ сборникѣ г. Безсонова, I часть, выпускъ 3-й).

(напр. сказка про Илью Муромца), такъ было, думали они, и съ пѣснью XII-го вѣка. Но можно ли здѣсь видѣть какую нибудь аналогію? Если былина рассказывается прозой, это значитъ, что рассказчикъ позабылъ стихъ и передалъ только его содержаніе, какъ умѣлъ. Но можно ли предположить тоже самое о книжникѣ, якобы записавшемъ прозою пѣснь Игореву? Конечно нѣтъ. Еслибъ онъ позабылъ складъ пѣсни, не помнилъ стиховъ, а только передавалъ содержаніе, то долженъ былъ бы позабыть и массу подробностей, забываемыхъ гораздо легче, долженъ бы былъ перепутать имена, отчества и т. д. Если же, напротивъ, онъ хорошо помнилъ пѣснь—а въ этомъ трудно сомнѣваться,—то пѣсенный складъ сохранился бы гораздо ярче, нежели въ текстѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, и стихъ пробивался бы не въ двухъ-трехъ мѣстахъ, а гораздо чаще. Такимъ образомъ разбираемая гипотеза вводитъ насъ въ дилемму, изъ которой мы не видимъ исхода.

Вмѣсто того, чтобъ считать нѣкоторыя метрическія мѣста, напримѣръ плачъ Ярославны, послѣдними уцѣлѣвшими остатками пѣсни, не легче ли предположить, что авторъ въ теченіи поэтического разсказа, кое-гдѣ невольно впадалъ въ лиризмъ и облакалъ поэтическіе эпизоды въ склады quasi стиха, увлекаясь по временамъ замышленіемъ Бояновымъ, хотя и рѣшилъ въ началѣ слѣдовать

былинамъ своего времени? Что такое замышленіе бояново—увидимъ ниже.

Авторъ пѣсни, говорятъ иные, принадлежалъ къ воинамъ, княжескимъ дружинникамъ и былъ участникомъ похода. Грамотность же въ тѣ времена была распространена только въ духовномъ сословіи, — ergo авторъ былъ не грамотенъ и не могъ самъ записать своего произведенія. Что авторъ былъ воинъ — выводятъ изъ мастерскаго описанія битвы и различнаго вооруженія; что у него было не книжное (христіанское), а языческое міросозерцаніе — изъ того, что упоминаются имена боговъ — Хорса, Дажь-бога, Стри-бога, Велеса. Всѣ эти предположенія до такой степени голословны, что разлетаются сами собой при чтеніи памятника. Достаточно прочесть искусственное начало „Слова“, это колебаніе автора, слѣдовать ли ему замышленію поэта Бояна или былинамъ своего времени, вспомнить кудреватые и вычурные выраженія ¹⁾, политическую тенденцію, фамиліарность съ князья-

---

¹⁾ Напр. растѣкашется мыслію по древу; иже и стягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ; скача по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени и т. п.

На нѣкоторыя книжныя выраженія, напоминающія складъ воинскихъ повѣстей, указалъ Е. В. Барсовъ, приводя нѣкоторыя (иногда впрочемъ не вполне наглядныя) параллели изъ повѣсти І. Флавія о полоненіи Іерусалима. См. Ж. М. Н. Пр. Октябрь 1876, стр. 109 — 112.

ми, полное знаніе ихъ взаимныхъ отношеній — чтобъ убѣдиться, что авторъ не могъ быть неграмотнымъ пѣвцомъ, проникнутымъ народными миѳическими воззрѣніями.

Вмѣсто дѣтской наивности, навязываемой ему нѣкоторыми учеными, находимъ всюду мысль человека вполне развитаго для своего времени, представителя и поборника политической идеи, сознававшейся далеко не всѣми князьями этого періода, идеи о необходимости забыть вѣчныя распри и дружно сплотиться для отпора поганыхъ. Для проведенія этой идеи авторъ прибѣгаетъ въ воззваніи къ князьямъ къ такимъ средствамъ, которыя показываютъ въ немъ человека, знакомаго съ личностями и характерами современныхъ князей: онъ льститъ, кому слѣдуетъ (Всеволоду, Рюрику и Давиду, Ярославу Осмомыслу, Роману и Мстиславу), другихъ укоряетъ (Ярослава и внуковъ Всеслава) и дѣйствуетъ на самолюбіе современниковъ, указывая на заслуги предковъ.

Неужели этотъ политическій дѣятель былъ неграмотенъ и только потому, что принадлежалъ къ княжеской дружинѣ, былъ не монахъ, а воинъ? Неужели при дворахъ князей XII-го вѣка не было книжныхъ людей и всѣ таковыя прятались въ стѣнахъ кіево-печерскаго монастыря и облакались монашеской мантией?

Языческое міровоззрѣніе видятъ въ именахъ язы-

ческихъ божествъ. Еслибъ авторъ былъ книжникомъ, воспитавшимся на чтеніи Священнаго Писанія, онъ не могъ бы упоминать языческія божества, не отрещиваясь отъ нихъ и не обличая при этомъ *елиньскаго* идолослуженія. Происхожденіе отъ боговъ (Бояне Велесовъ внуче) не могло бы считаться почетнымъ эпитетомъ для христіанина — пѣвца или князя, — и все произведеніе было бы украшено не изреченіями Бояна, а выдержками изъ Священнаго Писанія. На нашъ взглядъ, эти факты свидѣтельствовали бы, въ крайнемъ случаѣ, только о томъ, что авторъ былъ не духовное лицо, а мірянинъ, но никакъ не о томъ, что онъ дѣйствительно вѣрилъ въ существованіе Велесовъ, Дажь-боговъ, Стри-боговъ.

Эти имена встрѣчаются у него въ нѣкоторыхъ украшающихъ эпитетахъ (ер. *ornans*), какъ достояніе поэтическаго языка и заключать отсюда о язычествѣ автора было бы такъ же произвольно, какъ еслибъ кто нибудь утверждалъ, что Державинъ вѣрилъ въ бога Леля, котораго упоминаетъ въ пѣсняхъ. Можно ли думать, чтобы авторъ, приписывающій спасеніе Игоря изъ плѣна помощи Бога (Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую) и упоминающій о Богородицѣ Пирогощей, вѣрилъ въ тоже время въ происхожденіе князя отъ Дажь-бога или Бояна отъ Велеса? Очевидно присутствіе божествъ въ эпите-

тахъ слѣдуетъ объяснять иначе и ниже мы предложимъ свое объясненіе.

Итакъ, мы исходимъ изъ мысли, что „Слово“ произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу. Какъ произведеніе книжное, оно должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжной словесностью, ибо всякій авторъ, какъ бы онъ ни былъ гениаленъ, сынъ своего времени и воспитанъ на его литературныхъ произведеніяхъ. Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ „Слова“ въ народныхъ былинахъ и малорусскихъ думахъ, слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ книжной словесности и уже потомъ, когда отношеніе автора къ послѣдней будетъ опредѣлено, выяснятся сами собою, его индивидуальныя черты, обнаружится насколько онъ самостоятеленъ и насколько зависитъ отъ прочтенныхъ книгъ. Указывать на то, какъ измѣняется оцѣнка автора, котораго источники намъ извѣстны— было бы повторять азбучную истину. Но все же мы поставимъ вопросъ: такъ ли бы смотрѣла критика на автора Задонщины, еслибъ Слово о Полку Игоревѣ вовсе не было извѣстно? Находя въ Задонщинѣ поэтическія сравненія, весьма высокой пробы и приписывая ихъ поэтическому таланту

автора, считала ли бы критика его бездарнымъ компиляторомъ? Очевидно нѣтъ. Она утверждала бы, что у него было по малой мѣрѣ поэтическое чутье, хотя и заглушаемое часто общимъ безвкусіемъ его времени. Вѣдь подобной невѣрной оцѣнкѣ могъ бы подвергнуться и авторъ „Слова“, еслибъ случайно найдены были замышленія Бояна, которымъ онъ подражалъ. Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ, прежде нежели *заподозрить* автора въ самостоятельности, не лучше ли поискать, какія данныя для себя могъ онъ найти въ литературѣ своего времени.

Что же намъ извѣстно изъ этой литературы?

Къ сожалѣнію очень, очень немного. Но намъ извѣстенъ одинъ вѣскій фактъ, что литература эта была подражательная, заключалась въ массѣ переводовъ или передѣлокъ византійскихъ произведеній, переходившихъ на Русь чрезъ южно-славянскую среду. Просматривая рядъ произведеній этой литературы и отыскивая произведенія аналогичныя „Слову“, естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ „повѣстей“, „исторій“ и „сказаній“, въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о Дѣяніи Девгеніевѣ, повѣсти о Соломонѣ и т. п. Значеніе ряда этихъ произведеній свѣтской литературы выяснено общеизвѣстнымъ трудомъ г. Пыпина ¹⁾ и потому останавливаться на

---

¹⁾ Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. 1858.

общей ихъ оцѣнкѣ считаемъ лишнимъ. Такъ же выясненъ фактъ, что хотя большая часть этихъ произведеній сохранилась въ позднихъ спискахъ, XV и XVI вв., знакомство съ ними относится уже къ первымъ вѣкамъ древней нашей литературы.

Есть полное основаніе согласиться съ мнѣніемъ г. Пыпина, что, напримѣръ, „Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита“, заключавшееся въ сборникѣ, гдѣ найдено „Слово“, или Слово о Акирѣ премудромъ, сказка изъ 1001 ночи могли быть извѣстны уже въ XII вѣкѣ ¹⁾).

Смотря съ этой точки на Слово о Полку Игоревѣ, всего ближе искать матерьялъ къ его объясненію въ произведеніи, вошедшемъ въ одинъ сборникъ съ нимъ, въ Дѣяніи Девгеніевомъ, извѣстномъ по единственной рукописи изъ Погодинскаго древлехранилища. „Дѣяніе“ имѣетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что недавно была открыта греческая рукопись поэмы о Дигенисѣ и издана Саѳою и Леграномъ ²⁾), съ обширнымъ предисловіемъ, освѣщающимъ значеніе этого памятника византійской литературы.

---

¹⁾ Пыпинъ, стр. 83, 84 и слѣд.

²⁾ Les Exploits de Digenis Akritas, par C. Sathas et E. Legrand. Paris. Maisonneuve et Cie. 1875.

Глава вторая.

Передъ нами пространный византійскій героическій романъ X-го вѣка. Единственная рукопись этого произведенія, состоявшаго изъ десяти пѣсенъ, принадлежитъ библіотекѣ греческой школы въ Трапезунтѣ и была пожертвована туда учителемъ этой школы Саввою Іоаннидисомъ. Къ сожалѣнію эта единственная и притомъ поздняя рукопись далеко не полна: недостаетъ всей первой книги, начала второй, одного мѣста седьмой и конца десятой. Сверхъ того оказывается много пропусковъ, находившихся уже въ рукописи, послужившей оригиналомъ для трапезунтской ¹⁾).

Ученые издатели такъ опредѣляютъ языкъ этого памятника: настоящая поэма, говорятъ они, без-

---

¹⁾ Вагнеръ въ рецензіи изданія „Дигениса“ Лейпцига и Саары (Liter. Centralbl. 1876. № 1, стр. 17) сообщаетъ пріятное извѣстіе, что проф. Gius. Müller'у посчастливилось найти въ Туринѣ другой списокъ этой поэмы болѣе древній и полный. Изданіе новой рукописи вѣроятно не заставитъ себя ждать.

спорно самый древній извѣстный намъ памятникъ греческаго народнаго языка. Между тѣмъ языкъ поэта не относится ни къ народному нарѣчію нашего времени, ни къ тому, которое находимъ въ поэмахъ XVI-го вѣка или въ поэмахъ Θεοδωρα Προδρόμα, относящихся въ XII-му. Это смѣсь народнаго греческаго съ литературнымъ, или съ тѣмъ, который обыкновенно обозначаютъ названіемъ церковнаго. До сихъ поръ нашъ памятникъ единственный въ своемъ родѣ; онъ представляетъ чрезвычайно любопытную фазу греческаго языка. Это первый обращикъ народнаго діалекта, существовавшаго долгое время рядомъ съ литературнымъ и впослѣдствіи замѣнившаго послѣдній. Новогреческій языкъ не преобладаетъ въ поэмѣ: онъ входитъ въ пропорціи не болѣе $\frac{1}{10}$; синтаксисъ колеблется между древне-греческимъ и народнымъ, представляя черты того и другаго; иногда въ одной и той же фразѣ древняя форма стоитъ рядомъ съ новой и современной. Иногда поэтъ принимаетъ ромаическое спряженіе, но кажется по принужденію ритма или размѣра ¹⁾).

Далѣе издатели находятъ, что языкъ поэмы менѣе удаленъ отъ древне-греческаго, нежели языкъ нѣкоторыхъ произведеній XII-го вѣка. На основаніи переходнаго состоянія языка, прекратившагося къ

---

¹⁾ Ibid. p. 260.

XII-му столѣтію, и доказательствъ, почерпнутыхъ изъ содержанія памятника, издатели считаютъ автора современникомъ героя, воспѣтаго имъ и человѣкомъ весьма близкимъ къ Дигенису. Авторъ былъ начитанъ и въ священномъ Писаніи и въ древнихъ классикахъ; онъ украшаетъ свое произведеніе стихами Гомера и Пиндара.

Герой поэмы Василій Дигенисъ Акритисъ (Βασίλειος Διγενής Ἀκρίτης) историческое лицо, облеченное многими чертами эпическихъ героевъ и прославляемое доселѣ въ народныхъ греческихъ пѣсняхъ. Онъ называется Дигенисомъ (двоероднымъ), какъ сынъ арабскаго эмира Мусура, принявшаго христіанство, и гречанки изъ знаменитаго рода Дуковъ. Другое имя Ἀκρίτης дано ему какъ охранителю границъ византійской имперіи въ Азіи, противъ набѣговъ сарацинъ. Акриты были полунезависимые властители, соотвѣтствовавшіе маркизамъ, маркграфамъ, грузинскимъ арнаурамъ, персидскимъ пехлеванамъ, армянскимъ марзбанамъ, турецкимъ пашамъ. Еслибъ мы искали подобныхъ стражей границъ у насъ, то нашли бы ихъ въ народныхъ представленіяхъ о богатыряхъ, стоявшихъ на заставѣ богатырской и въ старомъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ. Подвиги одного изъ самыхъ извѣстныхъ Акритовъ, Дигениса, храбраго защитника византійскихъ владѣній на Евфратѣ, составляютъ содержаніе нашего романа. Дигенисъ сталъ для Эллиновъ

такимъ же популярнымъ героемъ, какимъ является Илья Муромецъ въ русскихъ былинахъ. Кромѣ личныхъ подвиговъ, ему послужило къ славы его происхожденіе съ материнской стороны отъ знаменитаго и популярнаго греческаго рода Дуковъ, сажавшаго императоровъ на византійскій престолъ.

Но обратимся къ содержанію поэмы.

Содержаніе недостающей первой пѣсни можетъ быть въ общихъ чертахъ возстановлено древнерусской повѣстью о прекрасномъ Девгеніи, передѣлкой болгарской редакціи византійскаго романа. Мы говоримъ въ *общихъ чертахъ*, потому что болгарская передѣлка отнеслась, повидимому, довольно самостоятельно къ своему источнику.

Бабка Дигениса—вдова знаменитаго Андроника Дуки, прославившагося сначала въ царствованіе Θεодоры, затѣмъ при Львѣ Мудромъ, когда Андроникъ спасъ имперію отъ Арабовъ. Въ поэмѣ она называется *генеральшей* (στρατηγισσα); въ славянской передѣлкѣ *вдовою царскаго рода*. Поэма даетъ ей одну дочь, будущую мать Дигениса, и пять сыновей, изъ которыхъ особенно прославился Константинъ Дука, трагически погибшій въ послѣдствіи претендентъ на византійскій престолъ. „*Повѣсть*“ упоминаетъ только трехъ *велепныхъ и велеозарныхъ сыновъ и одну дочь* великой красоты. Амиръ, царь аравитскія земли, вторгнувшійся въ предѣлы Имперіи, похитилъ эту красавицу, въ то время когда

ея мать была въ церкви, а братья на охотѣ. Одна только старая служанка видѣла это и передала огорченной матери, не нашедшей дочери дома. Вдова впадаетъ въ отчаяніе и призываетъ громкими воплями отсутствующихъ сыновей преслѣдовать похитителя. Когда они вернулись съ охоты, мать говоритъ имъ: „чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развѣ имѣли есте у себя вы едину сестру и та нынѣ похищенна руками Амира царя аравитцкіе земли; *и урва ми сердечное кореніе, и унзе мя яко бездушную трость*, а нынѣ заклиная вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моея: идите вы, угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своя не возмете, и вы и сами тамо *главы своя поло(жи)те* за сестрицу свою и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть“ (sic). Сыновья сѣли на коней „и поѣхаша яко *златокрылатые ястребы*, кони же подъ ними *яко летаху*“. Дорогой братья встрѣтили стражу Амира, въ числѣ 3000 человекъ, „и поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, *яко добрые косцы траву косити*, овѣихъ изсѣкоша, а овѣихъ связаша и приведоша на гору високу и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца“. Только трехъ стражей пощадили братья и, разспросивъ про силы Амира, послали къ нему съ вѣстью о своемъ приѣздѣ. Когда отпущенные срацыняне рассказали царю о побіеніи

стражей, царь Амиръ „ужастенъ бысть и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: братія моя, силніи кмети! видѣхъ я ночесъ сонъ, яко ястребы три біюще мя крылы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ; занеже братаничи сіи приидутъ, а начнутъ прю творити“. Въ это время подъѣзжаютъ братья, насмѣхаются надъ стражей Амира, упрекаютъ его за похищеніе сестры ихъ „татъбою“ и спрашиваютъ, гдѣ она находится. Амиръ указываетъ на гору, покрытую тѣлами прекрасныхъ дѣвъ и женъ: тамъ среди труповъ лежитъ и трупъ сестры ихъ, убитой за то, что не исполнила волю Амира.

Отсюда мы можемъ уже обратиться къ греческой поэмѣ, открывающейся въ трапезунтской рукописи поисками братьевъ среди труповъ. Къ славянской передѣлкѣ возвратимся впоследствии. Братья, пораженные видомъ столькихъ труповъ, поднимаютъ головы, заглядываютъ въ лица, отыскивая прекрасную сестру. Они не находятъ ее и начинаютъ рыдать, призывая солнце въ свидѣтели:

„О солнце лучезарное! свѣтильникъ всей вселенной,
Которое изъ этихъ тѣлъ—сестра, намъ укажи ты,
Чтобъ мы оплакали ее и погребли съ другими.
Какую голову намъ взять, поднять какую руку?
Какое слово отвезти намъ матери прекрасной?
Какъ горько всплачется она, власы свои терзая?
За что содѣлало ты намъ, о солнце! зло такое?“ и т. д.

Долго оплакивали братья участь сестры, наконецъ, не найдя ея трупа, погребли всѣ другіе трупы и пошли къ эмиру, угрожая ему смертью. Эмиръ спрашиваетъ ихъ, кто они, какого рода, какой семьи. Старшій, въ гордыхъ словахъ, перечисляетъ предковъ и кончаетъ прежней угрозой. Эмиръ въ отвѣтъ говоритъ о своемъ высокомъ происхожденіи, о своихъ подвигахъ и признается въ пламенной любви къ ихъ сестрѣ. Если они согласны взять его въ зятя, онъ откажется отъ вѣры Магомета и поселится въ Имперіи. Сестра ихъ находится въ его палаткѣ, гдѣ братья свидѣлись съ ней, проливая слезы радости. Слѣдуетъ описаніе путешествія эмира съ невѣстой къ ея матери и радостной встрѣчи послѣдней съ сыновьями и дочерью.

Третья книга. Мать эмира, узнавъ о его бѣгствѣ къ Грекамъ, пишетъ ему письмо, полное упрековъ. Она укоряетъ сына за измѣну вѣрѣ отцовъ, напоминаетъ ихъ славныя дѣянія, ставитъ ему въ примѣръ покойнаго отца, котораго не могли склонить къ миру никакія обѣщанія Грековъ, и умоляетъ вернуться на родину, взявъ съ собою жену. Въ противномъ случаѣ она угрожаетъ ему проклятіемъ.

Письмо подѣйствовало на сына: онъ вспомнилъ о родинѣ, о прежнихъ женахъ и дѣтяхъ, о городахъ и дворцахъ, которые достанутся другому и впалъ въ раздумье. Онъ идетъ къ женѣ и со-

общаетъ ей о своемъ рѣшеніи ѣхать на родину, посѣтить мать и затѣмъ снова вернуться; при этомъ просить жену никому не говорить о письмѣ его матери. Но намѣреніе эмира обнаружилъ шурьямъ вѣщій сонъ, увидѣнный младшимъ изъ нихъ. Этотъ сонъ онъ рассказываетъ братьямъ:

Во снѣ я видѣлъ коршуновъ на Левкопетрѣ, хищ-
ныхъ,

И златокрылаго орла: преслѣдовалъ голубку
Онъ бѣлую, какъ чистый снѣгъ, и полетѣлъ за нею,
И скрылся въ комнату, гдѣ спитъ нашъ зять съ
сестрою нашей.

Чтобы поймать его, туда я бросился поспѣшно,
Разставилъ руки и заразъ обѣихъ птицъ поймалъ я.

Константинъ Дука понялъ значеніе сна и всѣ пятеро поскакали къ Левкопетрѣ, гдѣ нашли всадниковъ, посланныхъ матерью эмира. Съ ними вмѣстѣ братья пошли къ зятю и осыпали его упреками, за намѣреніе покинуть ихъ сестру. Смущенный эмиръ идетъ къ женѣ и, увѣренный, что она открыла братьямъ его замыселъ, упрекаетъ ее и грозитъ лишить себя жизни. Отъ сильнаго огорченія жена не могла сначала оправдываться, потомъ увѣряетъ мужа въ своей невинности и примиряетъ его съ братьями. На семейномъ совѣтѣ рѣшено, что эмиръ поѣдетъ на родину одинъ и постарается скорѣе вернуться къ

женѣ. Слѣдующія главы описываютъ путешествіе эмира, прибытіе въ Эдессу и свиданіе съ матерью, которой онъ рассказываетъ свои похождения. Эмиръ склоняетъ мать принять христіанство и ѣхать съ нимъ къ Грекамъ. Возвращеніемъ его и страстнымъ свиданіемъ съ женою кончается третья книга.

Первыя книги только введеніе въ исторію Дигениса Акрита. Съ *четвертой* поэтъ начинаетъ прославленіе этого героя и потому предпосылаетъ дальнѣйшему введеніе, обнаруживающее въ авторѣ знакомство съ обычными приѣмами эпическихъ пѣвцовъ. Введеніе начинается обращеніемъ къ читателю.

Хочу, о другъ, повѣствовать о многихъ я дѣяньяхъ,
О подвигахъ безчисленныхъ и о войны трофеяхъ,
Которыми прославился герой Акритъ Дигенисъ,
Достойный удивленія всѣхъ, за то что совершилъ
онъ...

Великія дѣянія, блестящія побѣды
И благородство—на землѣ прославили героя и т. д.

Второй сюжетъ автора—любовь и онъ пускается въ разсужденія о неотразимой силѣ этого чувства надъ слабыми смертными. Затѣмъ продолжаетъ:

Оставь, не пой, о человѣкъ! ты басни объ Ахиллѣ,
Иль о героѣ Гекторѣ—вѣдь ложны эти миѳы.
Царь Македонскій Александръ, что въ замыслахъ
могучихъ,

И съ помощію божества властителемъ сталъ міра,
Лишь человѣческую мощь имѣлъ и дерзновенье.
А старый воинъ Филопашъ, Киннамъ и Іоанникій—
Изъ этихъ всѣхъ богатырей, прославленныхъ, мо-
гучихъ,

Никто не можетъ рядомъ стать съ Дигенисомъ
Акритомъ:

Они украсили себя дѣлами измышленья,
Но все, что совершилъ Акрить, вполне достоверно,
И въ этихъ подвигахъ никто не долженъ сомнѣ-
ваться!

Затѣмъ авторъ повторяетъ въ краткихъ чертахъ біографію отца Дигениса, говоритъ о рожденіи и воспитаніи Василія и его первыхъ подвигахъ на охотѣ. На 12-мъ году онъ уже проситъ отца отпустить его на охоту за дикими звѣрями и убиваетъ медвѣдя, задушивъ его руками. Другой подвигъ мальчика былъ бой съ львицей: ударомъ меча онъ разсѣкаетъ ей голову до плечъ. Восхищенные силой и ловкостью Дигениса, отецъ и дядья поздравляютъ его. Отецъ самъ хочетъ омыть ему ноги и облакаетъ его богатой одеждой. Здѣсь поэтъ посвящаетъ нѣсколько стиховъ описанію дивной красоты своего героя: у него русыя кудри, большіе черные глаза, черныя брови и розы на ланитахъ.

Когда окончилось военное воспитаніе Дигениса, эмиръ удаляется отъ государственныхъ дѣлъ въ

свой дворецъ, посвятивъ себя исключительно дѣламъ благочестія. Сынъ принимаетъ начальство надъ домашними палликарами и скоро заявляетъ о себѣ подвигами храбрости. Онъ получилъ желаніе ознакомиться съ жизнью разбойниковъ, апелатовъ, и, вооружившись копьемъ и палицей, отправляется на конѣ въ мѣста, гдѣ надѣялся ихъ встрѣтить. У одного болота онъ увидѣлъ трупъ льва, убитаго знаменитымъ предводителемъ разбойниковъ Іоанникіемъ. Далѣе онъ узнаетъ изъ разговора съ водоносомъ шайки о мѣстопробываніи вождя Филопаппа и находитъ его шатеръ. Когда онъ заявилъ предводителю о желаніи вступить въ шайку, Филопаппъ подвергаетъ его испытанію: пятнадцать дней долженъ Дигенисъ стоять на караулѣ, вооруженный одною палицей, ничего не ѣсть и не спать все это время. Затѣмъ долженъ идти на львовъ и принести вождю доказательство своей побѣды. (Здѣсь довольно большой пропускъ). Дигенисъ, вѣроятно пройдя чрезъ всѣ назначенныя испытанія, обезоруживаетъ всю шайку и приноситъ Филопаппу оружіе всѣхъ его разбойниковъ, со словами: если этотъ подарокъ тебѣ не нравится, я поступлю съ тобою, какъ съ ними.

Пѣснь кончается возвращеніемъ Дигениса домой, послѣ того какъ онъ всюду распространилъ страхъ своего имени.

Пятая книга посвящена любви Дигениса къ пре-

красной Евдокіи, дочери стратига Дуки, родственника шурьевъ эмира. Молва безпрестанно приносила нашему герою извѣстія о необыкновенной красотѣ Евдокіи. Однажды Дигенису пришлось возвращаться съ охоты мимо мраморнаго дворца ея отца. Онъ остановился и запѣлъ любовную пѣснь, которая глубоко потрясла сердце дѣвушки. Не рѣшаясь выглянуть въ окошко, она приказала кормилицѣ посмотреть на пѣвца, и та немедленно восклицаетъ: „о если бы небо внушило отцу твоему взять его въ зятя, ибо прекраснѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ!“ Слыша такой отзывъ, Евдокія сама смотритъ на Дигениса сквозь щель. Между тѣмъ Василій спрашиваетъ людей, принадлежитъ ли этотъ дворецъ Дукѣ и здѣсь ли живетъ его знаменитая дочь. Самъ хозяинъ выдаетъ себя за слугу и говоритъ Дигенису: „много смѣльчаковъ пытались похитить красавицу, но попадали во власть ея отца и были преданы смерти“. Дигенисъ, догадавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло, отвѣчаетъ, что не намѣренъ похищать дѣвушки и не боится засады: онъ желаетъ взять ее въ супруги съ согласія отца и проситъ служителя помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Дука отказывается. Дигенисъ, подойдя подъ окно дѣвушки, говоритъ: „дай мнѣ знать, любишь ли ты меня или любишь другаго: я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли“. Евдокія посылаетъ кормилицу сказать ему: „Богъ покажетъ тебѣ, что я

тебя ношу въ сердцѣ, но я не знаю, юноша, кто ты и какого рода; если же ты Василій Дигенисъ Акритъ, ты высокаго и богатаго рода и чрезъ Дуковъ нашъ родственникъ. Отецъ мой подстерегаетъ тебя; онъ слышалъ отъ многихъ о твоёмъ мужествѣ, но берегись, юноша, не подвергай себя опасности ради меня, потому что мой отецъ жестокъ и тебя не пощадитъ“. Услыша этотъ отвѣтъ, Дигенисъ проситъ Евдокію показаться въ окнѣ и его просьба исполняется. (Здѣсь пропускъ цѣлаго ряда стиховъ, въ которыхъ вѣроятно описывалось свиданіе). Послѣднія слова Евдокіи были: „иди съ чувствомъ радости, о юноша, и не забывай меня“. — Жди меня эту ночь, — отвѣчаетъ Дигенисъ и, погруженный въ заботы о предстоящемъ свиданіи, возвращается домой. Не отвѣчая на вопросы матери, обеспокоенной его озабоченнымъ видомъ, онъ приготовляетъ все для похищенія Евдокіи и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ условленнаго времени. Въ условленный часъ онъ уже подъ окномъ Евдокіи и поетъ мелодическую пѣснь, акомпанируя себѣ на лирѣ. (Здѣсь пропускъ, по мнѣнію издателей, по крайней мѣрѣ 200 стиховъ, содержащихъ описаніе похищенія Евдокіи и бѣгства Дигениса, преслѣдуемаго сыновьями и служителями Дуки). Дигенисъ, видя, что погоня его настигаетъ, сажаетъ невѣсту на камень въ сторонѣ отъ дороги, а самъ бросается на преслѣдователей. Ударомъ

меча онъ разрубаеть одного изъ служителей Дуки и обращаетъ прочихъ въ бѣгство. Затѣмъ, замѣтивъ, что братья невѣсты приближаются къ мѣсту, гдѣ она сидѣла, онъ обращается противъ нихъ и легкими ударами палицы выбиваетъ ихъ изъ сѣделъ. Видя пораженіе своихъ людей, старый Дука смирился и со слезами подходитъ къ Василию. Дигенисъ падаетъ предъ нимъ на колѣна, проситъ прощенія за все совершившееся и желаетъ быть его зятемъ. Дука даетъ съ радостью свое согласіе и проситъ Дигениса воротиться, чтобы сыграть свадьбу и принять богатое приданое. Дигенисъ говоритъ, что не нуждается въ дарахъ, что онъ искалъ только любви Евдокіи и проситъ отдать приданое ея братьямъ. Онъ приглашаетъ Дуку съ сыновьями отправиться съ нимъ къ его отцу, эмиру; если же они не согласны, онъ уйдетъ съ невѣстою одинъ. (Пропускъ). Возвращеніе Дигениса съ невѣстою и пышная встрѣча со стороны эмира. Эмиръ возлагаетъ на голову невѣсты великолѣпный вѣнецъ и сажаетъ ее на богато-убраннаго коня. Слѣдуетъ описаніе торжества, при которомъ сама природа, по словамъ поэта, раздѣляла всеобщую радость:

Великолѣпіе празднествъ и общее веселье

Кто въ состояннѣ описать, кто рассказать возможно?

Возвеселилася земля и разцвѣла въ восторгѣ,
И горы прыгали окрестъ и скалы сладко пѣли,
И рѣки медленно текли отъ радости великой и т. д.

Слѣдуетъ перечисленіе великолѣпныхъ даровъ, поднесенныхъ Дукой Дигенису, состоявшихъ изъ коней со сбруей, соколовъ, роскошныхъ одеждъ, оружія и денегъ. Празднества продолжались еще три мѣсяца послѣ свадьбы. Когда старый Дука и гости разъѣхались, Дигенисъ съ молодой женою отправляется къ границамъ для ихъ защиты и съ этихъ поръ получаетъ прозвище Акрита, т. е. граничара. Подобно средневѣковымъ рыцарямъ или нашимъ народнымъ богатырямъ, Дигенисъ любилъ бродить одинъ, вдали отъ своихъ *палликаровъ*, ища приключеній. Эти приключенія, подвиги личной храбрости, поединки съ другими богатырями—сдѣлали его любимымъ народнымъ героемъ. Разсказъ о нѣкоторыхъ приключеніяхъ юнаго богатыря на заставѣ богатырской влагааетъ авторъ въ уста его самого въ шестой и седьмой пѣсняхъ. Не останавливаясь на подробномъ изложеніи содержанія, замѣтимъ, что въ походе, описанномъ въ шестой пѣсни, Дигенисъ поддается минутному влеченію къ одной дѣвушкѣ, покинутой ея женихомъ, при весьма романтической обстановкѣ, въ лѣсу, на берегу ручья. Эта измѣна женѣ сопровождалась сильными угрызениями совѣсти, но авторъ, повидимому, не скло-

ненъ строго судить своего героя за это рыцарское приключеніе.

Седьмая книга открывается прославленіемъ царя мѣсяцовъ—мѣсяца мая, когда вся природа благоухаетъ запахомъ цвѣтовъ, когда земля соперничаетъ по убранству съ небомъ и душа человѣка неудержимо влечется къ утѣхамъ Афродиты. Дигенисъ разбилъ шатеръ свой на роскошномъ лугу, недалеко отъ ручья. Въ то время какъ герой отдыхалъ, Евдокія пошла купаться и подверглась нападенію дракона, принявшаго видъ молодаго человѣка. Ея крикъ пробудилъ мужа: онъ бросается на помощь и вступаетъ въ бой съ врагомъ, принявшимъ свой природный видъ. Ударъ меча сражаетъ чудовище, и подоспѣвшіе служители относятъ его тѣло отъ шатра. За боемъ съ дракономъ слѣдуетъ бой со львомъ и съ тремя стами *апелатовъ*, намѣревавшихся овладѣть Евдокіей. Таже пѣснь содержитъ описаніе поединка Дигениса съ тремя самыми знаменитыми предводителями *апелатовъ*: Филопаппомъ, Киннамомъ и Іоанникіемъ. Трое сражаются съ однимъ, но терпятъ пораженіе и старый Филопаппъ проситъ Акрита принять начальство надъ всею шайкой. Дигенисъ отказывается. (Пропускъ). Побѣжденный предводитель хочетъ отомстить за свое пораженіе: онъ созываетъ кострами *апелатовъ* изо всѣхъ горъ и ущелій и рѣшается просить помощи у знаменитой

богатырши Максимо, которая, по преданію, происходила отъ древнихъ амазонокъ и превосходила силою всѣхъ богатырей своего времени. Филопаппъ, чтобы получить ея помощь, прибѣгаетъ къ обману, говоря, что нужно выручить изъ рукъ врага дѣвушку, которую любитъ Іоанникій. Максимо велитъ своему первому палликару Мелемензису созвать всю шайку и избрать сотню самыхъ храбрыхъ. Отрядъ подъѣзжаетъ къ мѣсту, гдѣ находился Акрить, съ намѣреніемъ напасть на него врасплохъ; но Дигенисъ не попался въ обманъ, ибо зорко слѣдилъ за всѣми движеніями непріятеля. Филопаппъ уговариваетъ Мелемензиса лучше сдѣлать попытку, похитить тайкомъ Евдокію, нежели вступать въ рискованный бой съ Дигенисомъ; но Мелемензисъ считаетъ такой поступокъ недостойнымъ храбраго воина. Максимо, видя одного только Дигениса безъ людей, полагаетъ, что онъ не ожидаетъ никакого нападенія; но, узнавъ отъ Филопаппа, что Акрить постоянно ѣздитъ одинъ со своею женою, она бранитъ стараго вождя, что онъ ложнымъ извѣстіемъ заставилъ ее собрать столько людей противъ человѣка, съ которымъ она одна управится. Она хочетъ перейти Евфратъ, чтобы немедленно напасть на Дигениса; но герой предупреждаетъ ее и говоритъ: „не переходи, Максимо, мущинѣ прилично идти на встрѣчу женщинѣ, я самъ приду къ тебѣ, какъ требуетъ приличіе!“

Съ этими словами Дигенисъ бросается съ конемъ въ рѣку и вступаетъ въ бой съ богатыршей. Ударомъ меча онъ отсѣкаетъ голову ея коню и амазонка падаетъ на землю, умоляя побѣдителя о пощадѣ. Рыцарственный Дигенисъ щадитъ ее какъ женщину и вступаетъ въ бой съ ея спутниками, которыхъ скоро обращаетъ въ бѣгство. Амазонка проситъ Дигениса возобновить съ нею бой на слѣдующее утро. Дигенисъ соглашается. Максимо является на условленное мѣсто въ великолѣпномъ платьѣ, убранномъ жемчугомъ, драгоценными камнями и въ золотомъ панцырѣ; подъ нею конь бѣлый, какъ снѣгъ. Сначала они бьются на копьяхъ, потомъ переходятъ къ мечамъ и Дигенисъ поранилъ ея розовый пальчикъ. Она бросаетъ мечъ и трепещетъ за свою жизнь. Дигенисъ снова пощадилъ жизнь красавицы. Тогда Максимо объявляетъ ему, что она рѣшилась сохранить свою дѣвственность для человѣка, который побѣдитъ ее. Теперь она принадлежитъ ему вполне. Дигенисъ отвѣчаетъ, что онъ женатъ и не можетъ исполнить ея желаніе. Тѣмъ не менѣе Дигенисъ въ концѣ концовъ не можетъ устоять предъ обаяніемъ ея красоты и молодости... Послѣ любовнаго свиданія они расстаются.

Восьмая книга описываетъ подробно прекрасный дворецъ и обширные сады Дигениса на берегу Евфрата. Поэтъ описываетъ образъ жизни своего

героя. Пѣснь кончается смертью и похоронами его отца, эмира.

Девятая книга рассказываетъ о смерти матери Акрита и изображаетъ горестъ сына:

О мать, сладчайшая, кто насъ съ тобою разлучилъ
на вѣкъ?

Внезапно корень кто срубилъ моей несчастной
жизни?

Кто погасилъ мнѣ свѣтъ очей? я ничего не вижу!

Кто ласки матери моей меня лишилъ жестоко?

Скажи мнѣ слово сладкое, любезнѣйшая мать!

И объяви мнѣ поскорѣй, кто днесъ тебя похитилъ?

Я драгоцѣнный выкупъ дамъ, чтобъ ты была сво-
бодна.

Увы! о свѣтъ моихъ очей, любезнѣйшая мать!

Когда я ликъ увижу твой и голосъ твой услышу?

Зачѣмъ сокровище мое, о гробъ жестокій, скрылъ
ты?—

Зачѣмъ скосилъ ты лучшій цвѣтъ моей печальной
жизни?

Ты погасилъ мнѣ свѣтъ очей, ты душу омрачилъ мнѣ,

Похитивъ мать, вскормившую меня своею грудью.

Дигенисъ похоронилъ мать въ одной могилѣ съ отцомъ. Съ этого времени онъ всю любовь свою сосредоточилъ на Евдокии и не переставалъ ее любить до самой смерти.

Отъ *десятой*, послѣдней пѣсни, содержащей

описаніе смерти Дигениса, сохранился, къ сожа-
лѣнію, лишь небольшой отрывокъ.

Утрата конца поэмы тѣмъ болѣе непріятна, что
въ заключительныхъ стихахъ, по всей вѣроятности,
поэтъ называлъ самого себя.

Вотъ начало этой пѣсни:

Начнемъ теперь повѣствовать Дигениса кончину,
Начнемъ рассказъ, исполненный слезами и печалью.
Все что ни есть прекраснаго въ обманчивомъ семъ
мірѣ,

Все это роковая смерть беретъ и мракъ аида.
Какъ легкій сонъ проходятъ здѣсь богатство, честь
и слава.

Такъ быстро и постигла смерть Дигениса Акрита
и т. д.

Чувствуя приближеніе смерти, нашъ герой при-
зываетъ къ постели нѣжно-любимую жену и долго
бесѣдуетъ съ нею.

Изъ *содержанія*, предшествующаго каждой пѣсни,
узнаемъ, что Евдокія не пережила своего супруга.

Изъ этого бѣглаго обзора содержанія, можно себѣ
составить понятіе о византійской поэмѣ. Очевидно,
что авторъ ея, знакомый съ Гомеромъ, имѣлъ въ
виду написать эпопею о Дигенисѣ и собралъ въ
десяти пѣсняхъ отдѣльные эпизоды изъ его біогра-
фіи. Авторъ коротко зналъ семейныя отношенія
своего героя, его образъ жизни и домашнюю обста-

новку. Нѣкоторыя похожденія, быть можетъ, слышаль отъ самого Дигениса, являющагося рассказикомъ въ 6-й и 7-й книгѣ. Другія событія доносила къ нему стоустая народная молва, конечно, разукрашивая ихъ и преувеличивая. Юный, прекрасный богатырь, одиноко бродившій на границѣ, полный отваги и великодушія сталъ скоро любимой темой народныхъ пѣсенъ.

Овладевъ этой личностью, народная фантазія перенесла на имя Дигениса подвиги, которые прежде приписывались другимъ именамъ. Дигенисъ сталъ идеаломъ народнаго богатыря, подобнаго Ильѣ Муромцу, Евдокія — идеаломъ женской красоты, какъ прекрасная Елена. Народная пѣсня съ особенной любовью останавливается на нѣкоторыхъ похожденіяхъ героя: на островѣ Кипрѣ до сихъ поръ распространена пѣсня о похищеніи Евдокіи Дигенисомъ, въ которой, совершенно въ разладъ съ поэмой, Хиліонаппъ (Филопаппъ) является сватомъ, засылаемымъ Дигенисомъ къ родителямъ Евдокіи, а самъ женихъ играетъ на скрипкѣ и убиваетъ дракона пощечиной. Другая пѣсня воспѣваетъ похищеніе Евдокіи апелатами. Акритъ *пашетъ* землю на берегу рѣки; прилетаетъ птичка и приноситъ извѣстіе, что домъ его разоренъ и возлюбленная уведена. Акритъ бросается въ погоню, встрѣчаетъ Узовъ и Эллиновъ, послѣднихъ у дѣвскаго моста, подъѣзжаетъ къ городу, гдѣ

находить жену, убивает похитителей и въ томъ числѣ 300 Варанговъ (Варяговъ) на дѣвскомъ мосту и т. д. Есть пѣснь, которая изображаетъ прекрасные сады Дигениса, другія воспѣваютъ борьбу героя со смертью Харономъ ¹⁾, еще другія смерть Евдокии, задушенной умирающимъ Дигенисомъ въ послѣднемъ объятіи. Но и самая поэма вызывала подражанія у позднѣйшихъ писателей и нѣтъ сомнѣнія, что можно бы было указать въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній ея отголоски, если бы рука времени была менѣе безжалостна надъ произведеніями средневѣковой Византіи.

Издатели указываютъ въ предисловіи на аллегорическую поэму Мелитеніота, относимую къ концу XIII-го и началу XIV-го вѣка, въ которой находятъ массу яркихъ подражаній поэмѣ о Дигенисѣ. Близость въ отдѣльных мѣстахъ такова, что нерѣдко сомнительное чтеніе въ Дигенисѣ находитъ объясненіе въ поэмѣ Мелитеніота и наоборотъ. Извѣстный поэтъ XII-го вѣка, Θεοδωρὸς Προδρομὸς, воспѣвая императора Мануила Комнена, считаетъ умѣстнымъ назвать своего героя *новымъ Акритомъ* или *вторымъ Акритомъ*. Слѣдовательно еще два вѣка послѣ смерти Акрита, имя его гремѣло славою.

---

¹⁾ Нѣкоторыя ново-греческія пѣсни о борьбѣ Дигениса съ Харономъ приведены въ прозаическомъ изложеніи въ статьѣ проф. А. Веселовскаго „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“. Вѣсти. Европы. 1875. Апрѣль, стр. 763—766.

Отсылая всѣхъ интересующихся исторической стороной поэмы къ обширному предисловію издателей, замѣтимъ, что на поэму слѣдуетъ смотрѣть, какъ на любимый и широко-распространенный героическій эпосъ средневѣковаго Эллинизма и что герой его Дигенисъ Акритъ былъ для Грековъ среднихъ вѣковъ и новаго времени такимъ же блестящимъ представителемъ Эллинизма, такимъ же популярнымъ богатыремъ, какъ Ахиллъ для древней Эллады. Понятно, что этотъ богатый сюжетъ долженъ былъ отразиться на литературахъ, находившихся въ тѣсной зависимости отъ византійской, понятно, что рассказъ о подвигахъ Дигениса долженъ былъ выйти далеко за предѣлы страны и народа, среди которыхъ онъ сложился. Здѣсь кстати припомнить слова Ліутпранда о быстромъ распространѣніи византійскихъ произведеній въ его время. Когда Ліутпрандъ былъ въ Константинополѣ (958), пѣсни о сыновьяхъ Романа Лакапена (945) пѣлись не только въ Европѣ, но въ Азіи и Африкѣ ¹⁾. Естественно, что и ближайшая сосѣдка Византіи, Болгарія, усвоившая такую массу византійскихъ произведеній, должна была познакомиться съ популярною личностью Дигениса и въ свою очередь водворить эту личность на русской почвѣ.

---

¹⁾ Antapodosis V, 22. Quod justo Dei iudicio ita accidisse non solum Europa, sed et Asia nunc cantat et Africa.

Слѣдуетъ возвратиться къ повѣсти о прекрасномъ Девгеніи, чтобы опредѣлить, какую форму приняла византійское произведеніе на славянской почвѣ.

Уже первый взглядъ показываетъ, что славянская передѣлка отнеслась къ своему оригиналу весьма самостоятельно. Историческія черты, генеалогическія подробности, не представлявшія интереса для славянскаго читателя, стерты. Повѣсть проникнута бѣльшимъ благочестіемъ и нѣкоторые эпизоды, представлявшіе соблазнъ пуританскому чувству, обойдены вовсе или подверглись измѣненію.

Въ обзорѣ содержанія мы остановились на напрасныхъ поискахъ трупа сестры братьями. Не найдя его, *братаничи* сѣли на коней и запѣли *ангельскую пѣснь*: „*благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руку мою на ополченіе и на брань!* Затѣмъ они сказали другъ другу: „попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своея, *и главы своя положимъ за сестрицу свою*“. Они вызываютъ Амира на смертный бой и по его желанію бросаютъ между собою жребій, кому изъ нихъ трехъ съ нимъ биться. Жребій падаетъ на младшаго брата и оба старшіе начинаютъ его снаряжать: *идѣ стоятъ братаничи и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а идѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣтъ свѣта, аки тма темно*. Слѣдуетъ *ангельская пѣснь* братьевъ и бой младшаго съ Амиромъ. Амиръ

сброшенъ съ коня и просить пощады, обѣщаясь принять святое крещеніе изъ любви къ ихъ сестрѣ. Благочестивая повѣсть, во избѣжаніе соблазна, считаетъ нужнымъ ярко выставить невинность и чистоту дѣвицы, не смотря на то, что она была въ плѣну у Амира. „Братія! говоритъ Амиръ, видите оно поле прекрасно: тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша; а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ“. Далѣе первый вопросъ братьевъ къ сестрѣ таковъ: „повѣждь намъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отымемъ же главу его и отвеземъ въ греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву“. Сестра успокоиваетъ сомнѣнія братьевъ: когда Амиръ похитилъ ее, при ней было 12 кормилицъ; когда она жила въ шатрѣ, онъ пріѣзжалъ разъ въ мѣсяцъ и только издали смотрѣлъ на нее; никто не видѣлъ лица ея и не входилъ въ шатеръ. Затѣмъ она сама изъявляетъ желаніе выйти за Амира, если онъ приметъ христіанство. Братья желаютъ, чтобъ Амиръ немедленно крестился и ѣхалъ съ ними въ греческую землю, но онъ посылаетъ ихъ съ невѣстой впередъ, говоря, что самъ соберетъ своихъ людей, желающихъ принять вѣру Христову и свои несмѣтныя богатства и съ честью

пріѣдетъ къ Грекамъ. Братья отправляются впередъ, а Амиръ сажаетъ на престолъ свой младшаго брата, и увѣривъ мать, что ѣдетъ истреблять Грековъ, собираетъ своихъ людей и богатство. На *сумезьси* греческой земли онъ объявляетъ дружинѣ истинную цѣль своей поѣздки и зоветъ съ собою всѣхъ желающихъ креститься. Нѣкоторые изъ *кметей* слѣдуютъ за нимъ. Не доѣзжая до града греческаго, братья съѣзжаются съ Амиромъ. Слѣдуетъ крещеніе въ Евфратѣ, причемъ крестилъ Амира патріархъ, а воспріемникомъ былъ *царь града того*.

Послѣ свадьбы Амиръ живетъ во дворцѣ съ молодой женою. Посольство матери къ сыну рассказано довольно близко къ византійской поэмѣ, но вѣщій сонъ, открывшій замыселъ Амира, видитъ не одинъ изъ шурьевъ, а сама жена: „въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатый соколъ и ятъ мя и изнесе изъ полаты моея и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола и соколъ мя опусти“. Сонъ очевидно искаженъ въ славянской передѣлкѣ и толкованіе его *волхвами, книжниками и фарисеями*, собранными братьями, не вполне къ нему подходитъ. Волхвы сказали: „госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хочетъ исхитить изъ полаты и бѣжати въ срацынскую землю, и съ любимою сестри-

цею вашею; а три врана, то суть три срацыне-
нина—стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ,
прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ гра-
мотами“. Намѣренья Амира изобличены. Срацы-
няне схвачены и крещены, а кони ихъ розданы
шурьямъ Дигениса. „Повѣсть“ на этомъ кончаетъ
разсказъ объ Амирѣ и не упоминаетъ путешествія
его къ матери, съ согласія шурьевъ, путевыхъ при-
ключеній, возвращенія къ женѣ съ матерью и близ-
кими, принявшими крещеніе т. е. обходитъ мол-
чаніемъ большую часть событій, рассказанныхъ
въ третьей книгѣ византійской поэмы.

Разсказъ о рожденіи и воспитаніи Девгенія, о
его „ловахъ“, о борьбѣ со львомъ, *лютымъ звѣремъ*,
довольно близокъ къ разсказу, содержащемуся въ
4-ой книгѣ. Восхищенный подвигами сына, Амиръ
воскликаетъ: „о свѣтозарное солнце, преславный
Девгеній! отъ поту звѣринова и отъ хля медвѣжая
порты на тебѣ изрудилися; но идемъ мы, сыне,
отъ сего лѣсу темного, есть въ семъ лѣсу источ-
никъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ про-
стыхъ людей не можетъ къ нему никто пріити,
понеже бо въ немъ многая чюдеса творятся, и
нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ
тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ и нозѣ“. У источника повѣсть помѣщаетъ бой Девгенія съ
змѣемъ, т. е. тотъ эпизодъ, который въ поэмѣ
описывается въ пятой книгѣ и влагается въ уста

самого Дигениса. Въ поэмѣ, какъ мы знаемъ, змѣй напалъ на прекрасную Евдокію, купавшуюся въ рѣкѣ,—здѣсь же онъ нападаетъ на самого Девгенія, который еще не женатъ.

Изъ дальнѣйшихъ походовъ Девгенія повѣсть знаетъ только два — бой съ Филипапомъ и Максимо и похищеніе Евдокіи, дочери стратига. Оба похода во многомъ отличаются отъ разсказа поэмы, многія детали пропущены, много именъ не упомянуто и многое передѣлано на другой ладъ. Въ поэмѣ женитьба Дигениса предшествуетъ битвѣ съ Филипапомъ и Максимо, въ повѣсти послѣдній эпизодъ идетъ сначала и носитъ отдѣльное заглавіе: *сказаніе о Филипатѣ и Максимѣ и о храбрости ихъ*. Это заглавіе, которое извѣстно изъ утраченнаго пушкинскаго сборника, указываетъ, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ разсказъ *сборника* расходился съ *повѣстью* о прекрасномъ Девгеніи. Въ послѣдней дѣва-богатырша называется Максиміаной, а богатырь Филипапой. Кто былъ этотъ Филипапа—повѣсть не указываетъ; Максиміана—же т. е. Максимо, въ разладъ съ поэмой, называется его дочерью. Разсказъ открывается посланіемъ отца и дочери къ прекрасному Девгенію. Остановившись съ войскомъ на рѣкѣ Ефрайтѣ (Евфратѣ), они посылаютъ Девгенію *грамоты съ прелестію*: „о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней! ты царствуеши во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май

мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцъ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа лиственное листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, прииди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефраитъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никако же нѣсть помышленія никакова жь“. Подобной грамоты нѣтъ въ византійской поэмѣ и посланіе при-сочинено славянскимъ разскащикомъ; но въ упоминаніи о маѣ, царѣ мѣсяцевъ, нельзя не видѣть подражанія началу седьмой книги (см. выше).

Девгеній догадался о хитрости, но всетаки хочетъ ѣхать. Отецъ отговариваетъ его, говоря: „чадо мое милое, преславный Девгеней! *рано тебѣ въ сильную рать ѣхать*: еще ты въ ратехъ не бывалъ и ничево ратнаго дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипапа въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло“. Девгеній не слушаетъ совѣта отца и съ немногими людьми ѣдетъ на Ефраитъ рѣку. На людей его нападаетъ Филипапа со всѣмъ войскомъ, но, видя опасность, Девгеній перескочилъ рѣку пѣшъ, *яко соколъ дюжей отъ руку ловца* и, вскочивъ на коня, началъ гонять *яко добрый жнецъ траву коситъ*. Побивъ 2000 воиновъ, онъ нападаетъ на самого Филипапу и тупымъ концемъ копья сбрасываетъ его съ коня. Максимьяна

бросилась на помощь отцу, но Девгеній и ее сбросилъ на землю ударомъ руки по лицу.

Этотъ эпизодъ *Повѣсть* связываетъ съ дальнѣйшимъ, носящимъ въ пушкинской рукописи заглавіе — еще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ и о въсхыщеніи Стратиговнѣ — слѣдующимъ образомъ. Пораженный Филипапа просить пощады у Девгенія и, называя его *златокрылатымъ ястребомъ*, говоритъ ему о преславномъ Стратигѣ, имѣющемъ четырехъ сыновей и прекрасную дочь: „мнози цари и короли храбрїи и силнїи суть, а нихто не можетъ ея пояти; хто не прїѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебя Богъ одарить“. Девгеній обѣщается отпустить его, если слова его окажутся правдой. Въ свою очередь Максимьяна просить Девгенія: „о свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній! мнози ко мнѣ цари и короли присылалися храбрїи и силнїи, во мнозѣ силѣ, а нихто мя не оскверня единымъ словомъ; всѣ побѣждени моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна есми тебѣ; еще ты совокупишися со мною, да будемъ мы вмѣстѣ и силы нашей не можетъ держати нихто же“. Благочестивая повѣсть, во избѣжаніе соблазна читателя, передѣлала дальнѣйшее: въ поэмѣ Дигенисъ склоняется на просьбу Максимо и измѣняетъ женѣ, въ повѣсти онъ является цѣломудреннымъ, беретъ книгу, въ которой написана его судьба и вычитываетъ оттуда, что

если онъ сочетается съ прекрасной Стратиговной (Евдокіей) — его житія 36 лѣтъ, если же съ Максимьяной — то 16, и отпускаетъ Максимьяну къ своей матери съ своими людьми. Нечего и говорить, что тотъ исходъ битвы съ Максимо, который изображаетъ византійская поэма, есть именно древній, первоначальный: любовной связью кончается и бой Ильи Муромца съ бабой Горынянкой и другихъ русскихъ богатырей съ паленицами удалыми. Благочестія ради обойдено въ повѣсти и другое любовное приключеніе Дигениса, рассказанное въ шестой книгѣ поэмы.

Вернувшись домой къ родителямъ, прекрасный Девгеній помышляетъ о Стратиговнѣ и, не взирая на убѣжденія отца, рѣшается ее похитить. Онъ собираетъ свое войско и идетъ въ землю Стратигову. Отъ одного юноши узнаетъ онъ, что Стратигъ съ сыновьями уѣхалъ на охоту, а дочь осталась въ замкѣ. Нѣкоторыя детали поэмы сохранены повѣстью: Девгеній скачетъ около замка на бѣломъ конѣ, у коего сдѣланы звонцы въ гривѣ „и отъ того игранія умъ исхититьца“. Стратиговна, какъ и въ поэмѣ, смотритъ на богатыря чрезъ окошко и посылаетъ къ нему кормилицу. Къ сожалѣнію рѣчью послѣдней къ Девгенію обрывается *повѣсть* и продолженіе слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Карамзинъ приводитъ отрывокъ изъ утраченной впоследствии пушкинской рукописи и эти вы-

писки исторіографа позволяютъ намъ нѣсколько продолжить разсказъ о похищеніяхъ Девгенія. „Девгеній ¹⁾ ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами и говоритъ: „кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И нача дѣва ему глаголати: на отцѣ моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ сажень; а конь у него покрытъ паволокою зеленою, а братіа моя суть въ серебряныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони у нихъ чръвленою паволокою покрыты“. Къ сожалѣнію въ трапезунтской поэмѣ нельзя указать соотвѣтствующаго мѣста: весь разговоръ Дигениса съ Евдокіей пропущенъ и изъ него сохранились лишь заключительныя слова красавицы: „возвратись домой съ радостью, о юноша! и не забывай меня“. Случайная выписка Карамзина восполняетъ, такимъ образомъ, греческую поему. Въ какихъ чертахъ было описано въ повѣсти о Девгеніи самое похищеніе Стратиговны — неизвѣстно. Карамзинъ приводитъ вторую выписку уже послѣ разсказа о битвѣ Девгенія съ отцемъ и братьями его невѣсты. Въ трапезунтской же рукописи, хотя эта битва и существуетъ, но эпизодъ о похищеніи пропущенъ.

„Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ

---

¹⁾ Кар. И. Г. Р. III прим. 272.

имъ: „азъ старости твоея дѣля пожалуй, дамъ ти свободу и сыномъ твоимъ; толико знаменіе свое хочу възложить на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣнень, а у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемъ; то взя у нихъ за знаменія мѣсто“.

Такихъ рѣчей къ побѣжденному отцу и шурьямъ нѣтъ въ трапезунтской поэмѣ. Напротивъ Дигенисъ падаетъ въ ноги старому Дукѣ и проситъ его благословенія. Не только не беретъ Дигенисъ „знаменія“ своей побѣды (крестъ и жуковины), но и отказывается отъ богатаго приданого предлагаемаго Дукой за дочерью: ея богатство уступаетъ женихъ шурьямъ. Отсюда видно, что болгарская повѣсть либо сильно измѣнена противъ поэмы, либо, что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, переделана не изъ этой поэмы, а изъ прозаической византійской повѣсти о томъ же героѣ.

Третья выписка у Карамзина взята изъ того мѣста повѣсти, въ которомъ перечислялись дары, поднесенные старымъ Дукой Дигенису, когда первый пріѣхалъ праздновать свадьбу дочери: „пода Стратигъ своему зятю 30 фаревъ, а покрыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20 пардусовъ и соколовъ 30 съ крѣмилицы своими, и дастъ ему кожуховъ 50 *сухымъ* златомъ шиты и паволокъ великихъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомъ: вмѣщахуся вонъ

многы *тисуща* вой, и ужица бяху шатра того шолькова, а колца сребрена; и подасть ему икону злату св. Θεодоръ, и *коніа* 4 Аравитьская и мечъ дасть прадѣда своего. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгымъ каменьемъ и съ жемчюгомъ; *пръвый* шуринъ уноша подасть ему 50 поясовъ златокованныхъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа“.

Этимъ кончаются выписки Карамзина, но неизвестно кончалась ли этимъ „повѣсть“ въ утраченной рукописи. Не лишено интереса сравнить перечисленіе даровъ въ повѣсти и поэмѣ. Послѣдовательность приношеній не нарушена въ славянской передѣлкѣ, но цифры увеличены и замѣтны слѣды того, что переводчикъ не совсѣмъ понималъ текстъ. Тридцати фарямъ повѣсти соотвѣтствуютъ въ поэмѣ двѣнадцать лучшихъ коней и рослыхъ вороныхъ (*ἵππους ἀρίστους δώδεκα καὶ παμμεγέθεις μαύρους*); двадцати пардусамъ—двѣнадцать, тридцати соколамъ „съ кормилицы своими“ (т. е. съ сокольниками?)—двѣнадцать абазгійскихъ соколовъ перелинявшихъ (*ἱέρακας καὶ δώδεκα μούτατους Αβασγίλους*); а „кормилицы“ кажется зашли въ повѣсть чрезъ невѣрное осмысленіе византійскаго слова *βαΐτζα* (иначе *βάϊα*), по глоссарію Legrand и Sathas'a—*nourrice, servante* (лат. *bajula*). Въ поэмѣ говорится, что въ числѣ даровъ были 12 корми-

лицъ и 12 горничныхъ (ὡς καὶ βαίτζας δώδεκα, καὶ δώδεκα τζουπάδας). Въ повѣсти шатеръ доведенъ до гигантскихъ размѣровъ (онъ вмѣщаетъ многа тысяща вой), чего нѣтъ въ поэмѣ; за то въ поэмѣ упомянуты двѣ иконы св. Θεοδоровъ, вмѣсто одной въ повѣсти. Число копій аравитскихъ уменьшено въ слав. передѣлкѣ изъ 10 въ четыре, а изъ знаменитаго меча Хозроева, поднесеннаго Дукой Дигенису, сдѣланъ мечъ прадѣда Стратигова. Другая черта, говорящая въ пользу предположенія, что слав. повѣсть имѣла оригиналомъ не поэму, а какую нибудь прозаическую редакцію, та, что въ поэмѣ не говорится ни слова о дарахъ тещи и шурьевъ. Едва ли такую подробность могъ славянскій литераторъ придѣлать отъ себя: въ немъ скорѣе замѣтна охота къ сокращенію, нежели къ распространенію.

Глава третья.

Намъ могутъ поставить вопросъ, зачѣмъ, отыскивая литературныя вліянія въ Словѣ о Полку Игоревѣ, мы спустились къ византійской поэмѣ X-го вѣка и къ славянской ея обработкѣ? Неужели мы предполагаемъ, что „Слово“, это поэтическое произведеніе русскаго пѣвца, наполненное нашимъ, роднымъ, содержаніемъ, могло быть передѣлкой византійской эпопеи, воспѣвающей какого то полусказочнаго богатыря?

На вопросъ, поставленный въ такой формѣ, мы конечно должны отвѣтить отрицательно; но дѣло получаетъ иной видъ, если мы поставимъ вопросъ болѣе правильно. Мы исходимъ изъ убѣжденія, что авторъ „Слова“ былъ человѣкъ книжный, литераторъ XII-го вѣка, знакомый съ произведеніями духовными и свѣтскими, перешедшими въ нашу словесность изъ Византіи чрезъ Болгарію. Авторъ этотъ, обладая замѣчательнымъ талантомъ, высокимъ чувствомъ красоты, замыслилъ прославить

походъ близкаго ему князя Игоря противъ Половцевъ. Неужели этотъ авторъ, сынъ своего времени, воспитавшійся на иноземныхъ византійскихъ произведеніяхъ въ русской одеждѣ, дѣйствуя въ тѣ времена, когда вся наша молодая литература состояла изъ переводовъ и подражаній, — сохранилъ себя вдали отъ всякаго вліянія, отъ всякой реминисценціи прочтенныхъ книгъ? Не имѣя образцовъ, этотъ литераторъ создалъ и литературную форму и поэтическій языкъ, движимый исключительно личнымъ творчествомъ, наитіемъ свыше? Идя рука объ руку съ ходомъ культуры, наша литература всегда была подражательна, всегда отражала на себѣ чужеземное культурное вліяніе и единственное блестящее исключеніе представляетъ „Слово“, авторъ котораго былъ *одинъ* самостоятеленъ, *одинъ* безъ образцовъ создалъ то, чего не могли создать ни Шекспиръ, ни Шиллеръ, ни Байронъ, которые всѣ воспитались на образцахъ и влили *свое* въ унаслѣдованныя формы.

Признаемся, что подобныя предположенія едва-ли могутъ быть вѣроятны для того, кто не допускаетъ скачковъ и чудесъ въ исторіи литературы и считаетъ аксіомой постепенность въ развитіи. Поэтому думаемъ, что, отыскивая образцы, которымъ *могъ* подражать авторъ „Слова“, мы поступаемъ научнѣе, нежели тѣ, которые считаютъ это произведеніе блестящимъ *исключеніемъ* изъ общаго правила.

Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи „Слова“, а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ т. е. о томъ, въ чемъ авторъ *могъ* подражать другимъ.

Если мы обратили прежде всего вниманіе на повѣсть о прекрасномъ Девгеніи, то отнюдь не въ убѣжденіи, что именно ее, а не другое произведеніе, взялъ авторъ „Слова“ себѣ образцомъ. Пушкинъ въ Евгеніи Онѣгинѣ не подражалъ *извѣстному* произведенію Байрона, но все же изученіе этого поэта отразилось на русскомъ романѣ, и знакомство съ Байрономъ уясняетъ для историка литературы нѣкоторыя черты Пушкина. Съ такою же цѣлью остановились мы на одномъ характеристичномъ произведеніи Византіи X-го вѣка, перешедшемъ къ намъ черезъ Болгарію въ видѣ героической повѣсти и спрашиваемъ себя, не найдемъ ли въ Словѣ чего нибудь аналогичнаго ему?

Аналогію можно видѣть и въ общемъ характерѣ разсказа, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Оба произведенія написаны съ цѣлью прославить *извѣстнаго* героя, отличающагося военною доблестью. Содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія мужества, при чемъ авторы прибѣгаютъ къ поэтическимъ сравненіямъ и уподобленіямъ. Оба — богаты картинами природы и эта природа отражаетъ радость и горе человѣка, *предрекаетъ* успѣхъ и бѣду. Въ обоихъ эпическій разсказъ прерывается иногда, прямою рѣчью вла-

гаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ, въ обоихъ вѣщіе сны предсказываютъ будущее. Припомнимъ отдѣльные мѣста:

Въ Словѣ Святославъ видитъ *мунѣ сонъ* и рассказываетъ его боярамъ; въ повѣсти такіе сны характеристическая черта. Передъ прибытіемъ братьевъ за похищенной сестрою, Амиръ видитъ сонъ и рассказываетъ его *кметямъ*: три ястреба били его крылами и едва не убили. Эти три ястреба три брата похищенной дѣвушки. Другой сонъ видитъ жена Амира или по византійской поэмѣ младшій изъ шурьевъ, когда за Амиромъ пріѣхали сарацины: въ этомъ снѣ Амиръ является золотокрылатымъ соколомъ, жена его голубкой, сарацины воронами.

Далѣе обратимъ вниманіе на употребительныя въ „Словѣ“ сравненія людей съ соколами и воронами: се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьматороканя; (Игорь) полетѣ соколомъ подъ мглами, избивая гуси и лебеди; а ты буй Романе и Мстиславе!... высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти; ни тебѣ чръный воронъ поганый половчине! Подобныя сравненія столь же обычны въ византійскомъ романѣ:

Въ пятой книгѣ ¹⁾ читаемъ: подобно тому, какъ

---

¹⁾ Ст. 1264 слѣд.

хорошій соколъ, высмотрѣвъ куропатку, бросается и схватываетъ ее, такъ юноша (Дигенисъ) разсѣивалъ ихъ (враговъ) въ бою. По словамъ *повѣсти*, братья, бросившіеся отыскивать сестру „поѣхаша, яко *златокрылатые ястребы*“. Филипапа въ „повѣсти“ называетъ Девгенія златокрылатымъ ястребомъ; три сарацина представляются черными воронами, какъ сила враждебная.

Замѣтимъ, что соколъ вошелъ въ поэтическія сравненія чрезъ любимую въ Византіи и на Руси соколиную охоту. Особенно цѣнились соколы *перелинявшіе*, которые носили въ Византіи названіе *μουτάτοις* отъ латинскаго *mutatus* (*mutare*—мѣнять). Описывая, напримѣръ, охоту эмира съ сыномъ Дигенисомъ, поэтъ не забываетъ упомянуть, что охотники несли бѣлыхъ соколовъ уже перелинявшихъ (*ἱεράκια ἐβάσταζον λευκά ἐκ τῶν μουτάτων*), и въ числѣ даровъ, принесенныхъ Дигенису тестемъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ дюжина абазгійскихъ соколовъ *μουτάτοι*. Въ полную аналогію съ этимъ, находимъ въ Словѣ замѣчаніе: „коли соколъ въ *мытехъ* бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду“¹⁾).

---

¹⁾ См. Du Cange, Gl. Lat. s. v. *muta*: *accipitrum morbus*, *gallis la muë*; *accipitres enim quotannis pennas mutant, vetusque spoliū deponunt, quo tempore vehementer aegrotant etiam usque ad periculum mortis. Muta—domuncula in qua includuntur falcones, cum plumas mutant... Mutare... quod μουτεύειν est apud Demetr.*

Въ „Словѣ“ Буй-туръ Всеволодъ обращается къ брату съ слѣдующими словами: „одинъ братъ, одинъ *свѣтъ свѣтлый* ты, Игорю, оба есвѣ Святъславичя“. Въ этомъ эпитетѣ—*свѣтъ*—не трудно узнать обычное ласкательное обращеніе въ Византіи, встрѣчающееся и въ „поэмѣ“ и въ „повѣсти“ весьма часто. „Сядь здѣсь, *свѣтъ мой сладкій*—говоритъ Дигенисъ женѣ—и посмотри, какого мужа имѣешь“¹⁾. О дочь многолюбимая, *свѣтъ моихъ очей*²⁾. „О *свѣте, свѣтозарное солнце*, молодой юноша!“—говоритъ кормилица Стратиговны Девгенію. „О *свѣтозарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній!*“—такъ обращается къ богатырю побѣжденная Максимьяна.

Constant lib. 2. Mutatus—accipiter mutatus, qui mutam evasit, *μουτατός ἰέραξ*. Средневѣковой латинскій охотничій терминъ вмѣстѣ съ соколиной охотой перешелъ въ ново-европ. языки: ср. нѣмец. sich mausen (mutare pennas), die Mause, или Mause-Zeit—tempus mutationis plumarum; die Mause—клетка, куда сажаютъ линяющихъ соколовъ, голланд. muyten=mutare, (Frisch—Deutsch-Lateinisches Wörterbuch 1741); франц. muer, mue, последнее и въ значеніи клетки (Diez, Etymol. Wört. d. Roman. Spr. s. v.). Этотъ же терминъ, по мнѣнію Миклошича (см. Слов. s. v. мыто), перешелъ въ слав. нарѣчія: серб. митаритисе — pennas mutare, русс. мыть и мыть—линянье. Отъ соколовъ терминъ могъ быть перенесенъ и на другихъ животныхъ: лошадь въ мыту (Даль).

¹⁾ V ст. 1257, αὐτοῦ χάθρου, φῶς μου γλυκύ, καὶ βλέπε τίνα ἔχεις.

²⁾ II 150, ὦ θυγάτερ παμπόθητε, φῶς τῶν ἐμῶν ὀμμάτων.

Обычай называть царя *солнцемъ* былъ распространенъ въ Византіи и этотъ эпитетъ могъ перейти и къ русскимъ княжескимъ дворамъ. Если въ народныхъ пѣсняхъ Владиміръ носить постоянный эпитетъ „красное солнышко“, то конечно мы будемъ ближе къ истинѣ, сравнивая этотъ эпитетъ съ византійскимъ „свѣтозарное солнце (ἡλίου λαμπρότατος), нежели открывая въ немъ послѣдніе отголоски миѳическаго значенія князя, какъ солнечнаго бога ¹⁾. Тотъ же почетный эпитетъ слѣдуетъ видѣть и въ Словѣ: чръныя туча съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца (т. е. 4-хъ князей). Два солнца помѣркости, оба багряная стѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста.

Какъ доселѣ всѣ наши титулы представляютъ переводъ иноземныхъ, такъ могло уже быть въ древней Руси, ибо ничто не дѣйствуетъ такъ обаятельно на націю, воспринимающую культуру отъ другой, какъ внѣшній лоскъ, блескъ и этикетъ двора и пышность одежды.

---

¹⁾ Къ византійскому титулу сводить наше „красное солнышко“ Ягичъ, Archiv. I 160), при чемъ приводитъ изъ Carmina Graeca Medii aevi (Wagner'a) стихи:

δέσποτα πάντων δέσποτα τῶν ἡμερῶν αὐθέντης
τῆς Ῥωμανίας ὁ ἥλιος χριστιανῶν τὸ κράτος...
«δέσποτα, πάντων δέσποτα» ἐβόα θαρσαλέως
τῆς Ῥωμανίας ἥλιε.

„Слово“ представляет много картинъ природы и всюду проглядываетъ желаніе автора приводить состояніе природы въ соотвѣтствіе съ состояніемъ людей. Когда русскимъ угрожаетъ несчастье, *земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ, кровавыя зари свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ*. Послѣ пораженія *ничитъ трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось*. Напротивъ, когда Игорь бѣжитъ изъ плѣна, *зловѣщіе вороны не каркаютъ, галки умолки, сороки не троскотали и т. д. и т. д.*

Ту же черту, то же стремленіе пользоваться картинами природы для выраженія состоянія духа людей или для предсказанія ихъ судьбы, находимъ и въ византійскомъ произведеніи. Братья снаряжаютъ младшаго для борьбы съ Амиромъ: „а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тьма темно“. Когда справлялась свадьба эмира, *земля радовалась и разцвѣла цвѣтами, горы прыгали и скалы пѣли, рѣки задерживали бѣгъ отъ великой радости* (V ст. 1376—1378).

Одушевляя природу, заставляя ее раздѣлять радость и скорбь людей, поэтъ вводитъ въ свое произведеніе обращенія героевъ къ предметамъ видимого міра. Ярославна обращается съ упреками къ вѣтру, къ Днѣпру и свѣтлому солнцу. Князь Игорь порицаетъ рѣку Стугну, утопившую юношу Ростислава и восхваляетъ Донъ.

Такой же поэтической приемъ находимъ въ византійской поэмѣ. Какъ Ярославна упрекаетъ свѣтлое и тресвѣтлое солнце, за то что оно „простре горячую свою лучю на ладѣ вой“, такъ братья, не находя трупъ сестры, обращаются съ подобными же упреками къ тому же свѣтилу: „О солнце лучезарное, свѣтильникъ всей вселенной!“ ¹⁾ и т. д. (см. стр. 19).

Другая характеристическая черта „Слова“ та, что дѣйствующія лица не только *описываются*, но какъ бы *выводятся* на сцену, эпическій рассказъ прерывается часто рѣчами, обращеніемъ Игоря къ дружинѣ, разговоромъ между Всеволодомъ и Игоремъ, между княземъ Святославомъ и боярами, между Игоремъ и Дономъ, плачемъ Ярославны и т. д. Все произведеніе проникнуто драматизмомъ и это придаетъ ему необыкновенное оживленіе. Подобную манеру рассказывать, вводя въ рассказъ собственныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ, *могъ* подмѣтитъ русскій литераторъ XII-го вѣка въ византійскихъ повѣстяхъ, и возвышенный и вычурный поэтический языкъ въ прямыхъ рѣчахъ могъ отразиться и на языкѣ нашего поэта. Такъ мать похищенной Амиромъ дѣвушки, описываетъ свое горе сыновьямъ: Амиръ, говоритъ она, „урва ми сердеч-

---

¹⁾ ἥλιε ὦ λαμπρότατε, φωστὴρ παντὸς τοῦ κόσμου κ. т. λ.

ное кореніе и унзе мя яко бездушную трость“. Игорь говоритъ: „хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!“ Братья въ „повѣсти“ даютъ такой обѣтъ: „днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемся по повелѣнію матери своея, *и главы свои положимъ за сестрицу свою*“. Огорченный судьбою племянниковъ, Святославъ восклицаетъ: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! *рано еста начала* половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати!“ Въ „повѣсти“ Амиръ, удерживая сына отъ опасной охоты говоритъ: „чадо! *рано тебѣ* о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити!“ и далѣе, предостерегая его отъ боя съ Филипапой, восклицаетъ: „чадо мое милое, преславный Девгеній! *рано тебѣ въ сильную рать ѣхать*: еще ты въ ратехъ не бывалъ“ и т. д. Обращенія, выражая порывы души, дышутъ какою то умильностью, которая была во вкусѣ того времени. Авторъ „Слова“ любитъ влагать въ уста дѣйствующихъ лицъ рѣчи жалобныя, сопровождаемыя слезами. Жены рускія *взплакашася* аркучи: уже намъ своихъ *милыхъ* ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; великій князь Святославъ „изрони злато слово слезами смѣшено“. Ярославна *рано плачетъ* и стонетъ будто кукушка и т. д. Подобными умильными рѣчами наполнено и византийское произведеніе: мать причитываетъ о похищенной дочери, братья, мужественные воины, *пла-*

чутъ горькими слезами о сестрѣ, Амиръ *съ плачемъ* говорить съ будущими шурьями, когда они побѣдили его. Дигенисъ съ рыданіемъ причитываетъ на могилѣ матери: кто разлучилъ насъ, сладчайшая мать? кто срубилъ корень моей жизни? кто погасилъ мой свѣтъ? кто лишилъ меня материнской ласки? Изреки мнѣ *сладчайшее слово*, возлюбленная мать! и т. д. (см. стр. 32).

Можно быть увѣрену, что будь эта византійская поэма извѣстна романтической школѣ, она открыла бы въ ней „перлы чистаго романтизма“. Не отыскивая этихъ перловъ, можно замѣтить однако, что авторъ писалъ во вкусъ своего времени. Византійцамъ, пресыщеннымъ утонченностью столичной жизни, конечно должны были нравиться описанія природы, подвиговъ мужества и романическихъ приключеній *рыцаря* Дигениса, бродящаго съ своею *ладой* среди цвѣтущихъ рощъ, отдыхающаго на берегу ручьевъ и играющаго на лирѣ. Авторъ любитъ любовныя сцены, и если чувство Дигениса не можетъ назваться *обожаніемъ дамы*, и стоитъ ближе къ античной страстности, все же его любовныя похождения разыгрываются при самой романтической обстановкѣ: цвѣтистый лугъ, дѣва у ручья, сладкіе звуки лиры, красавица на бѣломъ конѣ, побѣжденная великодушнымъ рыцаремъ и т. п.

Понятно, что многія пикантныя черты были стерты въ славянской передѣлкѣ, порывы чувства

замѣнены рѣчью умильной и гласами ангельскими, любовь незаконная исключена во избѣжаніе соблазна, но все же и въ „повѣсти“ осталось многое, что могло нравиться книжнику мірянину, не затворившему сердце для нѣжныхъ чувствъ. Достаточно прочесть высоко-поэтическій плачъ Ярославны, чтобы составить себѣ понятіе о взглядѣ автора на женщину. Не тѣмъ романтическимъ языкомъ говорила бы женщина подѣ перомъ монастырскаго книжника и слова ея, хотя и умильные, дышали бы скорѣе чувствомъ христіанскаго смиренія и преданности судьбѣ. Не съ молитвой къ Богу о возвращеніи *господина* обращается тоскующая жена: Ярославна, какъ влюбленная, проситъ Днѣпръ привѣять ея *ладу*, упрекаетъ солнце и вѣтръ, награждая ихъ нѣжными эпитетами. Этотъ прелестный плачъ свидѣтельствуется, конечно, не о двоевѣріи автора, какъ думаютъ обыкновенно, а о его изящномъ вкусѣ, и о томъ *мірскомъ* и *романтическомъ* настроеніи, которое не укладывалось въ молитву со славянскими текстами. Какъ рыцарь, Дигенисъ въ своихъ приключеніяхъ съ врагами часто возвращается мыслию къ дорогой женѣ—красавицѣ Евдокіи, такъ, по представленію автора „Слова“, долженъ былъ бы думать и русскій князь въ походѣ: только крайнее увлеченіе битвой, когда воинъ пренебрегаетъ ранами, заставляетъ Всеволода забыть „своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая

и обычая“. Подвиги молодецкой удали и любовь — вотъ что всего болѣе хватало за душу нашего поэта; картины битвы и воспоминанія о ладѣ, красавицѣ, поджидающей дома богатыря, возникали рядомъ въ его романтическомъ воображеніи. Тоже *сентиментальное* чувство подсказывало ему нѣжныя рѣчи русскихъ женъ, и ласковый эпитетъ *милыхъ ладъ*, которымъ онѣ называютъ отсутствующихъ мужей. Быть можетъ мы ошибаемся, но намъ эта *нѣжность*, проникающая женскіе образы „Слова“, представляется отголоскомъ византійской, книжной, сентиментальности. Едва ли такое романтическое отношеніе къ женщинѣ составляло реальную, жизненную черту русскаго общества XII-го вѣка.

Но одно изъ главныхъ доказательствъ книжности „Слова“ слѣдуетъ видѣть въ его началѣ, въ обращеніи автора къ читателямъ, которыхъ онѣ называетъ „братіе“, въ воспоминаніи о пѣвцѣ древности Боянѣ и въ обозначеніи сюжета, имѣющаго составить содержаніе всего произведенія. Откуда, если не изъ византійскихъ произведеній и русскихъ подражаній этимъ произведеніямъ, могла явиться мысль начать „Слово“ этимъ освященнымъ вѣками литературнымъ приемомъ? Неужели авторъ случайно повторилъ классическій *exordium*, эту необходимую принадлежность всякаго эпическаго произведенія, увѣковѣченную Гомеромъ, Виргиліемъ и школой эпическихъ поэтовъ?

Въ *exordium* входило обозначеніе воспѣваемаго героя и обращеніе къ музѣ, которую въ „Словѣ“ замѣняетъ автору пѣвецъ Боянъ. Уже кн. Вяземскій (стр. 7) указалъ на книжность этого начала и привелъ аналогію ему въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго ¹⁾. Мы же, отыскивая аналогіи между византійскимъ романомъ и „Словомъ“ должны были бы указать ближе, гдѣ могъ авторъ „Слова“, конечно незнакомый съ Гомеромъ и Виргиліемъ, найти образецъ для своего запѣва. Къ сожалѣнію, повѣсть о Девгеніи безъ всякаго *exordium*'а прямо вводитъ читателя *in medias res*: Бѣнѣкая вдова царскаго роду и т. д.; а начальная пѣснь византійской поэмы, *безъ сомнѣнія* открывавшаяся обычнымъ началомъ, утрачена. Мы говоримъ *безъ сомнѣнія*, имѣя достаточное основаніе: авторъ предпосылаетъ краткое *exordium* всѣмъ книгамъ, и особенно подробное четвертой, съ которой собственно начинается біографія Дигениса, между тѣмъ какъ первыя три повѣствуютъ о его отцѣ

---

¹⁾ Якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописьци и пѣснотворци (замѣтимъ это книжное, отнюдь не народное имя, которымъ и авторъ „Слова“ называетъ Бояна) приклоняють своя слухы въ бывшая межю цари рати и въпылченія да украсятъ словесы и возвеличатъ мужествовавѣшая крѣпко по своемъ цари и недавѣшихъ въ брани плещю врагомъ и тѣхъ славяще похвалами вѣнчаютъ; колыми паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ великимъ воеводамъ Божіимъ крѣпко подвизавѣшимся по Сынѣ Божіи, своемъ Цари и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

эмирѣ. Это, сохранившееся вполнѣ, начало четвертой пѣсни позволяетъ намъ судить о характерѣ начала первой. Что же содержитъ оно?

1) Обращеніе къ читателю, который называется ласковымъ эпитетомъ ὦ φίλτατε—о любезнѣйшій!

2) Обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ.

3) Воспоминаніе о другихъ герояхъ — Ахиллѣ, Гекторѣ, Александрѣ, Филопаппѣ, Киннамѣ, Іоанникіи, которые, впрочемъ, на взглядъ автора, уступаютъ воспѣваемому имъ герою ¹⁾).

Не находимъ ли въ этомъ всѣ черты начала „Слова“, за исключеніемъ Бояна?

Третью черту можно видѣть въ томъ, что и „Слово“ упоминаетъ о другихъ богатыряхъ—старомъ Ярославѣ, храбромъ Мстиславѣ, красномъ Романѣ,—хотя и не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ авторъ поэмы называетъ другихъ героевъ.

Но спѣшимъ оговориться, чтобъ не подвергнуться обвиненію въ поспѣшности выводовъ. Намъ могутъ сказать, что эти аналогіи „Слова“ и поэмы необходимо ведутъ къ одному изъ двухъ предположеній: либо авторъ „Слова“ зналъ по гречески и читалъ поэму въ подлинникѣ, либо славянская передѣлка, бывшая у него подъ руками, во многомъ отличалась отъ извѣстной намъ повѣсти о

---

¹⁾ См. выше стран. 22.

Девгеніи и содержала то, чего послѣдняя не содержитъ. Такое возраженіе было бы умѣстно, еслибъ мы именно поэму о Дигенисѣ считали образцомъ, которому слѣдовалъ авторъ „Слова“. Повторяемъ, что мы далеки отъ этой мысли. Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя аналогіи, только то, что византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода, у него сложилась своя манера повѣствовать, свое понятіе о изяществѣ, вкусъ къ тому направленію, которое мы не умѣемъ охарактеризовать инымъ названіемъ кромѣ „романтизма“. Относясь сознательно къ своему произведенію, обдумывая его планъ и подробности, онъ невольно черпалъ мысли, образы, выраженія, сохранявшіеся въ запасѣ его памяти; но, переработанные душою поэта, эти мысли, образы и выраженія перестали для него быть чужими, иноземными, стали родными и свободно выливались изъ подъ пера. Если можно картины и образы поэта назвать подражаніями, то эти подражанія были не рабскія, а бессознательныя, явившіяся какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ. Начало „Слова“ не было построено по тому или другому образцу: но, обдумывая произведеніе, авторъ невольно пришелъ къ мысли, что ему слѣдуетъ создать патетическое вступленіе, и знакомство съ литератур-

ными приёмами немедленно пришло на помощь: вступленіе вылилось въ формы уже готовыя.

Замѣтимъ еще одно свойство „Слова“, свидѣтельствующее о *книжности* его автора. Это его поучительность, явное желаніе автора, чтобы произведеніе его было назиданіемъ для современниковъ. Пораженіе Игоря даетъ ему полный просторъ представить бѣдственную картину Россіи, раздираемой междоусобіями князей; онъ упрекаетъ князей, возбуждаетъ ихъ къ единодушію, хвалитъ строителей земли, порицаетъ „кующихъ крамолу“. Всюду чувствуется глубокое убѣжденіе автора въ томъ, что произведеніе литературы должно быть назидательно, убѣжденіе, сложившееся конечно подъ вліяніемъ литературы его времени и едва ли возможное въ безыскусственномъ народномъ рапсодѣ. Такой назидательности чужды наши народныя былины. Мораль во всѣхъ видахъ, въ проповѣдяхъ, въ житіяхъ, въ притчахъ, въ изреченіяхъ—составляетъ характерную черту нашей книжной словесности. Особенною популярностью пользуется мораль, заключающаяся въ притчахъ (Стефанить и Ихнилать) и въ апофегмахъ (Пчелы, Даніиль Заточникъ, Менандръ Мудрый) и этими „моральными“ произведеніями снабжала насъ въ изобиліи византійская литература. Въ томъ же сборникѣ, гдѣ было найдено „Слово“ и повѣсть о Девгеніи, заключалась и старинная сказка „Синагрипъ, царь

Адоровъ, Иналивскія страны“, иначе „Слово о Акирѣ премудромъ“, извѣстная изъ Тысячи и одной ночи и содержащая рядъ поученій Акира пріемному сыну, выраженныхъ въ видѣ краткихъ изреченій, обращенныхъ житейской мудрости; напримѣръ:

Чадѣ мое Анадаме, съ другомъ живи три годы, а говори съ нимъ устны, а не сердцемъ.

Льстива человѣка бѣгай, а съ нечестивыми на дорогу не ходи.

Лучше съ умнымъ великій камень поднять, нежели съ безумнымъ вино пить.

Аще умнаго человѣка слушаеши, и то аки сахару насладишися.

Лучше есть слѣпъ очима, нежели сердцемъ.

Лучше есть смерть нежели золъ животъ.

Чадѣ, птица царь орѣлъ и зло затворилъ (?).

Нелзѣ слѣпу храбру быти, ниже грѣшному по смерти спастися.

Пьянъ на конехъ не гоняй, и самъ тѣмъ храбръ не чинись: мнози бо, чадѣ, отъ того безъ Божіа суда умирають, хмелемъ и т. д.

Назидательныя изреченія находились и въ лѣтописи, а въ одномъ мѣстѣ Ипатьевской, подобное изреченіе приписано Омиру: „О лести зла есть, якоже Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть. Кто въ ней ходитъ конецъ золъ пріимаетъ; о злѣ зла зло есть“. Этимъ книжнымъ пристрастіемъ къ апоѳегмамъ слѣдуетъ объ-

яснять и изреченія, встрѣчающіяся въ „Словѣ“. Какъ въ Ипатьевской лѣтописи вышеприведенное изреченіе приписано Омиру, такъ и авторъ „Слова“ приводитъ изъ Бояна „припѣвку“, которая можетъ быть примѣнена къ Всеславу: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути! ¹⁾). Бояну же приписано и другое изреченіе: „тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы“, изъ котораго авторъ дѣлаетъ примѣненіе къ своему герою: русской земли безъ Игоря.

Конечно мы не можемъ указать источникъ, изъ котораго авторъ „Слова“ почерпнулъ оба изреченія, но для насъ достаточно и того, что любовь къ апоѳегмамъ и притомъ освященнымъ какимъ нибудь авторитетомъ, составляетъ характерную черту литераторовъ, какъ византійскихъ, такъ и ихъ славянскихъ подражателей. Ограничимся лишь однимъ примѣромъ изъ византійскаго романа. Видя озабоченность Дигениса, послѣ его перваго свиданія съ Евдокіей, мать старается развѣдать причину и говоритъ: „что случилось съ тобою, дитя мое, что ты такъ огорченъ? Не ранилъ ли тебя звѣрь, не терзаетъ ли тебя страхъ или не околдовалъ ли тебя злой духъ, видя твое мужество? Какъ Гомеръ говоритъ въ своей книгѣ устами Θетиды

---

¹⁾ Известно, что это изреченіе повторено въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ Даниила Заточника: суда де Божіа ни хитрууму, ни горазду не минути.

къ сыну ея Ахиллесу: проговори, не скрывай въ умѣ, дабы мы знали оба, ибо тотъ, кто скрываетъ печаль, мучится отъ нея. Или какъ кто-то изъ мудрецовъ сказалъ: умъ встревоженный есть червь гложущій кости. Есть и другая пословица, которая гласитъ: цвѣтетъ тѣло смертнаго изгоняющаго заботы“.

Глава четвертая.

Всѣ приведенныя выше аналогіи между „Словомъ“ и книжными произведеніями, имѣли цѣлью выяснить точку зрѣнія, съ какой слѣдуетъ смотрѣть на это произведеніе XII-го вѣка. Если въ читателѣ возникло сомнѣніе въ правильности взгляда, по которому авторъ „Слова“ былъ неграмотнымъ пѣвцомъ дружинникомъ, наша цѣль уже достигнута отчасти. Но нельзя ли ближе подойти къ нашему автору? Если онъ былъ знакомъ съ духомъ и направленіемъ литературы своего времени, если онъ усвоилъ себѣ приемы византійской повѣсти, то это вліяніе было не непосредственное, оно шло чрезъ юго-славянскую среду, которая должна была оставить свою окраску, пересылая византійскія произведенія на русскую почву. Поставщицей византійскихъ произведеній, уже передѣланныхъ, была въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ для насъ Болгарія, въ которой соприкосновеніе съ образованностью

Византіи вызвало бойкую литературную жизнь въ X-мъ вѣкѣ. Изъ *болгарскихъ книгъ* черпали наши предки свои свѣдѣнія о мірѣ и его чудесахъ, о подвигахъ и странствіяхъ героевъ древности, о мудрости житейской, о звѣряхъ и чудныхъ птицахъ, о древнѣйшей исторіи, словомъ, всѣ свѣдѣнія, которыя могли удовлетворять пытливости ума и дѣйствовать на воображеніе. Г. Пыпинъ ¹⁾ приводитъ любопытную выписку изъ бѣлорусскаго перевода Іоанна Дамаскина, находящуюся въ заключеніи статьи о ересехъ. Переводчикъ или переписчикъ счелъ не лишнимъ прибавить отъ себя небольшое разсужденіе, гдѣ говорится между прочимъ: „у насъ ани десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведено лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ, бо нынешнего вѣку мнящіеся учителя—грѣхъ нашихъ ради—болшей *въ болгарскіе басни*, або паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитають и похваляють ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются“.

Спрашивается, не отразилось ли и на „Словѣ“ вліяніе болгарскихъ басенъ или, вѣрнѣе, не сохраняетъ ли оно какихъ нибудь слѣдовъ, указывающихъ на то, что образцами ему служили византійскія произведенія, воспринявшія *болгарскую окраску*.

---

¹⁾ Стр. 142.

Нечего и говорить, что подобные слѣды можно искать не въ исторической части „Слова“, а только въ томъ, что можетъ быть вообще названо замышленіемъ Бояна, въ томъ, что самъ авторъ ставитъ себя образцомъ для подражанія, хотя и даетъ слово слѣдовать былинамъ своего времени. Къ этимъ замышленіямъ относится вся миѳологія Слова и нѣкоторые темные намеки на какого-то Трояна, на дѣву Обиду, на дива и нѣк. друг.

Разсмотримъ отдѣльныя мѣста.

Выше мы уже высказали сомнѣніе въ языческомъ міровоззрѣніи автора „Слова“. Для насъ авторъ христіанинъ, не признающій языческихъ боговъ и упоминающій имена ихъ съ такимъ же намѣреніемъ, какъ поэты XVIII-го вѣка говорили объ Аполлонѣ, Діанѣ, Парнассѣ, Пегасѣ и т. п.

Дѣйствительно не трудно убѣдиться, что имена божествъ служатъ автору, какъ украшающіе эпитеты, и что съ ними не соединяется никакого миѳическаго представленія.

Дажь-богъ. 1) Тогда, при Олзѣ Гориславличи, сѣяшется, растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци челоувѣкомъ скратишась ¹⁾. 2) Въстала обида въ

---

¹⁾ Известно, что мѣсто это повторено въ харатейномъ спискѣ Апостола XIV в. Син. Библіотеки, въ припискѣ переписчика: Сего же лѣта бысть бой на руськой земли. Михайлъ съ Юрьемъ о княженъе Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и растяше оусо-

силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи.

Въ этихъ обоихъ мѣстахъ нѣтъ ничего, что бы свидѣтельствовало о вѣрованіи автора въ Дажь-бога; нѣтъ ни одной черты, которою бы характеризовалось это божество. Жизнь Дажь-божа внука и силы Дажь-божа внука ничто иное, какъ поэтическая метонимія вмѣсто *жизнь князей и сила князей*. Если имя божества употребляется какъ epitheton ornans, то едва ли поэтъ, употребляющій этотъ эпитетъ, вѣритъ въ его реальность. „Боговидный“, „рожденный отъ бога“ и тому подобныя прилагательныя употреблялись древними поэтами, какъ эпитеты храбрыхъ витязей и только въ рѣдкихъ случаяхъ эти эпитеты находились въ связи съ какимъ нибудь народнымъ преданіемъ о происхожденіи героевъ отъ боговъ.

Изъ обоихъ мѣстъ „Слова“ у насъ дѣлались весьма произвольные выводы. Говорили, что подъ внукомъ Дажь-бога слѣдуетъ разумѣть русскій народъ и что слѣдовательно на Руси было преданіе о происхожденіи Русскихъ отъ Дажь-бога ¹⁾. Никакихъ иныхъ доказательствъ существованія подобной генеалогіи

бицами. Гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася челоуѣкомъ.

¹⁾ Этотъ выводъ принимаетъ безъ провѣрки и Крекъ, *Einleitung in die Slav. Literaturgeschichte*, I p. 103.

на Руси не нашли и она исключительно зиждется на этих мѣстахъ „Слова“.

Но такой легенды нельзя указать въ древнѣйшихъ вѣрованіяхъ индоевропейцевъ: никогда, насколько мы знаемъ, не было въ древности распространено мнѣніе о равенствѣ между людьми: всегда и всюду была аристократія и плебеи. Происхожденіе отъ божества всегда было привилегіей царей, князей, предводителей, властителей и вообще аристократіи, низшія же сословія, масса народа, никогда не изъявляли притязаніе на такихъ высокихъ предковъ. Отъ связей Зевса или Аполлона съ смертными женами вели свою генеалогію многіе знатные роды Греціи, но отнюдь не вся нація Эллиновъ.

Поэтому нельзя думать, чтобы когда нибудь русскіе Славяне создали преданіе о своемъ „солярномъ“ происхожденіи. Но помимо этого общаго возраженія, разбираемое толкованіе не согласно и съ текстомъ „Слова“. Достаточно прочесть нѣсколько предшествующихъ строкъ, чтобъ рѣшить, кого разумѣетъ авторъ подъ внукомъ Дажь-бога. „Уже бо братіе невеселая година вѣстала, уже пустыни *силу* (т. е. войско Игоря) прикрыла; вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука“, т. е. бѣда поразила (военныя) силы князя внука Дажь-бога. Въ другомъ мѣстѣ стоятъ рядомъ „жизнь Дажь-божа внука“ и „вѣщи челоукомъ“ и конечно здѣсь не тождество. Здѣсь изображаются бѣдствія, причиняемыя

междоусобіями: тогда сѣялись и созрѣвали сѣмена раздора, погибало богатство (жизнь) князя въ княжихъ крамолахъ и сокращался вѣкъ простыхъ людей¹⁾).

Итакъ внукомъ Дажь-бога называется князь. Спрашивается, создалъ ли авторъ эту генеалогію, или взялъ ее изъ народныхъ преданій, или наконецъ изъ замышленія Бояна? Для насъ вѣроятнѣе послѣднее, ибо рядомъ съ внукомъ Дажь-бога упоминается земля Трояня, которая, какъ увидимъ ниже, несомнѣнно восходитъ къ замышленіямъ Бояновымъ. Неужели могъ авторъ, человѣкъ начитанный и близкій ко двору, знавшій столько князей и конечно ихъ генеалогію, серьезно думать, что предкомъ нашихъ князей былъ не Рюрикъ, Олегъ, Святославъ и Владиміръ Святой, а солнечный богъ Дажь-богъ? Для насъ по крайней мѣрѣ это совершенно невѣроятно и въ такомъ эпитетѣ князя мы не видимъ миѳологіи, какъ не находимъ ее въ выше-приведенныхъ княжескихъ титулахъ *свѣтъ свѣтлый* и *солнце*. Никто не отрицаетъ того, что Дажь-богъ

---

¹⁾ „Жизнь“ употребляетъ авторъ „Слова“ въ значеніи „богатства, обилія, имущества“ ср. жиръ и слова: Ярославѣ и вси внуце Всеслави! уже понизите стязи свои... уже бо выскочисте изъ дѣдней славы, вы бо своими крамолами начясте наводить поганыя на землю рускую на жизнь Всеславию, т. е. на богатство, на удѣлы вашего покойнаго дѣда Всеслава. Понятіе жизнь (*βίος*) передается словомъ животъ: на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла.

было именемъ солнечнаго бога ¹⁾); слѣдовательно внукъ Дажь-бога значить потомокъ солнца, *солнцесородный*. Этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ византійскому ἡλιογέννητος—*рожденный солнцемъ* и заключаетъ не больше миѳологіи, нежели послѣдній въ византійскомъ романѣ о Дигенисѣ („солнцесородною“ называетъ на примѣръ Дигенисъ свою жену ²⁾) или эпитетъ *свѣтозарное солнце*, которымъ въ „Повѣсти“ чествуютъ прекраснаго Девгенія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что если бы для автора „Слова“ Дажь-богъ или Хорсъ былъ солнечнымъ богомъ, отчего Ярославна, обращаясь къ солнцу, не называетъ его этими именами? Отчего она восклицаетъ „свѣтлое и тресвѣтлое солнце!“ а не „свѣтлый Дажь-боже!“ Конечно потому, что авторъ христіанинъ не считаетъ солнце богомъ и чувствуетъ предѣлъ, у котораго поэтическій языкъ долженъ остановиться. Христіанскія понятія не позволяли ему назвать прямо солнце богомъ, хотя его христіанскому чувству не противорѣчило называть князя *солнцесороднымъ*, какъ не противорѣчило этотъ титулъ и понятіямъ христіаннѣйшихъ византійскихъ писателей.

---

¹⁾ Солныце его же наричють Дажь-богъ.... Солныце царь, сынъ Свароговъ еже есть Дажь-богъ, бѣ бо мужъ силенъ. Ипат. лѣт.

²⁾ VII, ст. 2019: ἡ δὲ ἡλιογέννητος ἄφνω ἰδοῦσα τοῦ-
τους κτλ.

Здѣсь мы не можемъ удержаться отъ другаго предположенія.

Свидѣтельства книжной литературы о нашихъ русскихъ божествахъ въ высшей степени скудны. Мы знаемъ только, что на Руси хорошо извѣстны были имена Перуна и Волоса. Другія имена засвидѣтельствованы весьма плохо и въ томъ числѣ Дажь-богъ. Нѣтъ основанія сомнѣваться, что послѣдній былъ *славянскимъ* божествомъ, но и нѣтъ прямыхъ указаній за то, что онъ былъ *популярнымъ русскимъ* именемъ солнечнаго бога. Это имя помимо „Слова“ и Несторовой лѣтописи упоминается въ одномъ мѣстѣ лѣтописи Ипатской во вставкѣ изъ греческой хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ греческаго ἥλιος. Составитель русской лѣтописи пользовался не греческимъ текстомъ византійскаго хронографа, а его славянскимъ, болгарскимъ, переводомъ, и Дажь-богъ по всей вѣроятности долженъ быть отчисленъ на счетъ этого древняго перевода, относимаго къ X-му вѣку, когда языческія вѣрованія были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажь-бога въ „Словѣ“?

„Внукъ Дажь-божь“ могло быть болгарской передачей византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ нибудь византійскомъ произведеніи какому нибудь миѳическому или историческому лицу. Дажь-богъ былъ подставленъ на мѣсто Геліоса или Феба.

Въ свою очередь авторъ „Слова“, найдя этотъ эпитетъ въ болгарскомъ произведеніи, воспользо-
вался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и
украсилъ имъ своихъ князей.

Здѣсь мы уже прямо видимъ безотчетное заим-
ствованіе и надѣмся подтвердить это объясненіе
другими данными.

*Велесъ. Чили възпѣти было, въщей Бояне, Велесовъ
внуке.* Здѣсь снова видимъ, что авторъ воспользо-
вался именемъ языческаго божества, какъ укра-
шающимъ эпитетомъ. Какъ герой его поэмы на-
зывается внукомъ Дажь-бога, такъ пѣвецъ Боянъ,
идеаль авторъ, называется внукомъ Велеса. Не-
ужели и здѣсь авторъ взялъ названіе божества на
прокатъ изъ какого нибудь болгарскаго произведе-
нія, хотя божество это хорошо извѣстно на Руси?

Дѣйствительно, это предположеніе кажется намъ
вѣроятнѣе, нежели другое, что авторъ повторилъ
русское народное убѣжденіе въ происхожденіи
Бояна отъ Велеса, скотія бога.

Обратимъ вниманіе на самую форму имени. Какъ
относятся между собою формы Велесъ и Волосъ?
Отвѣтъ находимъ немедленно, лишь только загля-
немъ въ тексты, сохранившіе ту или другую форму.
Русская форма, извѣстная русскому лѣтописцу не
Велесъ, а Волосъ. Олегъ и дружина его клялись
„Перуномъ богомъ своимъ и *Волосомъ* скотіимъ бо-
гомъ“ (подъ годомъ 907); Русскіе при Святославѣ,

заключая миръ говорили: да имѣемъ клятву... въ Перуна и въ *Волоса*, скотія бога (971); монахъ Яковъ говоритъ, что по возвращеніи Владиміра изъ Корсуни въ Кіевъ, идолъ *Волоса* стащили въ рѣку Почайну.

Съ другой стороны *Велесъ* упоминается въ Хожденіи Богородицы по мукамъ, извѣстномъ по рукописи XII вѣка, произведеніи болгарскаго происхождения, хотя рукопись и русскаго правописанія. *Хожденіе* имѣетъ тѣмъ большее значеніе для насъ, что въ немъ, какъ извѣстно, найденъ былъ и богъ Троянъ, сближаемый съ темнымъ Трояномъ „Слова“: „нъ забыша бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь богъ на работу створилъ, то они все боги прозваша солнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады, то сетьнѣе и человѣчь окамената утрія ¹⁾ Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на боги обратиша“ ²⁾). Форма *Veless* и *Velles* встрѣчается еще въ *Mater Verborum* и въ Житіи Авраамія Ростовскаго. Не касаясь этимологіи имени Велеса, замѣтимъ, что фонетическое отличіе обѣихъ формъ сводится къ извѣстному пристрастью русскихъ славянъ къ *о* вмѣсто *е*, являющаго въ соотвѣтствующихъ словахъ въ другихъ славянскихъ на-

---

¹⁾ Мѣсто испорченное; вѣроятно было человѣчьска имена.

²⁾ См. Тихонравова—Памятники отреченной русской литературы, II 23. Дринова—Заселеніе балканскаго полуострова славянами, 76. Archiv f. Slav. Philol. I 137.

рѣчіяхъ. Всего замѣтиѣ это явленіе въ началѣ словъ: олень=елень, Олена=Елена, озеро=езеро, Остапъ=Евстафій, Овдотья (Авдотья)=Евдокія, одинъ=единъ, одва=едва и т. д. ¹⁾). Но къ той же категоріи явленій фонетики принадлежитъ и *о* вм. *е* въ срединѣ словъ: бобръ и бебръ, волоть и велеть, полынь и пелынь, Волось и Велесь. Хотя во всей строгости и нельзя провести это явленіе въ нарѣчіяхъ и говорахъ русскаго языка, однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами памятники, въ которыхъ является та или другая форма, позволяютъ намъ отличить русскую *съ о* отъ церковно-славянской *съ е*. Указанное отличіе подтверждается и топографическими названіями. У южныхъ славянъ находимъ гору Велесь въ Босніи, городъ Велесь въ Болгаріи; у насъ встрѣчаемъ Волосовъ яръ въ винницкомъ повѣтѣ, село Волосово и станцію по Балтійской желѣзной дорогѣ, Волосову улицу въ Новгородѣ, Волосовъ-Никольскій монастырь (Влад. губ. и уѣзда), [упоминаемый въ Актахъ XIV-го вѣка.

Если наше соображеніе вѣрно, является вопросъ, почему авторъ „Слова“, конечно хорошо знакомый съ русской формой Волось, которая употребляется

---

¹⁾ См. Miklosich — Vergl. Lautlehre, 1852, p. 376; Буслаевъ — Ист. Грам. § 26, 3 6. Колосовъ—Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русс. языка, стр. 15. Потебня—къ исторіи звуковъ русскаго языка. Филолог. Зап. 1876. I, стр. 17.

въ лѣтописи и была въ живой памяти народа ¹⁾), употребилъ форму книжную, болгарскую? Вѣроятно потому, что нашелъ ее въ замышленіи Бояна, который самъ называется Велесовымъ внукомъ. Откуда Боянъ, оттуда и Велесъ, а гдѣ искать перваго увидимъ ниже. Но почему именно Волосъ выбранъ въ праотцы пѣвцу Бояну? Изслѣдовать значеніе Волоса въ нашей мифологіи завело бы насъ слишкомъ въ сторону отъ нашей задачи. Замѣтимъ только, что мнѣніе Аѳанасьева о тождествѣ Волоса съ громовникомъ Перуномъ намъ кажется неосновательнымъ ²⁾ и что это божество по всей вѣроятности соотвѣтствовало богу *пастырю*, солнечному Аполлону (*ῥόμιος*), извѣстному музыканту, предводителю хора музъ ³⁾. Въ Греціи всѣ поэты считали себя подъ покровительствомъ бога музыканта и многіе пѣвцы древности возводили свой родъ къ

---

¹⁾ Вспомнимъ обычай въ южной Россіи завивать Волосу бороду во время жатвы, обычай, соблюдаемый еще доселѣ и конечно тѣмъ болѣе соблюдавшійся въ XII вѣкѣ.

²⁾ Поэт. Воззрѣнія I 694 слѣд.

³⁾ Мы раздѣляемъ мнѣніе, высказанное пр. Срезневскимъ еще въ 1846 г. о солнечной природѣ Велеса. Велесова страна гдѣ-то за моремъ, куда погружается солнце. У Чеховъ говорится: *zalet't n'kam za moře k Welesu* т. е. пропасть невѣдомо куда. Вацерадъ сравниваетъ Велеса со скотымъ богомъ Паномъ: *Veles, veless pan, ymago hircina* 237. *Velles, pan primus calamos cera conjungere plures instituit, pan curat oves oviumque magistros* 238. (См. Ж. М. Н. Пр. часть LI отд. II стр. 52)

нему (Орфей, Линъ). Въ состязаніи Гомера и Гесиода потомкомъ Аполлона называется первый поэтъ.

Думаемъ, что въ томъ-же смыслѣ, какъ въ наше время поэтъ назывался внукомъ Аполлона, называется и Боянъ внукомъ Велеса. Приравненіе Аполлона Велесу, славянскому богу, возможно было у тѣхъ Славянъ, которые по близкимъ сношеніямъ съ Византіей, сохранившей еще многія классическія преданія, были знакомы съ греческой миѳологіей. Такими Славянами были безъ сомнѣнія Болгаре и если болгарскій переводчикъ Малала могъ сопоставить греческаго Геліоса съ Дажьбогомъ, то вѣроятно нашелся и другой, который не затруднился классическій титулъ поэта—внука Аполлона—передѣлать согласно съ славянской миѳологіей во внука Велеса. Этотъ ославяненный титулъ въ его болгарской формѣ авторъ „Слова“ перенесъ и въ свое произвеніе, почерпнувъ его въ томъ же, намъ неизвѣстномъ, источникѣ, гдѣ онъ нашелъ Дажьбожа внука, Бояна, Трояна, дива, дѣву обиду и друг.

Хорсз. „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше. Изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше“.

Личности князя Всеслава придаетъ авторъ Слова замѣтный миѳическій колоритъ. Слухъ у него таковъ, что изъ Кіева онъ слышитъ звонъ заутрени

въ Полоцкѣ, а быстрота ѣзды такова, что онъ обгоняетъ солнце и, выбѣжавъ ночью изъ Кіева, раньше солнечнаго восхода прибѣгаетъ въ Тмутаракань. Очевидно, всѣ эти черты относятся къ области поэтической гиперболы, которою авторъ пересыпаетъ историческіе факты изъ жизни Всеслава. Очевидно, что передъ авторомъ носится не воспоминаніе о дѣйствительномъ историческомъ лицѣ, а о какомъ то вѣщемъ богатырѣ, въ родѣ Вольги Святославича.

Въ этой связи, среди поэтическихъ гипереболъ, находимъ мы Хорса, миѳологическое имя солнца, и этого то бога богатырь обгоняетъ въ бѣгѣ. Очевидно, что богъ, обгоняемый смертнымъ, уже пересталъ быть богомъ (хотя и названъ „Великимъ“) и упоминается ради поэтическихъ цѣлей. Чтобъ герой могъ состязаться со свѣтиломъ, нужно чтобъ это свѣтило было олицетворено и поэтъ естественно, по общему свойству своихъ собратій, прибѣгнулъ къ миѳологіи и предпочелъ имя *хорсз* имени *солнце*. Труднѣе другой вопросъ, выбралъ ли авторъ этого бога самостоятельно, или нашелъ его тамъ же, гдѣ Велеса и Дажьбога. Хорсзъ, повидимому, былъ такъ же извѣстенъ у насъ, какъ и Болгарамъ ¹⁾,

---

¹⁾ Ср. хожденіе Богородицы (выше) и Слово и Откровеніе святыхъ Апостолъ. — Древности. I Археол. Словарь стр. 13. Лѣтоп. Русс. Лит. V, Отд. II, 5. Ж. М. Н. Пр. 1846 VII 49—51. II 31—37. Афанасьевъ—Поэт. Возвр. III 538. Чтен. Общ. Ист. и Др. I кн. 2.

хотя, быть можетъ, и не былъ исконнымъ славянскимъ именемъ солнечнаго бога, а заимствованъ Славянами съ востока (ср. зенд. *hvaṇe khšaeta*, пехлевійск. *kharšét*, парсійск. *qarsét*, новоперсид. *khvaršéd*). Все же въ виду болгарской формы *Хрѣсѣ* въ „Словѣ“ (а не русской *Хърсѣ* или *Хорсѣ*) и окружающихъ словъ, отзывающихся болгарщиной, мы болѣе склонны думать, что этотъ богъ также занесенъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому выговору.

Для самаго факта, — что богатырь перегоняетъ солнце, — считаемъ не лишнимъ привести одну болгарскую *колядскую* пѣсню, сохранившую хотя и въ новыхъ формахъ весьма древнее, быть можетъ, преданіе. Беремъ ее изъ изданія Безсонова II, 5 слѣд.

Похвалился добрый юнакъ, —
Ей Коледо мой, Коледо ¹⁾! —
Вчера вечеромъ на посидѣлкахъ,
Передъ парнями и передъ дѣвками,
Что есть у него добрый конь,
Что перегонить онъ ясное солнце.
Услышала его *солнцева сестра*,
Солнцева сестра, красавица,
И говоритъ брату:

---

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждого стиха; Коледа — праздникъ Р. Хр.

„Леле варе ¹⁾, солнце-братецъ!
Похвалился добрый юнакъ,
Вчера вечеромъ на посидѣлкахъ,
Спозаранку на кладенцѣ,
Передъ парнями и дѣвками,
Что есть у него добрый конь,
Что перегонить онъ ясное солнце“.
Солнце сестрѣ отвѣчаетъ:
Леле варе, милая сестра!
Иди къ нему и скажи,
Чтобы онъ шелъ ранымъ-рано,
Чтобъ онъ шелъ туда далеко,
Туда далеко, на востокъ,
Чтобъ мы оба перегонялись;
Если меня онъ перегонить,
Пусть возьметъ мою милу сестру,
Еслижъ я его перегоню,
То возьму у него добра коня.
Подоспѣла солнцева сестра
Ранымъ-рано на кладенецъ,
Нашла добраго юнака
И тихо ему говорила:
„Леле варе, добрый юнакъ!
Осѣдай ты добраго коня,
И иди туда далеко,

---

¹⁾ Междометія, употребляемыя въ припѣвахъ и общеніи съ родными.

Туда далеко, на востокъ,
Перегони ясное солнце,
Возьми у него милу сестру,
Милу сестру красавицу⁴.
Послушалъ ее добрый юнакъ,
Вскочилъ на добраго коня,
Отправился на востокъ
И оба они погнались.
Пока солнце дошло до обѣда,
Добрый юнакъ ровно на полдень ¹⁾.
Закликало ясное солнце:
Стой, подожди, добрый юнакъ,
Тутъ меня прямо у полудня,
Подъ стволистымъ орѣшникомъ.
Соскочилъ добрый юнакъ,
Воткнулъ копье, привязалъ коня,
Легъ и захрапѣлъ.
Миновало его ясно солнце,
Миновало прямо полдень
И достигаетъ уже *икиндію* ²⁾
А юнакъ крѣпко спить.
Конь его ржетъ ³⁾, ногою бьетъ:
Встань, встань, добрый юнакъ!
Потерялъ ты добраго коня.

---

¹⁾ Время обѣда обыкновенно раньше полудня у Болгаръ.

²⁾ Турец. икиндит — третья молитва между полднемъ и закатомъ солнца.

³⁾ Цвили.

Юнакъ встаетъ путы собираетъ,
Путы собираетъ, слезы роняетъ.
Добрый конь говоритъ:
Молчи, молчи, добрый юнакъ!
Сунь руку въ пазуху
И вынь тонкіе платки,
Перевяжи черныя очи,
Черныя очи, удалое сердце,
Чтобы лѣсъ ихъ не задѣлъ.
Пока солнце на заходѣ,
Добрый юнакъ солнцу въ ворота.
Встрѣтила его солнцева сестра,
Солнцева сестра, красавица,
Прихватила его добраго коня
И проводить его по двору ¹⁾).

Пѣсня содержитъ, повидимому, какую то мифологическую подкладку. Отношенія между *солнцемъ* его сестрою и людьми-богатырями затрогиваются, во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ.

---

¹⁾ Пѣсня оканчивается обращеніемъ колядующихъ къ хозяевамъ:

На здравіе тебѣ, хозяйюшка!
Отъ Бога тебѣ много здоровья!
Сколько здравецъ ¹⁾ по планинѣ,
Столько здоровья въ этомъ домѣ,
Въ этомъ домѣ, въ этой дружинѣ,
По дружинѣ, по людямъ.
Вамъ здравіе и на вашъ скотъ!
Ей Колядо мой, Колядо!

¹⁾ Игра словъ: здравецъ—растеніе амарантъ.

Какъ украшающій эпитетъ вѣтровъ употреблено въ „Словѣ“ выраженіе „Стрибожи внуци“. Объ этомъ славянскомъ Эолѣ ничего неизвѣстно, кромѣ имени и нѣтъ основанія думать, чтобы авторъ „Слова“ зналъ о немъ, болѣе чѣмъ мы. Замѣтимъ, что въ плачѣ Ярославны при обращеніи къ вѣтру поэтъ миновалъ этотъ эпитетъ, и, называя вѣтръ *господиномъ*, не счелъ возможнымъ назвать его богомъ. Причину мы предположили выше.

Странно, что авторъ, перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ — Дажьбога, Велеса, Хрѣса, Стрибога — нигдѣ не обронилъ ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, которымъ прежде клялись русскіе язычники, о громовникѣ Перунѣ. Нельзя же думать, чтобъ этотъ богъ былъ ему неизвѣстенъ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ свою мифологію.

Дивъ. „Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ. — Уже снесесе хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса дивъ на землю“. Кажется со времени Дубенскаго большинство комментаторовъ колеблется въ выборѣ для слова *дивъ* между двумя значеніями — ночной птицы, удода и какого то мифическаго существа. Хотя первое значеніе и могло бы подойти къ первому

мѣсту—дивъ кличетъ врѣху древа,—но едва ли оно подходитъ ко второму. Когда авторъ упоминаетъ неблагопріятныя знаменія природы, онъ рисуетъ обыкновенно *рядъ картинъ*, потому что для него важно, чтобы всѣ предметы природы—деревья, вѣтръ, звѣри, птицы—выражали одно и тоже предчувствіе бѣды. „Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасеть птицъ по добію, влѣци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клетомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленныя щиты“. Но въ нашемъ мѣстѣ—врѣжея дивъ на землю—такихъ картинъ изъ царства звѣрей нѣтъ, и упоминovenіe о *птицѣ*, почему то бросившейся на землю, было бы неумѣстно. Итакъ *дивъ* не зловѣщая ночная птица, а какое то миѳическое существо. Каковы же его свойства? Оно живетъ въ лѣсу, на вершинахъ деревьевъ и летаетъ надъ землею, какъ злой духъ. Это существо пагубное, злое и, спускаясь на землю, среди людей, причиняетъ бѣду. Последнее ясно изъ обстановки, при которой *дивъ* бросился на землю: тогда позоръ смѣнилъ славу и бѣдствіе вырвалось на волю. *Дивъ* и по имени и по миѳической роли живо напоминаетъ персидскихъ *дивовъ*, злыхъ духовъ Шахнаме, и восходитъ къ дэвамъ (daêva), упоминаемымъ уже въ Зендавестѣ. По корню, какъ извѣстно, слово дивъ тождественно съ индоевропейскими названіями бога—*deus*, литов. *dėwas*, санскрит. *deva* и означало

первоначально существо свѣтлое (корень *div*—свѣ-
титъ), а не демоническое. Переходъ отъ значенія
свѣтлаго бога къ демону произошелъ на почвѣ
Эрана, вслѣдствіе религіозной реформы, низведшей
нѣкоторыхъ древнихъ народныхъ боговъ на сте-
пень злыхъ духовъ—процессъ часто повторявшійся
въ исторіи религій. Замѣчательно, что у Славянъ,
такъ же какъ у Эранцевъ, *divъ* имѣлъ значеніе
демона, между тѣмъ какъ у Литвы, столь близкой
къ Славянамъ націи, *dėwas*, слово вполне соотвѣт-
ствующее *divu*, означаетъ бога.

Туже противоположность находимъ въ другомъ
важномъ имени—богъ. Большинство индоевропей-
скихъ народовъ имѣютъ названіе, происходящее
отъ первоначальнаго корня *div*. Эранцы и Славяне
взяли для этого понятія другой корень, первоначальное
bhag — чтить: др. персид. *bağa* Ауга-
mazdā—богъ Ормуздъ въ клинообразныхъ надпи-
сяхъ Ахеменидовъ, слав. богъ. Литовцы снова рас-
ходятся съ самымъ близкимъ имъ народомъ: богъ
у нихъ *dėwas* и славянское названіе совершенно
неизвѣстно. Этотъ важный фактъ языка указы-
ваетъ повидимому на какое то древнее религіоз-
ное вліяніе эранскихъ вѣрованій на Славянъ (ср.
Хорсъ и перс. Хуршидъ), вліяніе вполне понятное
по географической близости обоихъ племенъ и
замѣтное въ нѣкоторыхъ фактахъ языка и миѳо-
логіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ

трудномъ и почти не початомъ вопросѣ ¹⁾ и мы затронули его лишь съ цѣлью объяснить, какимъ образомъ *дивъ*, древнее названіе бога, стало у Славянъ именемъ категоріи злыхъ духовъ. Отыскивая родственниковъ дива, упоминаемаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ, въ славянскихъ преданіяхъ, немедленно приходимъ къ южнымъ Славянамъ. Поэзія Сербовъ и Болгаръ можно сказать наполнена дивами и самодивами. Сербскіе богатыри бьются съ *дивами*, которые живутъ на дивской горѣ, въ пещерахъ и повинуются дивскому старѣйшинѣ ²⁾. Богатырямъ помогаютъ иногда свѣтлыя *вилы*. Болгарская загадка объясняетъ бурный вихрь гонкою и борьбою дивовъ: дивъ дива гони, дивъ дива съ зѣби гризе, дивъ диву гозба готви (кушанье готовить), дивъ съ дива гозба ѣде ³⁾.

Самодивы, существа въ родѣ нашихъ русалокъ, собираются на игрище (самодивско играло), у нихъ своя жрица (самодивска попада) и часто самодивы похищаютъ смертныхъ дѣвушекъ ⁴⁾. Онѣ населяютъ лѣсъ и нападаютъ на неосторожныхъ пастуховъ. Одна пѣсня рассказываетъ, какъ Стоянъ пастухъ былъ убитъ въ лѣсу.

---

¹⁾ Ср. нашу статью *Arijský Mitra a Slovanský mír*, въ *Časop. Musea Kral. českého*. 1874. pp. 319—343.

²⁾ Срп. Нар. Пјесме II № 8.

³⁾ Аѳанасьевъ Поэт. Возвр. II 617.

⁴⁾ Dozon—Български народни пѣсни. № 1, стр. 3 и 4.

Стоянъ матери не послушалъ,
Но погналъ свое стадо
По самодивской дубравѣ;
Онъ игралъ на свирѣли
И вызывалъ самодиву,
Чтобъ пришла она бороться,
Самодива показалаь,
Какъ косматый ребенокъ,
Они ударились и схватились
И три дня боролись,
Стоянъ уже ее побораетъ,
Какъ самодива прокричала:
Стихи сестры и вихри,
Днесъ меня Стоянъ поборетъ.
Стихи спустились,
И вихри закрутились,
Они подняли Стояна,
Положили на сукъ дерева,
Уносили съ верхушки на верхушку,
Кусали кусокъ за кускомъ
И стадо его разсѣяли ²⁾).

Какъ дивъ „Слова“ живетъ въ лѣсу и сидитъ на
верху дерева, такъ и здѣсь дивы унесли тѣло
Стояна на верхушки.

Въ другой пѣснѣ ¹⁾ самодивы пляшутъ подъ

---

¹⁾ Ibid. № 2, стр. 4 и 5.

²⁾ Ibid. № 1.

игру Стояна, затѣмъ улетаютъ промежъ зеленыхъ сосенъ къ цвѣтистому лугу и купаются въ ручьѣ, снявъ самодивскую куртку ²⁾ и зеленый дѣвственный поясъ. Стоянъ овладѣваетъ этой одеждой и женится на одной самодивѣ, единственной дочери у матери. Три года жила съ нимъ она и родила ему ребенка. На крестинахъ по просьбѣ кума, св. Ивана, Стоянъ возвратилъ Марійкѣ ея самодивскую одежду, чтобъ она проплясала по самодивски. Тогда Марійка выскочила въ трубу, сѣла на крышу, засвистала какъ самодивы и говорила Стояну:

Не говорила ли я тебѣ, Стоянъ,
Что самодива домъ не устроить?
Всплеснула она руками, всплеснула
И высоко полетѣла,
И далеко отлетѣла
Въ проклятые зеленые лѣса,
Въ самодивскія селища,
На дѣвственный кладенецъ,
Тамъ Марійка выкупалась,
Къ ней вернулось дѣвство,
И къ матери она возвратилась.

Отсылая за другими примѣрами къ пѣснямъ болгарскимъ въ сборникахъ Верковича, Дозона и Без-

---

¹⁾ Самодивско забунче.

сонова, замѣтимъ, что дивъ „Слова“ по всей вѣроятности вошелъ въ него изъ того же болгарскаго источника, какъ и вся прочая миѳологія.

По поводу *дива* нельзя не остановиться еще на одномъ мѣстѣ „Слова“, именно, на такъ называемой дѣвѣ Обидѣ.

„Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала: уже пустыни силу прикрыла; вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи...

Обыкновенно полагаютъ что Обида есть какое-то миѳическое существо, имѣющее видъ дѣвы съ лебедиными крыльями, нѣчто въ родѣ Валкирій съ лебедиными сорочками. Одинъ кн. Вяземскій въ противоположность общепринятому мнѣнію видитъ въ Обидѣ прекрасную Елену, за которую Греки бились подъ Троей. Не останавливаясь на этомъ своеобразномъ толкованіи, спросимъ себя, въ какомъ значеніи употребляетъ авторъ „Слова“ выраженіе *обида*? Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно привести то мѣсто, гдѣ про Ольгово храброе гнѣздо говорится, что оно не было порождено обидѣ. Послѣ пораженія Игоря время измѣнилось: гнѣздо, не рожденное для обиды, подверглось ей отъ Половцевъ, и эту мысль выражаетъ авторъ въ словахъ: обида вѣстала въ силахъ Дажь-божа внука, т. е. князя Игоря. Здѣсь, на нашъ

взглядъ, вполне законченный смыслъ. Дальше находимъ уже присутствіе какой-то миѳической личности, какую-то дѣву, вступающую на землю Трояню и плещущую крылами на морѣ. Для выясненія этой дѣвы слѣдуетъ вспомнить два обстоятельства.

Во-первыхъ она является на землѣ Трояновой, которую мы найдемъ ниже у южныхъ славянъ.

Во-вторыхъ эта дѣва, повидимому, соотвѣтствуетъ уже знакомому намъ существу *диву*, упоминаемому въ томъ же „Словѣ“. Съ мѣстомъ о миѳической дѣвѣ сравнимъ дальнѣйшее о дивѣ. И тамъ сначала упоминаются абстрактныя понятія, соотвѣтствующія *обидѣ*:

Уже снесся *хула* на *хвалу*

Уже тресну *нужда* на волю.

И затѣмъ является миѳологическая личность: уже врѣжеся *дивъ* на землю. Какъ въ этомъ мѣстѣ главнымъ признакомъ бѣдствія обозначается тотъ, что *дивъ* бросился на землю, такъ и въ разбираемомъ мѣстѣ находимъ признакъ бѣды: настала обида и вступила *дѣва* на землю. Допускаемъ, что *обида*, какъ понятіе грамматически женское, могло быть олицетворено поэтомъ въ видѣ женщины; но откуда поэтъ могъ почерпнуть другія детали: это дѣва, съ лебедиными крыльями и пребываетъ она на синемъ морѣ и плещется и вступаетъ на землю Троянову?

Эти черты не являются сами собою воображенію, если оно поэтически олицетворяетъ такое понятіе, какъ *обида*. Быть можетъ, намъ недостаетъ поэтического чувства, но на нашъ взглядъ для *обиды* естественнѣе образъ злой старухи вѣдьмы, нежели дѣвы съ лебедиными крыльями, почему-то плещущей на синемъ морѣ. Появленіе этого нѣсколько неожиданнаго образа, кажется, можно объяснить изъ того же источника, откуда мы вывели *дива*, тѣмъ болѣе что въ параллельномъ мѣстѣ именно *дивъ* соотвѣтствуетъ нашей *дивѣ*.

Въ болгарской народной поэзіи трудно найти различіе между разными злыми существами, которыя то называются дивами и самодивами, то вилами и самовилами, то юдами, то юдами-самовилами. Всѣ они женскаго рода, всѣ враждебны людямъ, хотя иногда подчиняются чувству любви къ земнымъ юнакамъ; всѣ стараются воспрепятствовать героямъ овладѣть земными красавицами, зорко стерегутъ послѣднихъ, бьются съ юнаками и живутъ преимущественно на моряхъ или вообще на водѣ. Мы уже приводили пѣсни, въ которыхъ упоминаются самодивы, летающія по деревьямъ. Теперь приведемъ *морскихъ* юдъ-самовилъ. Въ одной изъ пространныхъ пѣсенъ, изданныхъ Верковичемъ подъ заглавіемъ „Веда Словена“, находимъ пѣсню, (№ VII) воспѣвающую женидбу Талатинска краля на дочери Ситска краля. Сынъ, родившійся отъ

этого брака, краль Сада, хочет похитить дочь царя Рична, прекрасную Дуриду. Онъ садится на чудеснаго коня, умѣющаго плавать какъ рыба, прибываетъ къ берегу моря и переплываетъ на ту сторону въ царство царя Ричны. Но вотъ являются на берегу двѣ юды-самовилы: лица ихъ сіяютъ какъ солнце, одежда на нихъ бѣлая, съ пестрымъ и покрытая золотомъ, брови черны, какъ морскія пиявицы, а косы ниспадають до земли. Сначала Сада принимаетъ ихъ за дочерей царя Ричны, вышедшихъ за водою, и проситъ у нихъ напиться. Но онѣ сами обличають себя, говоря:

Какой врагъ тебя принесть,
Что ты пришелъ на наше пустынное море?
Мы не двѣ царскія дочери,
И не беремъ студеной воды,
Чтобы принесть ее царю Ричнѣ,
Мы двѣ Юды Самовилы,
Стережемъ пустынное море,
Чтобъ человѣкъ не перешелъ его,
Ни человѣкъ, ни птица,
Чтобъ никто не ходилъ въ землю Ричны,
Не полюбилъ трехъ царскихъ дочерей.
Кто же приходитъ на берегъ моря,
Тотъ назадъ не возвращается:
Мы бросаемъ его въ темную темницу.

и т. д.

Такъ поступаютъ морскія дѣвы и съ Садою, но онъ избавляется затѣмъ и достигаетъ своего желанія.

Въ другой пространной пѣснѣ (№ XV Женитьба Орфена на дочери арабскаго царя), музыкантъ Орфенъ подходитъ къ черному морю, чтобъ перейти на ту сторону, къ своей невѣстѣ, дочери Фейска краля. Изъ чернаго моря выходятъ девять *yodъ* и препятствуютъ ему переходъ. Орфенъ поетъ жалобную пѣснь, въ которой проситъ вышняго бога послать ему ангела на помощь. Является старикъ съ бородою до земли, садится на берегъ, бросаетъ косою взглядъ на девять *yodъ* и онѣ скрываются на днѣ моря. Орфенъ благополучно переходитъ на тотъ берегъ и добываетъ невѣсту. Въ той же пѣснѣ другія три *yodы*, *yodы* живущія на какомъ-то полѣ, являются покровительницами героя и даютъ ему совѣтъ какъ похитить дочь Фейска краля. Въ другихъ пѣсняхъ упоминается черный годъ (цѣрна година), когда *yodы* носятъ черные платки на головахъ и свѣтлый, бѣлый годъ, когда онѣ одѣты въ бѣлое и купаются въ озерѣ ¹⁾).

Эти миѳическія существа болгарскихъ пѣсенъ, эти, дѣвы плещущіяся на морѣ и летающія по воздуху, живо напоминаютъ нашу миѳическую дѣву, плещущую на морѣ и вступающую на землю

---

¹⁾ Ibid. p. 317.

Трояню. Какъ болгарскія морскія юды, эта дѣва злая: ея появленіе знаменіе обиды, постигшей силы Дажь-божа внука и плескъ ея крыльевъ на морѣ вѣроятно выражаетъ радость несчастію людей. Образъ такой дѣвы-юды могъ авторъ „Слова“ найти тамъ же, гдѣ нашелъ землю Трояню, на которую эта дѣва вступаетъ, тамъ гдѣ нашелъ дивовъ, Дунай, Бояна и многое другое. Если онъ въ поясненіе земли Трояновой прибавилъ отъ себя *у Дону*, то поступилъ въ этомъ случаѣ такъ же, какъ въ другихъ подобныхъ и мы конечно не станемъ искать этой сказочной земли около устья Дона въ Азовское море. Быть можетъ, и *дѣва* была передѣлана авторомъ изъ *дивы*, или же собственное имя этой мифической дѣвы опущено, а признаки ея оставлены какъ пригодные, по взгляду автора, къ пластическому изображенію обиды. Это предположеніе можетъ объяснить появленіе въ „Словѣ“ дѣвы съ характерными признаками болгарскихъ морскихъ юдъ, и представляется намъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что рядомъ съ дѣвою являются и другіе образы изъ болгарскаго источника—Дажь-божій внукъ и земля Трояня.

Глава пятая.

Троянъ. Это слово встрѣчается въ 4-хъ мѣстахъ:

1. О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славію, оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы.

2. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславличя.

3. Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню.

4. На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу: тѣй клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго.

О Троянѣ высказываемы были нашими учеными разныя мнѣнія. Одни видятъ въ немъ римскаго императора Траяна, другіе считаютъ его древнимъ богомъ у Славянъ, третьи узнаютъ въ этомъ имени тѣхъ Троянъ, противъ которыхъ Греки сражались

подъ Троей. Наконецъ пр. Тихонравовъ замѣняетъ Трояна Бояномъ въ трехъ мѣстахъ (1, 2, 4). Последняя поправка уясняетъ весьма мало и мы вполне согласны съ доводами гг. Буслаева и Дринова противъ нея. Всего вѣроятнѣе соображенія г-на Дринова, который старается согласить божество Троянъ, упоминаемое въ „Хожденіи Богородицы“ и въ „Откровеніи святыхъ Апостолъ“ съ императоромъ Траяномъ. Занятіе Дакии императоромъ Траяномъ, сооруженіе знаменитаго Траянова вала, и моста на Дунаѣ должно было отразиться, по взгляду Дринова, на народномъ сознаніи придунайскихъ Славянъ. Столкновение Римлянъ со Славянами, какъ оно ни было кратковременно, оставило по себѣ память въ странѣ въ нѣкоторыхъ сооруженіяхъ и имя Траяна облеклось какимъ-то миѳическимъ ореоломъ въ народныхъ сказаніяхъ, причемъ какъ это часто бываетъ, къ исторической личности и имени приурочились миѳологическія черты, которыя прежде облекали другія личности. Въ болгарской пѣснѣ является царь Троянъ, обладающій огромными богатствами, золотомъ и серебромъ: въ 70 водоемахъ течетъ у него золото и серебро, но не было въ его городѣ воды, потому что змѣй залегалъ источники. Св. Георгій, являясь на конѣ, спасаетъ отъ этого змѣя дочь краля Трояна и повелѣваетъ ему расплавить серебрянаго бога, которому христіане должны были кланяться въ его городѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта замѣчательная пѣснь говоритъ объ императорѣ Троянѣ, такъ какъ называетъ его *кралемъ* и *латиномъ* ¹⁾. Значеніе ея, въ связи съ сербской сказкой о царѣ Троянѣ съ козьими ушами, для Слова о Полку Игоревѣ прекрасно выяснено Ѳ. И. Буслаевымъ ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться и съ г-мъ Дриновымъ, что въ миѳическомъ образѣ сербско-болгарскаго Трояна сказывается историческая личность, имѣвшая большое значеніе въ судьбахъ Славянъ ³⁾. Римскій императоръ, которому воздавались божескія почести, котораго статуи стояли въ храмахъ, который поразилъ бѣдное славянское населеніе Дакіи и могуществомъ, и богатствомъ, и громадными сооружениями, могъ въ преданіяхъ позднѣйшихъ поколѣній принять обликъ древняго бога, но бога враждебнаго свѣтлымъ богамъ, боящагося свѣта и побѣждаемаго свѣтлыми силами. Можетъ быть, подъ игомъ Римлянъ, Славяне должны были одно время воздавать почести статуямъ Трояна; можетъ быть, Римляне увѣрили ихъ въ его божественности; можетъ быть, на такой культъ истукана намекаетъ болгарская пѣсня, въ которой Св. Георгій является разрушителемъ идолослуженія. Какъ бы то ни было,

---

¹⁾ Български народни пѣсни, брат. Миладиновцевъ, № 38.

²⁾ Истор. очерки, I 385.

³⁾ Заселеленіе etc p. 77.

едва ли Троянъ, упоминаемый въ обоихъ *болгарскихъ* памятникахъ въ числѣ языческихъ боговъ — Перуна, Хорса, Дыя, Велеса—кто нибудь другой, а не обоготворенный императоръ, тѣмъ болѣе, что „Откровеніе“ само поясняетъ: Троянъ бѣше царь въ Римѣ.

Одно изъ удачнѣйшихъ сближеній, проливающихъ свѣтъ на Трояна въ Словѣ о Полку Игоревѣ было сдѣлано *Θ. И. Буслаевымъ* ¹⁾. Уважаемый профессоръ привелъ изъ словаря Вука Караджича сербскую сказку, или вѣрнѣе легенду, приуроченную къ развалинамъ города Трояна, выше Дворишта на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабачъ. Въ этомъ городѣ, говоритъ преданіе, правилъ краль Троянъ, который каждую ночь ѣздилъ въ Срѣмъ къ своей возлюбленной. Ёздилъ же онъ ночью потому, что днемъ боялся быть растопленнымъ солнцемъ. У любовницы Троянъ краль оставался до тѣхъ поръ, пока его кони съѣдятъ кормъ и пока не запоютъ пѣтухи. Однажды мужъ или братъ его любовницы вырвалъ пѣтухамъ языки и насыпалъ конямъ трояновымъ песку вмѣсто овса. Не слыша пѣнія пѣтуховъ, Троянъ замѣшкался долѣе обыкновеннаго и на возвратномъ пути былъ застигнутъ солнечнымъ восходомъ. Опасаясь быть растопленнымъ, онъ залѣзъ въ стогъ сѣна; но по-

---

¹⁾ Очерки, I 387.

дошли коровы ¹⁾), растрепали стогъ и солнце растопило Трояна.

Трояна сербской сказки, какъ и болгарскихъ пѣсень, проф. Буслаевъ совершенно справедливо приводитъ въ соотношеніе съ загадочными мѣстами „Слова“. Но изъ той же сказки можно сдѣлать еще нѣкоторыя заключенія. Намъ кажется, что личность юго-славянскаго Трояна послужила автору „Слова“ прототипомъ для тѣхъ миѳическихъ деталей, которыми онъ облакаетъ Всеслава, или иначе, что на мѣсто Трояна былъ поставленъ полоцкій князь. Что рассказывается о Всеславѣ? Это былъ князь, который днемъ „людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ *ночь* влъкомъ рыскаше“. Тоже дѣлалъ и сербскій Троянъ; днемъ царилъ, ночью рыскалъ. Замѣтимъ кстати, что въ выраженіи „влъкомъ рыскаше“, мы не можемъ видѣть намека на волкодлачью натуру Всеслава. *Волкъ* употребляется въ „Словѣ“ просто, какъ метафора для выраженія быстроты бѣга: Всеславъ не перекидывался волкомъ, какъ не перекидывались волкомъ Гзакъ ²⁾), Игорь ³⁾), Влуръ ⁴⁾ и Куряне ⁵⁾). Онъ

---

¹⁾ Солнечные лучи, какъ извѣстно, уподобляются въ Ведахъ коровамъ.

²⁾ Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ.

³⁾ Въврѣжеса на брѣзь комонъ и скочи съ него босымъ влъкомъ.

⁴⁾ Тогда Влуръ влъкомъ потече.

⁵⁾ Сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ (Куряни). Сравненіе дружины съ волками обычно и болгарскимъ пѣснямъ:

такой же оборотень, какъ всѣ эти личности. Другая черта, сближающая Трояна съ Всеславомъ та, что и тотъ, и другой имѣютъ свою любовь: Троянъ мчится къ ней ночью въ Срѣмъ, Всеславъ вѣрже жребій о дѣвицу себѣ любовь и сжавъ коня *шенкелями* „скочи къ граду“. Троянъ избѣгаетъ солнца (Хорса) и спѣшитъ домой въ городъ Троянъ съ пѣніемъ пѣтуховъ: Всеславъ дорыскиваетъ *до куръ* до Тмута-таракана и великому Хорсу перебѣгаетъ дорогу.

Соображая эти аналогіи, невольно приходимъ къ предположенію, не было ли въ болгарскомъ источникѣ, изъ котораго авторъ „Слова“ черпалъ нѣкоторыя „старыя словеса“ преданія о Троянѣ, похожаго на то, которое донесла до насъ мѣстная сербская легенда. Авторъ воспользовался нѣкоторыми чертами Трояна для своего вѣщаго Всеслава и слѣды подобной спайки, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть въ самомъ загадочномъ мѣстѣ „Слова“, гдѣ говорится о седьмомъ вѣкѣ Трояна въ связи съ Всеславомъ: „на седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Всеславъ жребій и дѣвицу себѣ любовь“. Какое отношеніе можетъ имѣть Троянъ, если это исто-

---

Колѣ заигралъ на волынкѣ

И собралися юнаки,

Юнаки, какъ волки,

До триста и тридцати,

Триста новой дружины.

См. Dozon — Български народни пѣсни № 28.

рическое лицо, къ русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояна? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно положительно сказать, что авторъ „Слова“ зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, не понявъ его и, быть можетъ, даже исказивъ. Эпическое число *семь* показываетъ, что мы не придемъ ни къ какому результату, дѣлая математическія выкладки, отъ какого времени слѣдуетъ считать этотъ седьмой вѣкъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ, какъ и въ другихъ славянскихъ, не трудно указать много примѣровъ употребленія *семи* какъ эпическаго числа: у Болгаръ упоминаются часто въ пѣсняхъ какіе-то семь кралеѣ (седумъ кралѣи)¹⁾, семь башенъ (седумъ кули)²⁾, семь снохъ (седумъ снахи)³⁾ и т. д. Иногда вмѣсто семи кралеѣ является семьдесятъ или семьдесятъ семь⁴⁾. Поэтому, отказываясь отъ надежды найти смыслъ въ седьмомъ вѣкѣ трояно-

---

¹⁾ Миладиновцы № 142.

²⁾ Ibid. № 156.

³⁾ Ibid. № 232.

⁴⁾ См. Верковича Веда Словена *passim*. О семи, какъ объ эпическомъ числѣ срав. Mannhardt Götterwelt, I 56, 127, 138, 143, 204, 213. Hahn—Griech. Märchen I 29. Аѳанасьевъ—Н. Р. Сл. VIII 5. Grohmann—Sagenbuch p. 23, 28. Kelly—Indoeur. Trad. and Folklore p. 25. Lenormant—Premières Civil. II 84 и мн. др.

вомъ, обращаемся къ другимъ мѣстамъ, гдѣ упоминается та же личность. Выраженіе, въ которомъ авторъ характеризуетъ полеть рѣчи Бояновой — рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы — понимаютъ обыкновенно въ томъ смыслѣ, что здѣсь топографическое указаніе на *via Trajana* въ древней *Dacia Trajana*. Уже г. Дриновъ справедливо замѣтилъ, что толкователи „Слова“ вообще дѣлали ошибку, принимая реченіе „тропа“ въ современномъ русскомъ его значеніи, именно, въ значеніи „дороги, пути“¹⁾. Г. Дриновъ даетъ этому слову значеніе рва и видитъ въ этомъ мѣстѣ „Слова“ указаніе на ровъ „вырытый вдоль знаменитаго Троянова вала и вмѣстѣ съ нимъ тянувшійся на протяженіи ста и болѣе верстъ“. Но, соглашаясь съ проф. Дриновымъ въ первой части его замѣчанія, въ томъ, что *тропа* не есть дорога²⁾, мы все же далеко не увѣрены, что *тропа* Трояня былъ *ровъ* у Троянова вала. Г. Дриновъ указываетъ на родственныя слова въ слав. нарѣчіяхъ: польск. *trop*, чешск. *trop*, словин. *trop*, *troplja* и *trap*, *traplja* = *слѣдъ*, далматинск. *trap* — *solum alte fossum*, т. е. дно глубоко вырытое (что г. Дриновъ невѣрно передаетъ словомъ *ровъ*), серб. *трап* — *fovea adser-*

1) Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. 1873, стр. 70 и слѣд.

2) Въ „Словѣ“ *тропа* употреблена сознательно въ отличіе отъ дороги (неготовыми дорогами) и пути (упоминается 5 разъ).

vandis rapis, т. е. яма для сохраненія рѣпы, болгар. трапъ—яма, *ровъ вообще*, въ особенности ровъ, вырытый съ военною цѣлью (tranchée).

Хотя нѣтъ сомнѣнiя, что всѣ эти слова восходятъ къ одному корню, но этого недостаточно для рѣшенiя вопроса о точномъ значенiи „тропы“, и послѣднему слову конечно нельзя придать значенiе *рва* на томъ основанiи, что болгар. или серб. *трап* значитъ яма (или ровъ). Наше *тропа* стоитъ гораздо ближе къ польск. *trop*, чешск. *trop*, словин. *troplja*, словамъ, означающимъ *слѣдъ*, нежели къ болгарско-сербскому *трап*—яма. Въ малорусскомъ *тропа* значитъ именно стезя, слѣдъ и *въ тропу пойти* значитъ идти *по слѣду* ¹⁾. Такъ понимаемъ и мы *рища въ тропу Трояню*. Не видя здѣсь никакого географическаго указанiя, какъ нѣтъ его и въ предыдущихъ образахъ—*скача, славю, по мыслену древу и летая умомъ подъ облакы*, мы находимъ здѣсь лишь поэтическое продолженiе той же мысли: рыская по слѣду Троянову чрезъ поля на горы. Боянъ, рыскавшій съ рымъ волкомъ по землѣ, рыскалъ на подобiе Трояна, о которомъ ходитъ еще доселѣ мѣстное преданiе, что онъ рыскалъ по ночамъ изъ города своего въ Срѣмъ. Съ тою же быстротою, какъ Троянъ или Всеславъ, дорыскивавшій изъ Кіева до Тмутараканя раньше пѣтуховъ, рыщетъ и воображенiе

---

¹⁾ Тоже что выражаетъ польскій глаголъ *tropić*—слѣдить.

пѣснотворца Бояна, чрезъ поля на горы. Поэтому авторъ легко могъ сказать, что Боянъ рыщетъ по слѣдамъ Трояновымъ ¹⁾).

Гдѣ находилась *земля* Трояна и когда былъ вѣкъ этого миѳическаго лица, конечно не зналъ и авторъ „Слова“. Здѣсь снова нѣтъ ни топографическаго, ни хронологическаго указанія. Земля Троянова, гдѣ владычествовалъ этотъ миѳическій царь, вѣкъ его совпадаетъ съ временемъ нашего сказочнаго царя *Гороха*.

Продолжаемъ разборъ мѣста о тропѣ Трояновой: „Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореву *того* внуку“. Первые издатели „для большей ясности рѣчи“, поставили послѣ *того* въ скобкахъ Олега. На ошибочность этой вставки уже было указываемо многими издателями и на этомъ вопросѣ останавливаться не станемъ. Герой поэмы Игорь называется внукомъ Трояна. Какъ это ни странно, но грамматически другаго смысла не можетъ быть. Какъ же намъ осмыслить этотъ эпитетъ? Вспомнимъ, что Боянъ называется внукомъ Велеса и что князь (въ одномъ мѣстѣ именно Игорь) называется внукомъ Дажь-бога. Въ параллель съ этимъ въ разбираемомъ

---

¹⁾ Наше толкованіе, повидимому, подкрѣпляется винит. пад: съ предлогомъ въ: рища въ тропу, т. е. устремляясь во слѣдъ. При обозначеніи мѣстности мы ожидали бы предлога по: по тропѣ (дорогѣ, пути).

мѣстѣ тоже князь названъ внукомъ Трояна. Въ прежнихъ мѣстахъ мы усомнились, чтобъ эти эпитеты возникли на русской почвѣ, и старались объяснить ихъ заимствованіемъ изъ болгарскаго источника. Тоже объясненіе можно приложить и ко внуку Трояна.

Преданія о какомъ-то *царь* Троянѣ, жившемъ въ глубокой древности, какъ мы видѣли, приурочиваются къ южнымъ славянамъ. Потомкомъ этого прародителя царя могъ быть названъ скорѣе какой нибудь болгарскій князь, чѣмъ русскій Игорь, внукъ Олега. Но, заимствуя „старыя словеса“ изъ болгарскаго источника, почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ: О Бояне, соловію стараго времени—до словъ: не буря соколы занесе и т. д. словомъ, выписавъ изъ болгарскаго памятника все это лирическое отступленіе, авторъ „Слова“ подставилъ *Игоря* на мѣсто какого-то другаго лица и такимъ образомъ русскій князь оказался внукомъ болгарскаго миѳическаго царя Трояна.

Здѣсь тоже безотчетное сопоставленіе болгарскаго имени съ русскимъ, какъ сопоставленіе того же Трояна съ Всеславомъ или Дуная съ Каялой ¹⁾). Дѣйствительно, въ употребленіи Дуная

---

¹⁾ На фантастическомъ мнѣніи о Троянѣ г-на Забѣлина, который видитъ въ немъ миѳическаго представителя трехъбратняго рода, не считаемъ нужнымъ останавливаться. См. Исторія русской жизни. I, стр. 520 слѣд.

находимъ такое же безотчетное перенесеніе чужаго въ свое.

Разсмотримъ мѣста, гдѣ упоминается эта рѣка.

1. Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ *горы угорскыи* своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная.

2. Копіа поють на Дунаи; Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ рано кычетъ: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

3. Дѣвици поють на Дунаи: вьются голоси чрезъ море до Кіева.

Въ первомъ мѣстѣ Дунай очевидно та рѣка, которая и нынѣ носитъ тоже имя. Онъ течетъ между горами карпатскими, угорскими, и галицкій князь можетъ на немъ загораживать путь венгерскому королю. Итакъ пѣвецъ Игоревъ знаетъ хорошо, гдѣ искать эту рѣку. Что же мы находимъ далѣе? Поэтъ говоритъ, что копіа поють на Дунаѣ, что Ярославна хочетъ полетѣть на Дунай и омочить бебрянъ рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ, чтобъ утереть раны Игорю, разбитому на этой рѣкѣ. Эта географія напоминаетъ географію Шекспира? Ярославнѣ нужно попасть на Каялу, а она летитъ,

по дорогѣ, къ Дунаю. Для объясненія этой странности ссылаются на наши былины:

Протекла Дунай рѣка

Ко городу ко Кіеву (Рыбн. II. 50).

Или: Отъ краснаго града отъ Волынца,

По привольной рѣкѣ по Дунаевѣ,

Иде удалъ добрый молодецъ,

Боярьскій сынъ Дюкъ Степановичъ,

Со своей ли со дружиной боярьскойей,

Ко святому граду ко Кіеву.

Но изъ того, что наши простонародныя былины относятся безсознательно къ географіи, нельзя заключить что такъ же равнодушенъ былъ къ ней авторъ „Слова“, который знаетъ хорошо, гдѣ течетъ Дунай, гдѣ горы угорскія, по какимъ городамъ сидятъ какіе князья, знаетъ Нѣмцевъ, Венециевъ и Мораву, знаетъ что въ Крыму живутъ Готы и т. п. Для него Дунай не эпическая рѣка, и если онъ въ плачѣ Ярославны какъ бы забылъ географію, это происходитъ не отъ незнанія, а отъ безотчетнаго сохраненія географическаго названія, найденнаго въ болгарскомъ образцѣ.

Рѣка Дунай, какъ извѣстно, постоянно упоминается въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ: если гдѣ либо дѣло происходитъ на рѣкѣ, можно сказать навѣрно, что эта рѣка Дунай. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только перелистать

извѣстные сборники болгарскихъ пѣсенъ. Эту югославянскую рѣку слѣдуетъ видѣть и въ плачѣ Ярославны, и появленіе ея объясняемъ мы себѣ слѣдующимъ образомъ. Весь поэтической плачъ воспроизведеніе какого-то иного, не русскаго, а болгарскаго плача, въ которомъ прототипъ Ярославны оплакивалъ милаго ладу, полегшаго на берегу Дуная въ кровавой битвѣ. „Копіа поють на Дунаи“ такъ начиналась эта пѣснь, и голосъ ихъ слышитъ дѣвица. Очевидно нельзя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми издателями, отдѣлять слова—*Ярославнынъ гласъ слышитъ*—отъ предшествующихъ—*копіа поютъ на Дунаи*. Послѣдовательность пѣсни, нарушенная искаженіемъ *Ярославнынъ* вмѣсто *Ярославна*, требуетъ, чтобъ плачъ начинался со звука копій на Дунаѣ, которыхъ голосъ слышитъ Ярославна. Услыхавъ эту пѣснь копій на Дунаѣ, прототипъ Ярославны говоритъ: полечу зегзицей по Дунаеви и омочу *бебрянъ* рукавъ ¹⁾. Она летитъ туда, откуда несется голосъ. Авторъ, сохранивъ начало болгарской пѣсни съ Дунаемъ, долженъ былъ немедленно поправиться, чтобъ „старыя словеса“ согласить съ *былинами* своего времени и прибавилъ—*въ Каяль рѣцъ*,—вслѣдствіе чего получилась географическая несообразность.

---

¹⁾ Замѣтимъ болгар. слово *бебрь* вм. русс. *бобръ*, ср. *Велесъ* и *Волосъ*. Въ Болгаріи есть село Беброво.

Такимъ же литературнымъ заимствованіемъ кажется намъ и третье мѣсто, гдѣ упоминается Дунай: „Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ русской земли. Дѣвицы поютъ на Дунаи: вьются голоси чрезъ море до Кіева“. Какъ раньше копья *плы* на Дунаѣ, такъ здѣсь *поютъ* дѣвицы. Обѣ картины должны быть возведены къ одному источнику и этотъ источникъ едва ли русскій.

Мы согласны, что наше толкованіе плача Ярославны можетъ показаться фантастично. Но къ счастью народная поэзія Болгаръ, къ которой мы старались приурочить образъ тоскующей княгини, сохранила доселѣ замѣчательную пѣсню, представляющую самый лучшій комментарий къ этому образу. Пѣсня изображаетъ и богатыря, изнемогающаго отъ ранъ, и рѣку Дунай, и дѣву, черпающую воду изъ Дуная, чтобъ исцѣлить раны витязя, и превращеніе въ кукушку, т. е. всѣ поэтическія черты Ярославнина плача. Эта пѣсня, помѣщенная въ сборникъ Миладиновцевъ (№ 19), носитъ названіе *Яна кукавица*.

Что бѣлѣтъ, что лилѣтъ
На верху бѣлой Бѣлашицы?
Снѣга ли это глубокіе,
Или это бѣлые лебеди?
То не снѣга глубокіе,
То не бѣлые лебеди;

А то бѣлый шатеръ,
Подъ шатромъ молодой Стоянь,
Молодой Стоянь боленъ лежить,
Своей сестрѣ онъ говоритъ:
„Милая сестра, бѣлая Яна!
Пойди, Яна, принеси мнѣ
Съ бѣлаго Дуная студеной воды!“
Яна брату говорила:
„Ой ли, братъ, милый Стоянь,
Вѣдь я пути не знаю,
Какъ идти на бѣлый Дунай,
Какъ пойти и дойти“.
Стоянь велитъ и говоритъ:
„Милая сестра, печальная Яна!
Посѣки себѣ малый перстъ,
Чтобъ потекла черная кровь,
Когда пойдешь ты внизъ горой (лѣсомъ),
Окрась ты дерево и камень.
Какъ придешь на бѣль Дунай,
Ты налей студеной воды,
И снова назадъ возвращайся“.
Яна брата послушала,
Порѣзала малый палецъ,
Отправилась внизъ горою (лѣсомъ),
Дерево, камень окрасила,
На бѣлый Дунай пришла,
Студеной воды налила
И снова назадъ вернулась.

Эхъ Яна, бѣдная Яна!

Заросила чистая роса,

Смыла она мѣтки,

Тѣ мѣтки, черную кровь,

Что окрасила дерево, камень.

Эй, Яна, бѣдная Яна!

Она стала искать дорогу,

И заскиталась по лѣсу (горѣ).

Три дня она ходить, три дня бродить,

Никакъ слѣда не найдетъ,

Какъ идти къ ея брату,

Къ своему брату, больному Стояну.

Тогда Яна, бѣдная Яна

Печально Бога просила:

Ей Боже, милый Боже!

Сдѣлай меня, Боже, малой птицей,

Сизой птицей кукушкою,

Чтобъ я летала по букамъ,

Чтобъ искала моего брата,

Моего брата, больнаго Стояна!¹⁾

И Господь ее услышалъ,

И сдѣлалъ ее сизой птицей,

Сизой птицей кукушкой,

Что кукуетъ и до нынѣ¹⁾.

---

¹⁾ Съ приведенною болгарскою пѣснью о Янѣ кукавицѣ ср. другую подобнаго же сюжета въ сборникѣ Миладиновцевъ № 261.

Сличая нѣкоторыя черты этой народной болгарской пѣсни съ началомъ „плача Ярославны“, невольно приходишь къ вопросу, не нашелъ ли авторъ „Слова“ образъ тоскующей женщины кукушки, летающей за водою на Дунай, въ измышленіяхъ Бояна, т. е. въ какомъ-то болгарскомъ источникѣ? Этому не противорѣчитъ то, что мы выше сказали о византійскихъ книжныхъ аналогіяхъ обращенію Ярославны къ предметамъ природы, потому что болгарскій источникъ въ свою очередь могъ быть воспроизведеніемъ чего нибудь византійскаго, причемъ болгарскій поэтъ могъ такъ же вносить черты своей національной поэзіи, какъ и русскій его подражатель.

Теперь приступаемъ къ самому трудному вопросу въ „Словѣ“, къ вѣщему пѣвцу Бояну.

Що ми бѣлеи, лелеить?
Ели ми е бѣли шаторъ?
Ель ми е грутка снежовца?
Ель ми е соколово пиле?
Ели ми е бѣло платно?
Ели ми е руди овенъ?
Да е грутка снежовица,
Отъ сѣнце ке скотнеше;
Дà да ми е бѣло платно,
Лель ке го девойка зберить;
Да е соколово пиле,
Даль ке пиле отлеташе;

Дà да ми е овенъ руди,
Дà лели ке въ поле слезить;
Туку било бѣли шаторъ,
А потъ него боленъ Дойчинъ;
Край него сестр' Ангелина:—
„Айти сестро Ангелино,
Земи сѣда, та начекай,
Начекай отъ мои-те рани,
Тà растури по пѣтища,
По пѣтища, по све друмя,
Донеси леко'ита вода,
Да изміамъ мой-те рани“.

Упомянутое Бояна считают фактомъ въ высшей степени важнымъ для *исторіи* русской литературы. „Слово“ открываетъ намъ предшествующій литературный періодъ, періодъ, когда пѣлъ княжескій пѣвецъ Боянъ о древнихъ русскихъ князьяхъ и о своихъ современникахъ. Словарь свѣтскихъ писателей митр. Евгенія уже давно внесъ имя Бояна въ число русскихъ поэтовъ и историки литературы распространяются о характерѣ его пѣснопѣній. Боянъ жилъ въ XI вѣкѣ, былъ современникомъ полоцкаго князя Всеслава, о которомъ сказалъ извѣстную припѣвку, воспѣвалъ по памяти, какъ по грамотѣ, стараго Ярослава, бой Мстислава съ Редедею и прекраснаго Романа Святославича. Пѣсни его отличались высокимъ полетомъ воображенія, припѣвки или изреченія мѣткостью выраженій и глубокимъ смысломъ житейской мудрости. Авторъ „Слова“ воспитался на Боянѣ, онъ поклонникъ его и усвоилъ себѣ и характеръ его замысловъ и старыя словеса.

Считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть эти *избитыя* истины, вошедшія уже давно въ исторіи литературы и учебники. Прежде всего спросимъ себя, имѣемъ ли достаточное основаніе видѣть въ Боянѣ историческое лицо—*русскаго* поэта, современника Всеслава?

Вотъ всѣ мѣста, упоминающія Бояна:

1) Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замысленію Бояню. Боянъ бо

вѣщій, аще кому хотяше *пѣснь творити*, то растѣ-
кашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по
земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ
бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуца-
шетъ ѿ соколовъ на стадо лебедѣй; который доте-
чаше, та преди пѣснь пояше—старому Ярославу,
храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ
пѣлки Касожьскими, красному Романови Святъ-
славличю. Боянъ же, братіе, не ѿ соколовъ на
стадо лебедѣй пуцаше, *нз своя вѣщія прѣсты* на
живая струны вѣскладаше; они же сами княземъ
славу рокотаху.

2) О Бояне, соловію стараго времени! абы ты
сія пѣлки ущекоталъ, скача, славлю, по мыслену
древу, летая умомъ подъ облакы, свивая, славлю,
оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню,
чресъ поля на горы; пѣти было пѣснь Игореву,
того внуку: не буря соколы занесе чрезъ поля
широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому.
Чили вѣспѣти было *вѣщей Бояне, Велесовъ внуке*: ко-
мони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ и т. д.

3) Тому вѣщей Боянъ *и прѣвое* припѣвку смы-
сленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю
горазду суда Божіа не минути.

4) Рекъ Боянъ исходы на Святъславля *пѣснтворца*
стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти:
„тяжко ти, головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ
головы“, русской земли безъ Игоря.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя слова и выраженія. Авторъ даетъ пѣвцу Бояну эпитетъ *въщій*, о значеніи котораго можно судить по другимъ мѣстамъ. Всеславъ полоцкій, этотъ князь, рыскавшій съ быстротою волка, перегонявшій Хорса, имѣлъ *въщую* душу; персты, которые возлагалъ Боянъ на живыя струны, были *въщіе*, т. е. *чародѣйныя*, ибо оживить струны, какъ дѣлалъ Боянъ, было дѣломъ выше человѣческой мудрости; точно также надо быть чародѣемъ, надо имѣть чародѣйную душу, чтобъ рыскать какъ Всеславъ. Итакъ Боянъ носитъ эпитетъ мудраго чародѣя, тотъ эпитетъ, который въ устахъ народа получилъ, по свидѣтельству лѣтописца, князь Олегъ, за свои необыкновенные подвиги подъ Византіей. Умѣстенъ ли этотъ эпитетъ для пѣвца, для историческаго лица, которое жило при Всеславѣ и рассказы о которомъ могли быть въ свѣжей памяти у автора „Слова?“

Далѣе авторъ называетъ Бояна внукомъ Велеса, т. е. внукомъ солнечнаго бога-пастыря. Съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на такой эпитетъ, отовсюду онъ представляется несообразнымъ. Могъ ли историческій дѣятель, жившій съ небольшимъ за два поколѣнія до автора, хотя бы и стяжавшій талантомъ высокую славу, быть названъ внукомъ божества? Если Боянъ былъ современникомъ Все-слава, придворнымъ или дружиннымъ пѣвцомъ, не-

ужели люди книжные, современники автора „Слова“ могли сомнѣваться въ его человѣческомъ происхожденіи.

Далѣе Боянъ носить эпитетъ *соловья стараго времени*. Если онъ жилъ при Всеславѣ, этотъ эпитетъ непонятенъ и такъ же страненъ, какъ еслибъ мы называли Державина древнимъ поэтомъ.

Изъ третьяго мѣста (3) выводятъ, что Боянъ былъ современникомъ полоцкаго князя Всеслава: этому князю онъ сказалъ припѣвку. Но этотъ выводъ слишкомъ поспѣшенъ: слова—тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смыслену ¹⁾ рече—могутъ быть понимаемы иначе. Авторъ рассказалъ примѣры ловкости и хитрости Всеслава и затѣмъ выводилъ мораль. Какъ ни хитѣрь былъ князь, однако онъ бѣды страдалъ и къ нему приложима припѣвка, нѣкогда сказанная вѣщимъ Бояномъ: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа (т. е. смерти) не минути. Слова *тому рече* еще не значать необходимо, что Боянъ сказалъ припѣвку лично князю. Приводя пословицу, мы часто говоримъ: для такого-то лица сказана пословица, вовсе не думая при этомъ, что пословица была сочинена кѣмъ нибудь именно для этого лица. Что такъ по-

---

¹⁾ Смыслену припѣвку—вм. смысленый Боянъ—такъ читаемъ мы согласно съ замѣчаніемъ кн. Вяземскаго (Замѣчанія на Слово о П. И. 1876, стр. 380 и 381.

нималъ это и авторъ „Слова“—видно изъ прибавленнаго имъ слова *пръвое* (πρῶτον), т. е. древле, нѣкогда: еслибъ изреченіе Бояна не было старѣ Всеслава, это *пръвое* было бы неумѣстно.

Обратимъ вниманіе на характеристику Бояна въ „Словѣ“ и спросимъ себя, могъ ли бы въ такихъ фантастическихъ чертахъ авторъ характеризовать недавняго поэта, какъ бы послѣдній ни былъ геніаленъ. Когда онъ воспѣвалъ кого, то пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей; то не десять соколовъ, а десять вѣщихъ перстовъ; то не стадо лебедей, а живыя струны; его мысль растекалась по деревьямъ, онъ рыскалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ и сизымъ орломъ носился подъ облаками. Еслибъ авторъ могъ такъ пѣть, какъ Боянъ, соловей, онъ долженъ былъ бы скакать по мыслену древу соловьемъ, летать умомъ подъ облаками, рыскать по слѣду Троянову чрезъ поля на горы. По всемъ этомъ нѣтъ ни одной черты, которая могла бы быть реальной характеристикой историческаго пѣвца и притомъ русскаго, предшественника автора „Слова“. Такими чертами можно изобразить какого нибудь миѳическаго пѣвца, Орфея, Лина, Амфіона, пожалуй нашего Садко, а никакъ не дѣйствительнаго народнаго рапсода въ родѣ нашихъ онежскихъ „сказителей“. Одно изъ двухъ: либо это восторженное отношеніе къ Бояну искренно, либо оно литературный пріемъ. Предположимъ первое. Въ

такомъ случаѣ пѣвецъ, возбуждающій такія чувства въ несомнѣнно талантливомъ авторѣ „Слова“, служащій ему музой вдохновенія, долженъ былъ быть дѣйствительно гениаленъ и широко извѣстенъ. Слава Бояна, воспѣвшаго рядъ князей, вѣроятно донеслась бы и до насъ, если не въ видѣ какого нибудь произведенія, то въ видѣ хоть краткой замѣтки, оброненной какимъ нибудь лѣтописцемъ. Вѣдь знаемъ же мы о словутномъ Митусѣ, знаемъ о нѣкоемъ книжникѣ Тимофѣѣ, сказавшемъ ѣдкое слово о мучителѣ Бенедиктѣ, знаемъ изъ Галицко-Волынской лѣтописи о какомъ-то гудцѣ Орѣ, пѣвшемъ пѣсни половецкія, — о Боянѣ нигдѣ нѣтъ и помину. Но положимъ, что время совершенно вычеркнуло изъ народной памяти имя этого великаго пѣвца, положимъ, что ни одинъ изъ лѣтописцевъ не счелъ достойнымъ внести это имя въ свои записки, положимъ наконецъ, что это имя и было упомянуто, но до насъ не дошло такое произведение — и продолжаемъ гадать: былъ ли Боянъ книжный человѣкъ или народный „сказитель“, пѣвшій историческія былины? Судя по словамъ автора, конечно Боянъ не былъ книжникомъ: онъ *пллз* о усобицахъ первыхъ временъ по памяти и игралъ при этомъ на какомъ-то струнномъ инструментѣ, вѣроятно на гусяхъ. Историческія пѣсни малоруссовъ и наши сѣверныя былины хорошо извѣстны: какъ бы ни подновлялся ихъ языкъ подъ

вліяніемъ времени, общій характеръ ихъ не измѣнился и едва ли пѣсни *народнаго* пѣвца XI вѣка носили совершенно иной характеръ, нежели наши сѣверныя былины. Спрашивается, могъ ли бы одного изъ такихъ *неграмотныхъ* пѣвцовъ, какъ бы онъ ни пѣлъ свои пѣсни, поставить на столь высокій пьедесталъ авторъ „Слова“, человѣкъ книжный, близкій ко двору и одаренный высокимъ художественнымъ чувствомъ, могъ ли бы онъ назвать такого „сказителя“ и чародѣемъ (вѣщимъ) и внукомъ Велеса и такими восторженными чертами изобразить его „замышленія?“ Замѣтимъ также то книжное имя, которое даетъ авторъ Бояну. Для него Боянъ *пѣснотворецъ* (переводъ греческ. ῥδοποίης), который *творитъ пѣсни* (аще кому хотяше пѣснь творити). Такъ могли бы Греки назвать Гомера, Гезіода, но странно это литературное названіе встрѣтить въ примѣненіи къ народному сказителю. Словомъ, если мы примемъ Бояна за историческое лицо, за русскаго поэта XI вѣка, мы встрѣчаемъ рядъ затрудненій, которыя никакія комбинаціи не помогутъ устранить. Не лучше ли поэтому отказаться отъ русскаго поэта, о которомъ ровно ничего положительнаго не знаемъ, и, помилившись съ такой утратой для русской словесности, постараться объяснить другимъ путемъ упоминанія этой загадочной личности въ „Словѣ“.

Боянъ замѣняетъ автору „Слова“ музу эпиче-

скихъ поэтовъ. Мы уже указали на литературный характеръ начала и сравнили нѣкоторыя черты exordium'a съ аналогическимъ въ византійской поэмѣ о Дигенисѣ. Желая воспѣть походъ Игоря, авторъ ищетъ вдохновенія въ Боянѣ и въ выпренихъ чертахъ живописуетъ его манеру пѣнія. Послѣ патетическаго вступленія, онъ переходитъ далѣе къ простому разсказу—тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и т. д., и снова, какъ бы увлеченный мужественною рѣчью князя Игоря къ дружинѣ, вспомнилъ о Боянѣ. „О Боянъ! соловей стараго времени! Какъ бы ты воспѣлъ этотъ походъ? Ты, который скачешь соловьемъ по мыслену древу, летаешь умомъ подъ облаками, рыщешь по слѣду Троянову. Какъ мнѣ начать мою пѣснь на твой ладъ? Начать ли ее такъ:

„Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:
Галици стады бѣжать къ Дону великому“.

Или лучше начну такъ, о Боянъ, Велесовъ внукъ:
„Комони ржутъ за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ,
трубы трубятъ къ Новѣгородѣ“ и т. д. Второе начало очевидно понравилось автору болѣе и онъ уже, не пробуя третьяго, продолжаетъ свою повѣсть. Очевидно, что авторъ разыгрываетъ изъ себя пѣвца въ родѣ Бояна, что начало „Слова“ нѣчто въ родѣ прелюдіи, которая изображаетъ колебаніе виртуоза, полного мыслями и образами,

и подавляемаго богатствомъ матерьяла. Очевидно, что Боянъ здѣсь введенъ какъ піитическое украшеніе, а не какъ историческое лицо: имя вѣщаго поэта, потомка божества, должно украсить произведеніе автора, возвыситъ его въ глазахъ читателей. Если онъ самъ восторженно увлекается образомъ поэта, здѣсь должно проскакивать авторское желаніе, вызвать своимъ произведеніемъ подобный же восторгъ въ слушателяхъ или читателяхъ.

Такую же роль играетъ Боянъ и въ концѣ „Слова“. Начавъ во вкусѣ Бояна, авторъ долженъ былъ выдержать направленіе и кончить тѣмъ же почтеннымъ именемъ. Посмотримъ какъ же онъ кончаетъ свою повѣсть?

Авторъ избавилъ героя своего изъ плѣна и пустилъ его бѣжать на родину. За нимъ гонятся Гзакъ съ Кончакомъ, но видятъ бесплодность усилий и разсуждаютъ другъ съ другомъ:

Млѣвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злаченными стрѣлами“. Рече Кончакъ къ Гзѣ: „Аже соколъ ко гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею“. И рече Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ половецкомъ“.

Этимъ поэтическимъ разговоромъ *дѣйствіе*, собственно говоря, кончается: Игорь ушелъ, преслѣ-

дователи вернулись ни съ чѣмъ. Но, опустивъ занавѣсъ на поляхъ половецкихъ, авторъ хочетъ еще разъ приподнять его, чтобъ показать, что дѣлается на Руси и этой свѣтлой картиной закончить повѣсть. Здѣсь онъ снова воспоминаетъ изреченіе Бояна, которое можетъ служить его поэтической цѣли и самъ признается предъ читателемъ: рекъ Боянъ исходы ¹⁾ на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, когана хоти.

Сказалъ Боянъ и исходъ для (меня) пѣснотворце Святославова, Ярославова стараго времени, Олегова и княжеской жены. Вотъ что онъ сказалъ:

„Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю,
Зло ти тѣлу, кромѣ головы!“

Такъ же тяжело и русской землѣ безъ Игоря. Но горе смѣняется радостью: солнце свѣтитъ на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли и т. д.

---

¹⁾ Переводъ и толкованіе наши основаны на поправкѣ безсмысленные иходы въ исходы, соотв. греч. ἔξοδος. Авторъ могъ себя назвать пѣснотворцемъ Святослава, потому что рассказалъ его сонъ и патріотическія рѣчи князьямъ, пѣвцомъ стараго времени Ярослава и Олега, потому что упоминаетъ объ обоихъ — о первомъ съ сочувствіемъ о другомъ съ укоризной, — пѣснотворцемъ княжеской жены — именно Ярославны, потому что изобразилъ ея плачь по мужѣ. Впрочемъ, быть можетъ, слова: на Святъславля, пѣснотворца и т. д. испорчены и мы не стоимъ за наше объясненіе. Увѣрены мы только въ томъ, что въ подлинникѣ было исходы, и что имя Бояна внесено, чтобъ украсить начало повѣсти и ея исходъ.

Итакъ самое мѣсто Бояна въ „Словѣ“ указываетъ, что упоминаніе „соловья стараго времени“ не болѣе какъ литературный пріемъ, имѣющій цѣлью украсить поэтическое произведеніе.

Но быть можетъ третье мѣсто, гдѣ упоминается Боянъ, противорѣчитъ нашему заключенію? Боянъ здѣсь упомянутъ вслѣдъ за Всеславомъ, какъ его современникъ, и потому не можетъ быть фантастическимъ лицомъ... Напротивъ, это мѣсто, на нашъ взглядъ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Боянъ не историческое лицо, а маска. Какія слова приписываются ему? Ему приписывается пословица, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ изреченій житейской мудрости, которыхъ авторы никому неизвѣстны. Считать именно Бояна авторомъ пословицы—ни хитру ни горазду, суда Божія не минути—имѣемъ мы такое же право, какъ считать его же авторомъ другихъ пословицъ: суженнаго конемъ не объѣхать, плохо не клади не вводи вора въ грѣхъ и т. п. Если въ древнія времена подобныя изреченія приписывались мудрецамъ — Гомеру, Солону, Эзопу, Федру, Локману, то въ наше время историки литературы уже давно отказались отъ мысли искать личныхъ авторовъ пословицъ и поговорокъ. Замѣтимъ кстати, что то же изреченіе Бояна, якобы выдуманное имъ по поводу судьбы Всеслава, повторяется у Данила Заточника, безъ намека на его принадлежность Бояну.

Отказываясь отъ историческаго Бояна, горазнаго въ Кіевѣ гудца, какъ называетъ его „Повѣданіе“, и считая его имя поэтическимъ украшеніемъ, мы тѣмъ самымъ уже указываемъ почву, на которой его слѣдуетъ искать. Это имя должно было войти въ „Слово“ изъ того же книжнаго византійско-болгарскаго источника, откуда проникнули Троянъ, Дивы, Велесъ, Дунай въ извѣстномъ мѣстѣ, и этотъ выводъ подтверждается другими доказательствами.

Имя Боянъ народное болгарское. Многіе Бояны, извѣстные по памятникамъ, были Болгаре. Въ Болгаріи, гдѣ мы указали городъ Троянъ и городъ Велесъ, извѣстна рѣка Бояна. Въ пѣсняхъ болгарскихъ это имя встрѣчается въ мужскомъ и женскомъ родѣ (Боянъ и Бояна ¹⁾). Въ исторіи упоминаются слѣдующіе Бояны или Баяны: 1) Баянъ, аварскій хаканъ создавшій аварское могущество, завоевавшій венгерскія равнины и подчинившій себѣ вѣтви славянскаго племени, здѣсь обитавшія. Это было въ половинѣ VII-го вѣка; 2) Болгарскій князь Боянъ, (Βαϊανός иначе Παγανός), воевалъ съ Греками и убитъ въ 766 г. 3) Боянъ (Веніаминъ), сынъ болгарскаго царя Симеона, 4) Боянъ болгарскій воевода, управлявшій въ послѣднихъ годахъ X-го столѣтія въ Савской Хорватіи (нынѣш. Сла-

---

¹⁾ Народ. Песне Македонск. Бугаръ 335. Dozon—пѣсня 24. Сборникъ Миладиновцевъ—стр. 528—529.

вонія и Австрійская Кроація), зависѣвшей въ это время отъ болгарскаго царства ¹⁾). Βαχνην τὸν ρυπαρόν (грязнаго) 6-го учителя у Павликіанъ называетъ Георгій Монахъ. Βαχνης πραιπόσιτος (praepositus), имя христіанское, встрѣчается у Льва Грамматика. Во влахо-болгарскихъ грамотахъ Боянъ упоминается подъ годами 1572 и 1654 ²⁾). Наконецъ звуковой видъ имени Боянъ напоминаетъ общеупотребительныя у Болгаръ имена на *анг.*: Велянъ, Траянъ, Кърстанъ, Драганъ, Вълканъ, Вратанъ, Върбанъ, Първанъ, Китанъ, Стоянъ и т. п.

Но кто же этотъ болгарскій Боянъ? Былъ ли это дѣйствительно болгарскій знаменитый пѣвецъ или и въ болгарское произведеніе, послужившее въ отдѣльныхъ чертахъ образцомъ русскому, Боянъ попалъ книжнымъ путемъ, какъ подстановка славянскаго имени вмѣсто иноземнаго?

Первый, кто въ Боянѣ „Слова“ видѣлъ болга-

---

¹⁾ См. Гильфердинга—Ист. Серб. и Болгаръ 1868 стр. II. 159.

²⁾ См. Именословъ Морошкина s. v. Мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ это имя вовсе не могло употребляться у русскихъ Славянъ, но лѣтописныя извѣстія не даютъ возможности судить о его употребительности. Въ лѣтописяхъ Боянъ упоминается, кажется, только въ двухъ мѣстахъ: въ новгород. первой подъ годомъ 1300: того же лѣта срубиша 4 церкви: святыя Богородица въ монастыри въ звѣринци и святого Лазоря и святого Дмитрія на Бояни улѣ и святою Бориса и Глѣба на Подолѣ; и подъ 1533 (Полн. Собр. Р. Л. VIII 283), гдѣ говорится, что какой-то Боянъ изъ Орды прїѣзжалъ отъ Крымскаго царевича Ислама къ В. Кн. Вас. Іоанновичу съ грамотою.

рина — былъ Венелинъ. Въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи Болгаръ (1849), онъ выставляетъ предположеніе, что въ Боянѣ слѣдуетъ видѣть Бояна, сына царя Симеона (стр. 264).

„Достовѣрно, говоритъ Венелинъ, что Боянъ Владиміровичъ могъ рискать по тропѣ или дорогѣ Трояновой, ибо она находилась въ Болгарской державѣ; былъ ли Боянъ пѣвецъ на Руси, не знаю; если же былъ, и его то подразумѣваетъ пѣвецъ Игоревъ, то не понимаю, зачѣмъ онъ заставилъ его рискать въ Болгаріи, по дорогѣ Трояновой, на горы Балканскія. Кромѣ сего, онъ называетъ его пѣвцомъ *старого времени*; сіе же старое время, въ отношеніи къ Игоревому пѣвцу, падаетъ именно на Бояна Владиміровича. Онъ называетъ его *вѣщимъ*, что значитъ *предсказателя, колдуна, волшебника*, что именно приписывается Болгарскому Бояну, который, говорятъ, владѣлъ мощнымъ искусствомъ Цирцей“.

Мнѣніе Венелина, какъ и слѣдовало ожидать, не нашло отголоска у нашихъ изслѣдователей. Съ своей стороны признается, что намъ оно кажется вѣроятнѣе, нежели общепринятые гаданія о Боянѣ, княземъ пѣвцѣ XI вѣка. Этимъ, впрочемъ, мы не хотимъ сказать, чтобы мы вполне раздѣляли мнѣніе Венелина: мы не увѣрены, что Боянъ „Слова“ именно сынъ царя Симеона, но убѣждены что Боянъ лицо болгарское и попалъ въ „Слово“ изъ болгарскаго источника.

Въ пользу сына Симеонова можно привести слѣдующее мѣсто у Ліутпранда ¹⁾: qui (sc. Simeon) duos filios habuit, unum nomine *Baianum*, alterum, qui nunc usque superest potenterque Bulgariis principatur nomine Petrum. Baianus autem adeo fertur magicam didicisse, ut ex homine subito fieri lupum et quamcunque aliam cerneret feram т. е. у него (Симео́на) было два сына, одинъ именемъ Баянъ, другой, который и донынѣ живъ и мощно властвуетъ надъ Болгарами, именемъ Петръ. Баянъ, говорятъ, такъ изучилъ волшебство, что могъ внезапно изъ человѣка обращаться въ волка и въ любого другаго звѣря.

Не напоминаетъ ли кудесникъ царевичъ Боянъ, обращавшійся по произволу въ волка, нашего *въщаго* Бояна, рыскавшаго волкомъ по земли? Но въ какую связь привести болгарскаго и русскаго Бояна? Кн. Вяземскій полагаетъ, что „едва ли этотъ Славянскій князь не останется нѣмымъ лицомъ для объясненія воззванія къ Бояну и его изреченій, приведенныхъ въ пѣснѣ о Полку Игоревомъ“; но мы все же попытаемся связать обоихъ Бояновъ.

Внутреннее состояніе царства болгарскаго по смерти Симео́на (927 г.) далеко не ясно. Неизвѣстно, почему старшій сынъ Симео́на, Михаилъ, былъ еще при жизни отца устраненъ отъ престола и постри-

---

¹⁾ Antapodosis III 29. *Antapodosis III 29.*

женъ въ монахи. Симеону наследовалъ слабый и безхарактерный Петръ, подчинявшійся во всемъ своему дядѣ и опекуну Георію Сурсовулу. О двухъ братьяхъ Петра, Іоаннѣ и Боянѣ (иначе Веніаминѣ) также не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Государство истощается происками Византіи, боярскими распрями и внутренней борьбою съ богомилствомъ. Слѣдуетъ думать, что ученіе этой секты пользовалось сильнымъ сочувствіемъ въ двоевѣрномъ народѣ. Обличеніе ереси смѣшиваетъ заблужденія богомилскія съ языческими суевѣріями, обрядами и обычаями, державшимися въ народѣ наперекоръ стараніямъ церкви. „Смѣшеніе чисто народнаго вѣрованія, говоритъ г. Дриновъ ¹⁾, съ вѣрованіями еретиковъ могло произойти единственно вслѣдствіе близости послѣднихъ къ народнымъ вѣрованіямъ, или, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе распространенности секты среди народа“. Едва ли мы ошибемся, если будемъ смотрѣть на свидѣтельство Ліутпранда именно съ точки зрѣнія той внутренней ожесточенной борьбы между церковью и язычествомъ, а также ересью, которая раздирала Болгарію въ первой половинѣ X-го вѣка. Царевичъ, сидящій на престолѣ, благочестивый Петръ, вѣрный сынъ церкви, избѣгаетъ *мірскія доуки* въ бесѣдахъ съ иноками и путешествіяхъ по обителямъ

---

¹⁾ Южные Славяне и Византія въ X в. 1876 стр. 75.

Болгаріи. Церковь причислила Петра къ лицу святыхъ и чествуетъ его подъ именемъ преподобнаго отца. Родной братъ святаго Петра, царевичъ Боянъ, занимается кудесничествомъ, какъ представитель народныхъ суевѣрій, и пріобрѣтаетъ таинственную силу обертываться волкомъ. Если уже въ Константинополѣ, изъ устъ византійцевъ, Ліутпрандъ узнаетъ о кудесахъ бояновыхъ, какъ же должно было гремѣть его имя въ Болгаріи, въ устахъ народа, глубоко пропитаннаго языческими суевѣріями? Прежде чѣмъ проникнуть въ Константинополь, до какихъ необычныхъ размѣровъ должна была стоустая молва довести вѣщую мудрость царевича? Его репутація, какъ чародѣя, была конечно пріобрѣтена рядомъ вѣщихъ дѣлъ, которыхъ къ сожалѣнію не донесла до насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція.

Какъ бы то ни было, въ болгарскомъ народѣ слава Бояна, какъ вѣщаго чародѣя и оборотня, была широко распространена—и ничего о Боянѣ неизвѣстно намъ отъ древней Руси. Неужели же слишкомъ смѣло искать и Бояна „Слова“ на той почвѣ, гдѣ дѣйствительно жилъ Боянъ чародѣй, въ той странѣ, гдѣ ходили мѣстныя преданія о Троянѣ, гдѣ звучало и звучитъ имя Велесъ и ходятъ рассказы о дивахъ, самодивахъ? Неужели слишкомъ смѣло, объяснять появленіе Бояна въ „Словѣ“ такъ же, какъ мы выше объяснили мифологию „Слова“

и другія заимствованныя черты? Намъ представляется дѣло такъ: съ теченіемъ времени народная фантазія въ Болгаріи овладѣла историческимъ Бояномъ: историческія черты были забыты и стерты, преданія о Боянѣ слились съ другими, по общему закону, господствующему повсюду въ устныхъ произведеніяхъ; быть можетъ уже черезъ нѣсколько поколѣній является болгарскій книжникъ, воспитанный на красотахъ византійской литературы и усвоиваетъ какое то византійское произведеніе своимъ соотечественникамъ. Находя въ византійскомъ произведеніи мифологическіе эпитеты, онъ передѣлываетъ ихъ въ славянскіе, замѣняя, какъ переводчикъ Малалы, Геліосовъ, Аполлоновъ, Эоловъ—Дажь-богами, Велесами и Стрибогами; находя тамъ же воззваніе къ какому нибудь пѣвцу древности—Гомеру, онъ подставляетъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ. Подобное болгарское произведеніе переходитъ вмѣстѣ съ рядомъ другихъ на русскую почву. Прельщенный византійско-болгарскими красотами, русскій авторъ черпаетъ отсюда „старыя словеса“, иногда не отдавая себѣ въ нихъ отчета. Человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе. Но чтобы придать неизвѣстному пѣвцу русскую окраску, онъ дѣлаетъ его пѣвцомъ

Ярослава, Мстислава, Романа и Всеслава. Была ли здѣсь намѣренная травестія или наивное смѣшеніе чужаго съ своимъ — рѣшить трудно. Важно одно, что при этомъ замѣщеніи авторъ не былъ послѣдователенъ и устранивъ нѣкоторыя чужія черты, не стеръ другихъ: называя Бояна, напри-мѣръ, пѣвцомъ русскихъ князей, онъ заставляетъ его рыскать *въ тропу Трояню*, и называетъ внукомъ Велеса, а не Волоса...

Понятно, что указывая на передѣлки иноземнаго въ „Словѣ“, мы не обвиняемъ автора въ плагиатѣ. Такого понятія вовсе не существовало въ средніе вѣка не только въ русской, но и въ западной литературѣ. Позволимъ себѣ привести справедливое замѣчаніе г-на Пыпина: „любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ романическимъ рассказамъ, находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала старославянская, потомъ русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расходившихся въ то же время и въ западно-европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ вовсе не съ той точки зрѣнія,

какъ смотрять теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему несроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ, отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія и, считая переводъ за русское сочиненіе, также легко и чисто-русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ І. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ иноземную внѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣлыватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло“.

Съ этой точки зрѣнія авторъ „Слова“ не нуждается въ оправданіи. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ, онъ ведетъ рассказъ о историческихъ событіяхъ по былинамъ своего времени, мастерски группируя эти событія для гражданской цѣли и облакая поэтическимъ колоритомъ дѣйствующія

лица. Если, при несомнѣнныхъ достоинствахъ разсказа, кое гдѣ замѣтно подражаніе, оно только свидѣтельствуесть о художественномъ вкусѣ автора, объ умѣннѣ пользоваться старыми словесами для украшенія своего произведенія.

Уже было указано нѣкоторыми изслѣдователями на замѣчательное родство языка Галицко-Волинской лѣтописи съ языкомъ „Слова“. Въ этой лѣтописи часто находимъ поэтическія сравненія, живо напоминающія „Слово“. Разсказъ оживленъ и полонъ картинъ: особенно картинно разсказывается, напримѣръ, набѣгъ Ростислава Михайловича съ Уграми и Ляхами на Галичъ и битва подъ Ярославемъ. Событія церковныя, аскетическія легенды, занимающія столь видное мѣсто въ кievской лѣтописи, почти не входятъ въ Галицко-Волинскую. Все обличаетъ въ составителѣ чловѣка мірскаго, граждански развитаго и хорошо образованнаго для своего времени. Составитель, повидимому, принадлежалъ къ людямъ того же направленія, какъ авторъ „Слова“. При чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи невольно чувствуется что то близкое къ „Слову“, невольно припоминаешь подобные же образы и приходишь къ предположенію, не знакомъ ли былъ составитель лѣтописи съ этимъ произведеніемъ и не подражалъ ли ему? Авторъ „Слова“ не представляется уже необычайнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ является скорѣе

представителемъ литературнаго направленія, быть можетъ, основателемъ школы писателей, воспитавшихся на книжныхъ свѣтскихъ произведеніяхъ, но не чуждавшихся при этомъ родныхъ образовъ южно-русской поэтической рѣчи.

Конечно въ лѣтописи, требующей точности, вѣрности и полноты изложенія, нельзя было всегда изображать событія тѣми бойкими и широкими штрихами, какими начертаны они въ „Словѣ“. Надо было сдерживать воображеніе, приковывать его къ реальнымъ чертамъ дѣйствительности. Надо было рассказывать событія въ послѣдовательной связи, сочетать крупное, важное, съ мелкимъ и неважнымъ, не останавливаясь только на такихъ, которыя говорили сердцу и воображенію. При характеристикѣ историческихъ дѣятелей нельзя было прибѣгать къ смѣлымъ метафорамъ, къ гиперболамъ, ибо лѣтописи ставились не тѣ требованія, какъ поэтической повѣсти.

Но при всемъ этомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волынской лѣтописи прорываются какъ бы мелькомъ черты и краски, далеко необычная этому роду произведеній. Мысль какъ бы окрыляется, языкъ наполняется поэтическими метафорами, стиль становится силенъ, энергиченъ и драматиченъ. Всѣми этими чертами запечатлѣны строки, занесенныя подъ 1201 годомъ, т. е. дошедшій до насъ

отрывокъ отъ утраченнаго начала Галицко-Волинской лѣтописи въ Ипатск. спискѣ.

Въ лѣто 6709.—Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей Русской земли, князя Галичкого.—По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, *одолѣвшавсимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью* ходяща по заповѣдемъ Божиимъ: *устремилбоя бяше на поганья яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодиль и прехожаще землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ.* Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья Измал-тяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, *рыбою оживзшю*; тогда Володимеръ Мономахъ *пиль золотомъ шоломомъ Донъ* и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сыръчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: „Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойдѣ въ землю свою; молви же ему моя словеса, *пой же ему пѣсни половецкия*; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ“. Оному же не восхотѣвшю обратитися, не послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рче: „*да луче есть ва свой земль костью лечи, нели на чюже славу быти*“. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Концаку, *иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на пле-*

чеву; Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьники. Велику мятежю воставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его, единъ 4 лѣтъ, а другой дву лѣтъ“.

Со слѣдующаго года 1202 уже начинается связанный рассказ о событіяхъ на Волыни по смерти Романа ¹⁾. Не трудно замѣтить, что приведенный рассказ не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописью. Хотя онъ, приуроченъ къ 1201 году, но всѣ событія относятся къ другимъ временамъ и приведены изъ какого-то нелѣтописнаго источника. Охарактеризовавъ Романа поэтическими чертами изъ царства животныхъ, рассказчикъ припоминаетъ дѣда его Владиміра Мономаха, который губилъ Половцевъ и пилъ золотымъ шеломомъ Донъ. Затѣмъ припоминаетъ какого-то гудца Оря и рассказываетъ преданіе о зельѣ *евшань*. Далѣе является половецкій ханъ Кончакъ, изображаемый въ гиперболическихъ чертахъ какого-то мифическаго богатыря: онъ вычерпалъ рѣку Сулу, нося котелъ на плечахъ. Всѣ характерныя черты рассказа живо напоминаютъ „Слово“. Сравненіе съ звѣрями (туръ), выраженіе *пить шеломомъ Донъ*, славный гудецъ, пѣсни

---

¹⁾ Какъ извѣстно, хронологія Галицко-Волынской лѣтописи перепутана и примѣнена къ хронологіи Кіевской лѣтописи. Романъ былъ убитъ въ 1205 г., а Волынская лѣтопись относитъ его смерть на 1200 г., такъ какъ Кіевская кончается 1199 годомъ. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, стр. 26.

половецкія, и гиперболическое изображеніе Кончака. Съ послѣднимъ можно сравнить выраженія „Слова“ о Всеволодѣ: ты бы можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти; про Ярослава Осмомысла: меча бремены чрезъ облаки; или про Святослава грознаго, великаго Кіевскаго: наступи на землю половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озера, *иссуши потоки и болота*. Всѣ эти картины, попавшія въ лѣтописный рассказъ и плохо съ нимъ вяжущіяся, заимствованы очевидно изъ какой нибудь героической повѣсти въ родѣ „Слова о Полку Игоревѣ“. Быть можетъ, эта повѣсть была частью извѣстнаго намъ „Слова“, вышла изъ подъ пера того же автора и нѣкоторыя черты ея по реминисценціи занесены лѣтописцемъ. Вспомнимъ, что авторъ говоритъ въ началѣ: „начнемъ, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря“ и затѣмъ прямо переходитъ къ послѣднему. Едва ли это пустое обѣщаніе. По всей вѣроятности была написана и первая часть „Слова“, посвященная раннимъ князьямъ, но къ сожалѣнію до насъ она не дошла. Не изъ нея ли почерпнулъ лѣтописецъ нѣкоторыя черты, которыми онъ характеризуетъ Владиміра Мономаха? По поводу Романа лѣтописецъ могъ припомнить его дѣда и нѣкоторые мѣста изъ поэтического „Слова“. Не изъ того ли источника взять и Кончакъ, исчерпавшій Сулу и пѣвецъ Орь,

пѣвшій пѣсни половецкія? Словомъ изъ строкъ, внесенныхъ въ галицко-волынскую лѣтопись подъ 1201 годомъ можно, повидимому, вывести заключеніе, что внесшій ихъ былъ знакомъ со „Словомъ“ и что въ то время оно, быть можетъ, было полнѣе, чѣмъ дошедшее до насъ въ пушкинской рукописи.

Глава шестая.

Печатая ниже текстъ „Слова“, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду удобство для читателя, ибо прикрѣпляемъ къ этому тексту небольшой комментарий. Въ послѣднее время для критики текста было сдѣлано болѣе, чѣмъ когда нибудь. Проф. Тихонравовъ старательно сличилъ пушкинское изданіе со спискомъ, найденнымъ недавно въ бумагахъ императрицы Екатерины II, который былъ сдѣланъ для нея съ пушкинской рукописи раньше изданія 1800 года. Этотъ списокъ, изданный акад. Пекарскимъ ¹⁾, изданіе графа Мусина-Пушкина ²⁾ и нѣкоторыя выписки изъ подлинной рукописи, сдѣланныя Малиновскимъ и найденныя

---

¹⁾ Слово о Полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II. Приложение къ V-му тому записокъ имп. академіи наукъ № 2. Санктпетербургъ 1864.

²⁾ Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новгорода сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ преложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва 1800.

Е. В. Барсовымъ ¹⁾—вотъ весь критическій аппаратъ, которымъ можно располагать при восстановленіи текста. Нечего и говорить, что этотъ матеріаль крайне недостаточенъ: неопытность первыхъ издателей не подлежитъ сомнѣнію, екатерининскій списокъ сдѣланъ подъ наблюденіемъ графа Мусина-Пушкина раньше 1800 г., когда текстъ былъ для него еще менѣе ясенъ, чѣмъ впоследствии, а выписки Малиновскаго обнимаютъ не болѣе 15 мѣстъ изъ подлинной рукописи. Тѣмъ не менѣе изученіе всѣхъ нашихъ критическихъ средствъ не лишено извѣстнаго значенія. Недостаточно знать, что первые издатели сдѣлали не вполне удовлетворительное изданіе утраченной впоследствии рукописи: нужно знать, въ чемъ именно оказывается неточность и нѣтъ-ли возможности ее исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи екатерининскій списокъ и выписка Малиновскаго оказываютъ нѣкоторое подспорье.

Свѣдѣнія наши о пушкинской рукописи, сгорѣвшей при Московскомъ пожарѣ въ 1812 году, весьма скудны. На палеографическія запросы объ ней Калайдовича, графъ не сумѣлъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ: „рукопись эта писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ *лѣтописи*, довольно чистымъ почеркомъ. По почерку письма и по бумагѣ

---

¹⁾ См. Жур. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь стр. 19 слѣд.

должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ... Во время службы моею въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія"... Таковы были палеографическія показанія бывшаго владѣльца рукописи. Его приблизительное опредѣленіе вѣка, конечно, не имѣетъ для насъ никакого значенія.

Гораздо важнѣе показанія другихъ лицъ, видѣвшихъ рукопись, — Карамзина и Малиновскаго. Первый говоритъ, что рукопись *Слова* была писана не въ концѣ XIV в. и не въ началѣ XV, а развѣ въ концѣ сего столѣтія. Второй, принимавшій главное участіе въ первомъ изданіи, пишетъ къ графу Н. П. Румянцеву, что *Слово* было издано съ рукописи XVI вѣка ¹⁾. Къ такому же опредѣленію вѣка пришелъ на основаніи палеографическихъ признаковъ, объясняющихъ ошибки первыхъ издателей, и проф. Тихонравовъ. „Конечно въ ясномъ и опредѣленномъ уставномъ письмѣ XIV в., говоритъ Н. С. Тихонравовъ, или же въ полууставѣ

---

¹⁾ См. Статью Е. В. Барсова 1. с. стр. 19.

начала XV вѣка, не начинавшемъ еще сбиваться на скоропись, нельзя было смѣшать ѣ съ ъ, ѣ съ ы, ѣ съ ѣ и т. п. А между тѣмъ первые издатели почти *постоянно* принимаютъ ѣ рукописи за ъ и наоборотъ, хотя въ екатерининскомъ спискѣ обѣ буквы списаны съ того же манускрипта иначе и большею частію правильнѣе¹⁾. Смѣшивая кое гдѣ эти буквы, первые издатели впадали въ ошибки также въ выводѣ словъ изъ подѣ титлѣ, при разстановкѣ знаковъ препинанія и при дѣленіи словъ; вслѣдствіе чего, по мнѣнію того же ученаго, только открытіе новаго списка можетъ возстановить вполне смыслъ донынѣ загадочныхъ мѣстъ *Слова*²⁾. Мѣста, выписанныя *вполнѣ точно* изъ подлинной рукописи Малиновскимъ, еще ярче выставляютъ неудовлетворительность перваго изданія въ соблюденіи особенностей языка. Изъ нихъ видно, что 1) въ подлинной рукописи встрѣчалось обыкновенно двойное начертаніе у (оу), какъ, напримѣръ, въ словахъ: строужіе, тоутнетъ, оу доноу; 2) въ ней употреблялось также начертаніе буквы з, какъ, напримѣръ, въ словѣ: *погрузи*; 3) въ ней удерживался ѳ, какъ, напримѣръ, въ словѣ: *излоукѳ*; 4) употреблялся малый юсь ѡ вмѣсто ѡ, напр. *рассоушѡ*^с; 5) нѣкоторыя слова были писаны подѣ

---

¹⁾ Слово о Полку Игоревѣ, изд. 2-е 1868 стр. V.

²⁾ Тамъ же, стр. VIII.

титлою; 6) нѣкоторыя слова были недописаны, сокращены, напримѣръ, *ки.* вмѣсто *князя*; 7) предложія отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками ¹⁾).

Замѣтимъ далѣе, что хотя графъ Мусинъ-Пушкинъ и утверждаетъ, что подлинникъ былъ писанъ довольно яснымъ характеромъ, можно усомниться въ разборчивости письма. Уже Карамзинъ замѣтилъ, что въ почеркѣ рукописи были сходны по начертанію буквы *в* и *с* и полагалъ, что вмѣсто *въчи* *трояни* слѣдуетъ читать *съчи*. Одна выписка Малиновскаго (*грояхнутъ* вм. *гряяхутъ*) показываетъ, что иногда и *а* сбивалось на *о* и это подтверждается екатерининскимъ спискомъ, представляющимъ иногда родительные на *ого* вмѣсто *аго*, принятаго въ первомъ изданіи. Ср. также екатер. косожъскими вм. Пушк. касожъскими: носады вм. насады, поскачи (екат.) поскочи (Пуш.). Наконецъ и буква *к* въ начертаніи была похожа на *в* и *н*: такъ вмѣсто: *не было кз обидѣ*, издатели прочли *не было нз обидѣ*, а вмѣсто: *вз Путивлѣ*—*кз Путивлѣ*.

Впрочемъ мы все-таки не можемъ согласиться съ Н. С. Тихонравовымъ, который испорченность текста 1-го изданія ставитъ *исключительно* въ вину неопытности издателей въ чтеніи рукописей. Изъ нѣкоторыхъ фактовъ, почерпаемыхъ изъ сравненія

---

¹⁾ См. Барсова, въ Ж. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь, стр. 20 и 21.

архивнаго списка съ пушкинскимъ изданіемъ, можно заключить, что найденный Пушкинымъ списокъ „Слова“ былъ плохъ и главныя искаженія въ смыслѣ слѣдуютъ отнести на его счетъ, а не на счетъ Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго, главныхъ редакторовъ изданія, и, прибавимъ, Карамзина, который, по словамъ Тимковскаго, увѣрялъ Калайдовича, что „по сдѣланному имъ сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ кн. Игоря со всею точностію напечатана противъ подлинника“.

Нѣтъ сомнѣнія, что рукопись была бы издана современными учеными точнѣе въ палеографическомъ отношеніи, что современный издатель свято сохранилъ бы, на примѣръ, оба начертанія буквы *у*, малый *юсѣ*, *зѣло* и т. п.; но всеже можно сомнѣваться, чтобы тѣ мѣста, которыя до сихъ поръ темны, стали намъ вполнѣ ясны. Не отъ искаженія первыми издателями зависитъ, на примѣръ, темнота такихъ мѣстъ, какъ: свивая славы оба полы сего времени; тьмотораканьскый блѣванъ; на казатину (канину) зелену; съ тоя же Каялы Святопѣлкѣ повелѣя; карна и жля; одѣвахъте мя; поганыхъ тѣлковинъ; бѣша дебръ късаню и несошлю къ синему морю; съ Татраны, Шельбиры и съ Топчаки и съ Ревугы и съ Олбѣры; и схотію на кровать и рекъ и т. п. Темнота „Слова“ зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ трехъ причинъ: отъ того, что въ самой рукописи XVI-го вѣка произведе-

XII-го было уже значительно искажено, отъ того, что русскій авторъ XII-го вѣка внесъ въ свое произведеніе нѣкоторыя иноземныя черты (Боянъ, Троянъ) и наконецъ отъ того, что мы мало знакомы еще съ историческими обстоятельствами того времени и не всегда понимаемъ бытовыя черты.

Словомъ, палеографически - правильное изданіе позволило бы намъ вѣрнѣе судить о рукописи XVI в., но едва ли разъяснило бы намъ во многомъ поэтическое произведеніе XII-го вѣка.

Дѣйствительно, въ чемъ заключается неудовлетворительность перваго изданія и какъ оно относится къ екатерининскому списку?

Первое впечатлѣніе отъ архивнаго списка таково, что, при изготовленіи его для императрицы, Мусинъ-Пушкинъ понималъ отдѣльныя мѣста хуже, нежели впоследствии. Это видно изъ сличенія перевода съ тѣмъ, который приложенъ къ первому изданію:

„Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасеть птицъ подобію влъцы въсрожать по яругамъ...“

Въ архивномъ спискѣ: Игорь вои ведетъ къ Дону, который несчастіе ему готовить. Волки, на подобіе птицъ, своимъ воємъ по яругамъ предвѣщаютъ неудачу.

Въ 1-мъ изданіи: Игорь къ Дону войска ведетъ; даже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ вытьемъ своимъ страхъ наводятъ.

Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякими узорочьи половѣцкими. Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло.

Къ арх. списокъ: *Ортмами, япончицами* (плащами) и кожухами (шубами) начали мостить мосты по болотамъ и *другимъ* грязнымъ мѣстамъ. *Всѣ узорочья* (уборы) половецкіе, червлено знамя, бѣлая хоругвь, червленая чолка, сребренное *стружіе* достались храброму Святославичю. *Дремлютъ въ полѣ. Ольгово храброе гнѣздо далеко залетѣло.*

Въ 1-мъ изданіи: Охабнями, плащами, шубами и всякими половецкими нарядами, по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и сребренное древко достались отважному Святославичю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ.

Изъ подобнаго сличенія видно, что при изготавленіи перевода для императрицы многія слова еще были неясны переводчику и оставлены безъ перевода, многія грамматическія формы еще затрудняли его (твор. пад. узорочьи, причаст. прош. страд. залетѣло) и связь предложеній была ему неясна.

Меньшее пониманіе текста отразилось и на интерпункціи архивнаго списка, и на отдѣльныхъ сло-

вахъ. Такъ, многія нарицательныя имена, вслѣдствіе непониманія ихъ, попали въ собственные: Шеломомъ, Галицы (3 раза), говоръ Галичъ, Бѣсови, Харалузѣ. Раздѣленіе словъ также часто ошибочное: ужедъ ски (уже дьски. Пуш.), о дне пресловутицу (о Днепре словутицю. Пуш.), на ю (вм. наю), утрѣже вознистри кусы (утрѣ же вознистрикусы), много вои (многовои). Относительно тщательности арх. списокъ значительно уступаетъ 1-му изданію, которое, какъ извѣстно, печаталось очень медленно и подвергалось нѣсколькимъ корректурамъ ¹⁾. Въ списокѣ встрѣчаются описки: харалужными (вм. харалужными), за не землю (вм. за землю) и пропуски: такъ, пропущено слово *живыми* при *шереширѣ*, и слова *свистѣ звѣринѣ въ стазби*, которыя, впрочемъ, переданы въ переводѣ.

Немногія разночтенія между спискомъ и изданіемъ говорятъ въ пользу послѣдняго: такъ,

въ 1-мъ изданіи:

въ екат. списокѣ:

съ ты плѣкы

въ ты полкы

самаю

самого ²⁾

рядяше

радяше

рече Гзакъ

рекъ Гзакъ

¹⁾ Первую корректуру держалъ Малиновскій, вторую Бантышъ-Каменскій, а третью самъ Мусинъ-Пушкинъ. Участіе послѣдняго до того было ограничено, что онъ не имѣлъ даже права помаривать корректуру. Ж. М. Н. Пр. Сентябрь, стр. 10.

²⁾ Въ текстѣ стояло вѣроятно: самою.

Къ такому же выводу прійдемъ, если сравнимъ подробно списокъ съ изданіемъ, относительно вариантовъ въ буквахъ.

1. 1-е изданіе соблюдаетъ ту особенность фонетики „Слова“, что послѣ группы согласныхъ, изъ коихъ вторая плавный *р* и *л*, стоитъ *з*, какъ въ древне-болгарскомъ, или же *з* предшествуетъ звукамъ плавнымъ: млѣвити, наплѣнився, влѣци, плѣку, вѣлкомъ и т. д. Въ архивномъ спискѣ эта особенность стерта: *з* замѣненъ буквой *о*: полку, волкомъ, первыхъ (Пуш. пѣрвыхъ), черный (Пуш. чрѣный), молвити и т. д.

2. Пушкинское изданіе сохраняетъ мягкость гласнаго послѣ звуковъ *ч* и *ш*: начяти, рассушась, туча, потручати, поскочаше, Святъславлича, давеча, сыновча, Брячяслава, начясте. Это я иногда передаетъ малый юсъ (ѣ), какъ видно изъ выписокъ Малиновскаго (рассушѣ), иногда простое ѣ (поскочаше, давеча, сыновча). Въ архивномъ спискѣ я замѣненъ чрезъ *а*, согласно съ русской современной орѳографіей: начати, рассушась, туча, потручати, поскочаше, давеча, сыновча.

3. И списокъ, и изданіе неточны въ сохраненіи полугласныхъ въ серединѣ словъ, но бѣльшая точность за 1-мъ изданіемъ. Оно въ 11 случаяхъ сохраняетъ полугласныя (въступи, тѣмоу (bis), чрѣленныя, орѣтьмами, тѣматороканѣ (bis), иноходьцы, ингѣварь, мѣглами, мѣглами), гдѣ они не соблю-

дены въ спискѣ, который въ свою очередь сохранилъ ихъ въ 8 мѣстахъ, гдѣ они не сохранены въ 1-мъ изданіи (угорьскыи, салътани, утрѣпѣ, кіевьскаго, Полотьскѣ, Святъславъ, Святъславлича (bis).

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колебаніе въ выборѣ *з* и *ь* замѣтно въ спискѣ и изданіи, причемъ трудно сказать, которая изъ обѣихъ буквъ была въ рукописи, такъ какъ въ ней, конечно, орѳографія не была выдержана. Такъ, въ изданіи однажды: *мъла*, тамъ гдѣ въ спискѣ *мыла*, и въ нѣкоторыхъ словахъ *ь* (тъматороканскій, чрълеными, тльковинъ, шельбири), гдѣ въ спискѣ *з*.

5. Что касается до *з* и *ь* на концѣ словъ, то нельзя согласиться съ г. Тихонравовымъ, что большинство случаевъ ихъ смѣшенія зависитъ отъ того, что начертанія обѣихъ буквъ были сходны въ рукописи. Такое предположеніе можетъ объяснить лишь немногіе случаи. Изъ сличенія списка съ изданіемъ видно, что въ окончаніи 3-го лица един. и множ. числа наст. времени или прошед. на *ть* рукопись не была послѣдовательна въ употребленіи *з* и *ь*. Такъ въ пуш. изданіи читается: *помня-шетъ, скачють, текутъ, кають*, гдѣ въ екат. спискѣ стоитъ твердый знакъ. Но гораздо чаще въ пушкинскомъ изд. мягкое окончаніе замѣнено твердымъ (35 разъ) и въ этомъ, кажется, слѣдуетъ отчасти видѣть руку редакціи. Но есть и много случаевъ, гдѣ колебанія между спискомъ и изда-

ніемъ нѣтъ и гдѣ находимъ равно въ обоихъ твердое окончаніе.

Едва-ли палеографически можно объяснить и конечное *ь* послѣ *убныхъ* *м* и *в* въ пушкин. изданіи: былыамъ, умъ (трижды), имъ (дважды) трудомъ, Велесовъ, соколовъ (дважды), Святъславъ ¹⁾, дивъ, щитовъ, гдѣ въ архивномъ находимъ *з*. Въ употребленіи *ь* послѣ *в* слѣдуетъ видѣть особенность языка рукописи, такъ же какъ въ словѣ *умъ* ²⁾; *ь* въ твор. един. (трудомъ) и т. п. архаизмъ, чаще соблюдаемый арх. спискомъ, нежели 1-мъ изданіемъ, ср. въ архив. *мечемъ*, *за нимъ*, *бологомъ*, *болотомъ*, *волкомъ*—гдѣ въ изд. *з*, такъ же какъ въ отецъ (арх.), птицъ (арх.); *ь* въ окончаніи Святотплъкъ (пуш.) вѣроятно опечатка или описка. Объясненіе Н. С. Тихонравова могло бы быть приложено только, къ *ь* в.м. *з* въ дат. множ.: человекомъ (пуш.)=человекомъ (арх.), намъ (арх.)=намъ (пуш.), княземъ (арх.)=княземъ (пуш.); но и здѣсь находимъ указанія на то, что мягкое окончаніе составляетъ черту фонетическую, которую сохранилъ въ своихъ выпискахъ изъ той же рукописи Карамзинъ. Въ вышеприведенныхъ выпискахъ изъ Дѣянія Девгеніева можно отмѣтить слѣ-

---

¹⁾ *ь* въ словѣ Святъславъ въ одномъ мѣстѣ (грозный, великій) находится и въ списокѣ и въ изданіи.

²⁾ *умъ* читается въ одномъ мѣстѣ и въ арх. списокѣ, в.м. *умъ* пушк. изданія (носить васъ *умъ* на дѣло).

дующія формы: 1) дат. пад. множ. ч. на *мь*: дамъ ти свободу и *сыномъ твоимъ*; 2) род. пад. мн. ч. на *вь*: у *сыновъ* его; *кожуховъ* 20; *фаревъ*; *поясовъ*; 3) арх. твор. пад. ед. числа на *мь*: съ *каменіемъ*, съ *драгымъ*; *сухымъ златомъ* 4) болгар. группу *рз*: крѣмилицы, прѣвый, брѣзосты. Зная происхожденіе повѣсти о Девгеніи, естественно видѣть въ послѣдней чертѣ слѣды болгарскаго оригинала, уцѣлѣвшіе въ русскомъ переложеніи. Тоже объясненіе прилагаемъ мы къ этому же и нѣкоторымъ инымъ *болгаризмамъ* „Слова“.

5. Колебаніе между архив. спискомъ и 1-мъ изданіемъ замѣтно далѣе въ употребленіи *ы* и *и* послѣ гортанныхъ; но это колебаніе было и въ пушкинской рукописи, такъ что нельзя выставить закономъ, что цслав. употребленіе *ы* послѣ гортанныхъ было въ ней строго проведено. Ошибка первыхъ издателей состоитъ въ томъ, что они хотѣли внести однообразіе и замѣнили *ы* чрезъ *и* въ нѣсколькихъ случаяхъ, въ которыхъ арх. списокъ сохранилъ орѳографію подлинника. Такъ мы читаемъ въ 1-мъ изд.: рѣки, рускія, великихъ, половецкихъ, половецкія, аки, готскія, великій, облаки, латинскими, многи, похитимъ, ляцкіи, литовскія, кіевскимъ.

6. Въ пушк. изданіи род. пад. ед. числа прилаг. тверд. оканчивается постоянно на *аго* ¹⁾). Въ архивн.

---

¹⁾ Кромѣ одного случая—поганого кощея.

спискѣ въ 7 случаяхъ изъ 19 находимъ *ою*. Спрашивается, какъ было въ подлинной рукописи? Было ли въ ней постоянно *ою*, которое издатели согласно съ современной орѳографіей поправили въ *аю*, между тѣмъ какъ писецъ, писавшій архив. списокъ, внесъ эту поправку только кое-гдѣ, случайно, или и въ подлинной рукописи существовало колебаніе? Кажется, послѣднее вѣрнѣе. Если мы припомнимъ притомъ, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, *а* и *о* въ рукописи иногда бывали сходны, то затруднимся опредѣлить насколько ошиблись первые издатели прочитавъ въ 7 случаяхъ *аю* вм. *ою*.

7. Къ поправкамъ, внесеннымъ редакторами перваго изданія, слѣдуетъ отнести вставку мягкаго знака послѣ *л* въ словахъ: Ольгово (Арх. Олгово), Ольга, сильными (Арх. сильными), крильца (крилца), Ольберы (Арх. Олбѣры), нелзѣ (Арх. нелзѣ), только (Арх. толко). Въ этихъ случаяхъ *ь* былъ вѣроятно выраженъ надстрочнымъ знакомъ, и если такіе знаки иногда отсутствовали, то это свидѣтельствуешь лишь о небрежности писца. Конечно въ живомъ языкѣ не было произношенія *толко*, *крилца*, почему и поправки редакторовъ могутъ возмущать развѣ только крайній палеографическій пуризмъ.

8. Къ такимъ же маловажнымъ въ сущности поправкамъ принадлежитъ замѣна *ь* чрезъ *е* и обратно въ нѣкоторыхъ словахъ: залетѣло (Арх. залѣтѣло), телѣгы (Арх. тѣлѣгы), видѣ (Арх. виде), разшибе

(Арх. бѣ), стрѣлами (Арх. стрелами). Поправка эта неудачна только въ словахъ: въ жестоцѣмъ (Арх. жестоцѣмъ), на небесѣ (Арх. небесе), гдѣ употребленіе того или другаго звука представляетъ архаизмъ, который слѣдовало удержать. Впрочемъ, такія неудачныя поправки находимъ чаще въ архив. спискѣ: на синемъ (пуш. синѣмъ), златовръсемъ (пуш. ѣмъ), златокованнемъ (пуш. ѣмъ), кресити (пуш. крѣсити), слѣдовательно и въ этомъ отношеніи архив. списокъ уступаетъ въ точности 1-му изданію.

9. Что въ двухъ случаяхъ надстрочный знакъ равносильный з-ру былъ переданъ этой буквой — конечно также не можетъ быть вмѣнено въ вину редакторамъ. Эти слова: съ (Арх. с'), въ друзѣ (Арх. в' друзѣ). Въ словахъ: *въ моемъ* (пуш. вмо-емъ) и *бесъ щитовъ* (пуш. бес щитовъ), архив. списокъ дѣлаетъ тоже самое.

10. Трудно допустить чтобъ первые издатели были такъ невнимательны къ выведенію словъ изъ подъ титлъ, какъ утверждаетъ проф. Тихонравовъ. „Выводя нѣкоторыя слова изъ подъ титлъ, говоритъ этотъ ученый, первые издатели произвольно ставятъ ъ или ѣ и тамъ, гдѣ ихъ, конечно, не было въ подлинникѣ. Такъ они печатаютъ *трудо*мъ, гдѣ въ Екат. спискѣ *трудо*¹⁾; *умомъ*, гдѣ въ Екат. спискѣ *умо*¹⁾“¹⁾. Но начертаніе этихъ словъ въ Екат. спискѣ

---

¹⁾ Слово о П. И. изд. Тихонравова, стр. V.

вовсе не указываетъ на то, что они были подъ титломъ въ подлинникѣ: буква *м* надъ строкою встрѣчается только какъ сокращеніе, которое переписчикъ дѣлалъ для избѣжанія переноса окончанія слова въ другую строку ¹⁾). Слѣдовательно редакторы 1-го изданія не сами измыслили окончаніе *мь* въ твор. пад., а нашли его въ подлинникѣ. Что касается слова *рече*, которое было неправильно выведено изъ подъ титла, то и здѣсь есть различіе между 1-мъ изданіемъ и архив. спискомъ. Въ 1-мъ изданіи стоитъ *речь* вм. *рече* только въ одномъ мѣстѣ: помняшетъ бо *речь* пѣрвыхъ временъ усобіцѣ, гдѣ это слово дѣйствительно легко могло быть принято за существит. имя; въ архивномъ же спискѣ находимъ: и *речь* ему Буй Туръ Всеволодъ; *речь* Кончакъ ко Гзѣ; и *рекъ* Гзакъ къ Кончакови. Слѣдовательно со времени Екат. списка издатели кое чему уже научились. Но г. Тихонравовъ идетъ дальше и утверждаетъ, что надстрочныя буквы большею частію *выпускались* издателями и они печатали: въ шумѣ (вм. въ^с шумѣ), втроскоташа (в^с троскоташа), поклониша (вм. по^дклониша), пѣстворца (вм. пѣ^створца).

Намъ кажется, что это обвиненіе слѣдуетъ значительно ослабить. Въ приведенныхъ словахъ дѣйствительно пропущены нѣкоторыя согласныя, въ-

---

¹⁾ См. изд. Пекарскаго, предисл. стр. 8.

роятно *когда-то* стоявшія надъ строкою; но пропустили ли ихъ издатели, или ихъ не было уже въ пушкинскомъ спискѣ? Неужели между лицами, видѣвшими рукопись, а въ числѣ ихъ былъ Карамзинъ, не нашлось никого, кто бы разъяснилъ издателямъ тайну титла, если она дѣйствительно была для нихъ тайною? Вѣроятноже предположить, что въ приведенныхъ словахъ надстрочныя буквы уже раньше были пропущены какимъ нибудь малограмотнымъ переписчикомъ и что редакторы, старавшіеся печатать *въ букву*, не сочли себя въ правѣ мудрствовать лукаво, поправляя текстъ. Это замѣтно при сличеніи Арх. списка съ 1-мъ изданіемъ: лицо списавшее списокъ, не преслѣдуя палеографическихъ цѣлей и притомъ пишучи подъ наблюденіемъ одного изъ редакторовъ, списало: *пѣсньми, пѣснотворца*. Неужели же съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланъ былъ этотъ списокъ, редакторы научились читать титла и напечатали *пѣсньми, пѣснотворца*, выпустивъ надстрочную букву, которую умѣли прочесть раньше? Очевидно, что надстрочной буквы вовсе не было, и что чтенія 1-го изданія показываютъ болѣе внимательное отношеніе къ буквѣ, нежели чтенія архивнаго списка.

Думаемъ, что слѣдуетъ съ издателей снять и другое обвиненіе, именно то, что они не умѣли различить буквъ *ѣ* и *ы*. Факты, приводимые г. Тихонравовымъ, могутъ быть объясняемы иначе.

Такъ г. Тихонравовъ поправлянтъ усобіцѣ на *усобицы* (помняшетъ бо, рече, пѣрвыхъ временъ *усобицѣ*), измѣняя вполнѣ правильный для древне-русскаго языка вин. пад. мн. числа на *ь* въ позднюю форму *а* *ы*. Въ плачѣ Ярославны въ словахъ: на *ладѣ* *вои* — *ладѣ* есть дат. пад. употребленный согласно съ древне-русскимъ синтаксисомъ вм. родительнаго и не нуждается въ измѣненіи. Въ словахъ: ищучи себе *чти*, а князю *славѣ* — *славѣ* вѣроятно описка рукописи, такъ какъ черезъ нѣсколько строкъ далѣе читается правильно: ищучи себѣ *чти*, а князю *славы*. Сохраненіе *описки* также говоритъ въ пользу тщательности 1-хъ издателей. Наконецъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ — уже бо *выскочисте* изъ дѣдней *славѣ*; *тяжко* ти *головы* *кромѣ* *плечю* — мы скорѣе склонны видѣть, вмѣстѣ съ г. Колосовымъ, смѣшеніе падежныхъ окончаній, нежели смѣшеніе *буквъ* издателями.

Остается еще одно обвиненіе противъ первыхъ издателей: они въ двухъ мѣстахъ приняли одно слово за два и болѣе (*сице* и *вм.* *сицей*, *му* *жа* *имѣ* *ся* *вм.* *мужаимѣся*) и не вездѣ согласно со смысломъ разставили знаки препинанія. Едва ли можно строго судить издателей за послѣднее: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Слова“ даже въ настоящее время можно колебаться въ интерпункціи и дѣйствительно такое колебаніе замѣтно въ новѣйшихъ изданіяхъ. Промахи же въ родѣ *му* *жа* *имѣ* *ся* слѣ-

чаются и въ наше время: такъ еще въ изданіи 1871 г. Ипат. списка Археографич. комисіей, находимъ *слѣпаго* Акуна вмѣсто *льпаго*: и бѣ Акунъ слѣпъ вм. съ *льпъ* ¹⁾).

Впрочемъ, мы конечно не будемъ стоять за удовлетворительность перваго изданія; но было бы неумѣстно обвинять издателей въ томъ, въ чемъ они неповинны. Благодаря выпискамъ Малиновскаго, палеографическая неточность пушкинскаго изданія стала ясна: но вмѣстѣ съ тѣмъ можно сказать съ увѣренностью, что и *фотографическое* изданіе пушкинской рукописи не подвинуло бы насъ ни на шагъ въ пониманіи „Слова“. Промахи первыхъ издателей стали ясны и потому безвредны: мы давно уже перестали читать *му жа имъ ся* и *сице и*; но сколько осталось темныхъ мѣстъ, въ которыхъ мы не имѣемъ никакого права заподозрить искаженіе издателей? Эти мѣста были искажены уже въ рукописи и искаженія являются результатомъ четырехъ-вѣковой переписки произведенія XII-го вѣка.

При нашемъ изданіи мы руководились слѣдующими правилами:

1. Въ основаніи положенъ текстъ 1-го изданія, причемъ внесены изъ архивнаго списка тѣ ва-

---

¹⁾ См. стр. 104. Въ послѣднемъ изданіи Лаврен. списка (1872) это чтеніе уже исправлено.

ріанты, которые намъ казались болѣе правильными.

2. Мелкія поправки внесены въ текстъ всюду съ обозначеніемъ чтенія 1-го изданія (Пуш.) и Архивнаго списка (Арх.).

3. Мѣста, гдѣ требуются болѣе крупныя поправки обозначены курсивомъ. Не рѣшаясь внести собственные догадки въ текстъ, мы помѣстили ихъ въ комментаріяхъ.

4. Для удобства при справкахъ мы раздѣлили текстъ на 12 отдѣловъ.

Слово о плъку Игоревѣ,

Игоря Святъславля, внука Ольгова.

I. Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь¹⁾ творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ

---

¹⁾ пѣснь Арх.

бо, рече¹⁾), първыхъ временъ усобицъ: Тогда пуца-
шетъ і соколовъ на стадо лебедѣй: которыи доте-
чаше, та преди пѣснь²⁾) пояше—старому Ярославу,
храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ
плъкы Касожьскими, красному Романови Святъ-
славличю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на
стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на
живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ
славу рокоташу. Почнемъ же, братіе, повѣсть сію
отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже
и стягну³⁾) умъ крѣпостію своею, и поостри сердца
своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, на-
веде своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую
за землю Руськую.

II. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ
отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече
Игорь къ дружинѣ своей: „Братіе и дружино! лу-
цежъ бы потяту быти, неже полонену быти; а
всядемъ, братіе, на свои брѣзья комони, да по-
зримъ синего Дону⁴⁾. *Спала князю умъ похоти* и
жалость ему знаменіе заступи искусити Дону ве-
ликаго. „Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ
поля Половецкаго съ вами, Русици,—хощу главу
свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону⁴⁾.
О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа

---

¹⁾ речъ Пуш. Арх. ²⁾ пѣсь Пуш. пѣснь Арх. ³⁾ истягну
Пуш. Арх.

плѣкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, *свивая*, славію ¹⁾), оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню, чресъ поля на горы: пѣти было пѣснь ²⁾) Игоревѣ, того внуку: „Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому“... Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: „Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; Стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата, Всеволода... И рече ему буй-туръ Всеволодъ: „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый—ты, Игорю! оба есвѣ Святъславличя. Сѣдлай, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напередѣ. А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети ³⁾): подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конецъ копія въскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы“ ⁴⁾). Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонуши ему грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ *въ стазби* дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ: Влѣзѣ, и Помо-

---

¹⁾ славы Пуш. Арх. ²⁾ пѣсь Пуш. пѣснь Арх. ³⁾ кѣ мети Пуш. Арх. ⁴⁾ славѣ Пуш. Арх.

рію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмотораканьскый блѣванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди распужени ¹⁾). Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его па-сетъ птицъ по дубію; влѣци грозу *встрожать* по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовутъ; ли-сици брешутъ на чръленые щиты. О Руская земле! уже за шеломянемъ еси... Длго ночь мркнетъ; заря свѣтъ *запала*; мгла поля покрыла; щекотъ славій *усне*, говоръ галичъ *убуди*. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

III. С' заранія въ пят'къ потопташа поганые плѣкы Половецкыя и рассушѣ стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты; орьть-мами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и вся-кыми узорочьи Половѣцкыми. Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе—храб-рому Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо далече залетѣло. Не было *кз* ²⁾) обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! Гзакъ бѣжитъ

---

¹⁾ распущени Пуш. Арх. ²⁾ небыло нъ Арх. небылонъ Пуш.

сѣрымъ влѣкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ
Дону великому... Другаго дни велми рано кровавыя
зори свѣтъ повѣдаютъ. Чръныя туча съ моря идутъ,
хотять прикрыти а солнца; а въ нихъ трепещутъ
синіи млѣніи. Быти грому великому, итти дождю
стрѣлами съ Дону великаго. Ту ся копіемъ при-
ламатъ, ту ся саблямъ потручати о шеломы По-
ловецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О
Руская земле ¹⁾! Уже за ²⁾ шеломанемъ еси. Се вѣтри,
Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храб-
рыя плѣкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно
текутъ, пороси поля прикрывають, стязи глаго-
лютъ. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря, и отъ
всѣхъ странъ Рускыя плѣкы оступиша ³⁾. Дѣти бѣ-
сови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици
преградиша чрълеными щиты. Ярѣ-туре Всеволоде ⁴⁾!
Стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами,
гремлещи о шеломы мечи харалужными. Камо турѣ
поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поске-
паны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ
тебе, ярѣ-туре Всеволоде. Кая раны дорога братіе,
забывъ чти и живота, и града Чрънигова — отня
злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣ-
бовны, свычая и обычая.

---

¹⁾ землѣ Пуш. ²⁾ не шеломанемъ Пуш. Арх. ³⁾ отступиша
Пуш. Арх. ⁴⁾ Всеволодъ Пуш. Арх.

IV. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Олга Святъславличя. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градъ Тьмотороканѣ: тоже звонъ слыша давный великий, Ярославль ¹⁾ сынъ, Всеволодъ ²⁾; а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на *канину* зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же *Каялы* Святопѣлкъ *повелѣя* отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣци челоувѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати и въ ³⁾ ты плъкы,—а сицеи ⁴⁾ рати не слышано.

V. Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать коніа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкый. Чръна земля подъ копыты костью была посѣяна, а кровію

---

¹⁾ Ярославъ Пуш. Арх. ²⁾ Всеволодъ Пуш. Всеволодъ Арх. ³⁾ съ Пуш. ⁴⁾ сице и Пуш. Арх.

поляна: тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано, предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата, Всеволода. Бишася день, бишася другой, третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

VI. Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила ¹⁾ дѣвою ²⁾ на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганья погыбе: рекоста бо братъ брату: „се мое, а то—мое же“. И начяша князи про малое „се великое“ мѣлвити, а сами на себе ³⁾ крамолу ковати. А поганїи съ всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птицъ бѣя,—къ морю. А Игоревѣ храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну *Карна*, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускыя ⁴⁾ въсплакашася, а ркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ

---

¹⁾ вступилъ Пуш. Арх. ²⁾ двою въ выпискахъ Малиновскаго Ж. М. Н. П. 1876. Сентябрь, стр. 20. ³⁾ себѣ Пуш. ⁴⁾ Рускія Пуш.

ладъ ни мыслию смислити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра, нимало того *потрепати*¹⁾. А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разліяся по Руской земли. Печаль жирна течетъ ²⁾ средѣ ³⁾ земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху. А поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тѣи бо два храбрая Святъславличя, Игорь и Всеволодъ, уже лжу *убуди*, которую *то* бѣше успилъ отецъ ихъ, Святъславъ грозный, великій Кіевскій: грозою бѣшетъ притрепалъ ⁴⁾ своими сильными плѣкы и харалужными мечи. Наступи на землю Половецкую, притопталъ хлѣми и яругы, вѣзмути рѣкы ⁵⁾ и озера, иссуши потоки ⁶⁾ и болота; а поганого Кобяка изъ луку моря ⁷⁾, отъ желѣзныхъ, великихъ плѣковъ Половецкихъ ⁸⁾, яко вихрь, выторже: и падесе Кобякъ въ градъ Кіевъ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя ⁹⁾, Рускаго злата насыпаша ту; Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево. Уныша бо градомъ забрали, а веселіе пониже.

---

¹⁾ утече Арх. ²⁾ средѣ Пуш. ³⁾ притрепеталъ Пуш. Арх. ⁴⁾ рѣкы Пуш. ⁵⁾ потоки Пуш. ⁶⁾ излоукоу моря въ выпискахъ Малиновскаго. ⁷⁾ великихъ Половецкихъ Пуш. ⁸⁾ Половецкія Пуш.

VII. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ, на горахъ. „Си ночь съ вечера *одѣвахъте* мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ; чръпахуть ми синее вино, съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ Тлъковинъ великій женчюгъ на лоно и нѣгують мя; уже дьскы безъ кнѣса в'моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера *босувѣ* врани възгряху у Плѣсньска на болони *бѣша* *дѣбрь* *кисаню* и несоша ю¹⁾ къ синему морю“. И ркоша бояре князю: „Уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону; уже соколома крилца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ ѿ день: два солнца помѣркоста²⁾, оба багряная стѣпа потасоста, а съ нима³⁾ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста⁴⁾ хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо. Уже снесеса хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса дивъ на землю. Се бо Готьскыя⁵⁾ красныя дѣвы възпѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ златомъ: поють время

---

¹⁾ не сошлю Пуш. Арх. ²⁾ помѣркоста Пуш. померкоста Арх. ³⁾ съ нимъ Пуш. Арх. ⁴⁾ подасть Пуш. Арх. ⁵⁾ Готскія Пуш.

Бусово, лелѣють мѣсть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселіа“. Тогда великій ¹⁾ Святъ-славъ изрони злато слово, с' слезами ²⁾ смѣшено, и рече: „О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлѣти, а себѣ славы искати; нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ бѣ-ести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярославъ съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Олбѣры; тіи бо бес щитовъ съ засапожнигы кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: „мужаимѣся ³⁾ сами: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю си ⁴⁾ сами подѣлимъ“. А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. *Из се зло княже ми не пособіе; наниче ся тодины обра-тиша*“: се у Римъ ⁵⁾ кричатъ подъ саблями Половецкими, а Володимиръ подъ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову.

VIII. Великій княже, Всеволоде! Не мыслию ти

---

¹⁾ великій Пуш. ²⁾ слезами Пуш. Арх. ³⁾ мужаимѣся Пуш. мужаимѣся Арх. ⁴⁾ ся Пуш. Арх. ⁵⁾ Уримъ Пуш. ури^м Арх.

прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли злаченными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремяна ¹⁾ за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича. Галички Осмомысле Ярославѣ! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены ²⁾ чрезъ облакы, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола салътани за землями. Стрѣлай, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича. А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить *васъ* умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буюести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзніи *напорзи* подъ шелома латиньскими: тѣми тресну земля и многы страны

---

¹⁾ стремянь Пуш. Арх. ²⁾ времены Пуш. Арх.

Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша ¹⁾ подъ тѣмъ мечи харалужнымъ. Нѣ уже, княже Игорю, утрьпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвѣе срони: по Рси и ²⁾ по Сули гради подѣлиша, а Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань. Инѣгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы, и сулицы лѣцкыи, и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

IX. Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ ³⁾ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи *и с хотю на крватъ и рекъ:* „Дружину твою, княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“. Не бысть ⁴⁾ ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони

---

¹⁾ поклониша Пуш. Арх. ²⁾ Рси Пуш. Роси Арх. ³⁾ Полочаномъ Пуш. Польчанамъ Арх. ⁴⁾ не бысь Пуш. небы Арх.

жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославѣ и вси внуце Всеслави! уже понизите ¹⁾ стязи свои, вонзите ²⁾ свои мечи верезени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славы ³⁾. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию, которою ⁴⁾ бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи. На седьмомъ вѣцѣ Трояни ⁵⁾ врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣмъ клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеса стружіемъ злата стола Кіевьскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мѣглѣ; утрѣ же *воззни стрикусы*, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, — посѣяни костями Рускихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше ⁶⁾, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше. Исъ Кыева до рискаше, до куръ, Тмутороканя; великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ

---

¹⁾ понизить Пуш. Арх. ²⁾ вонзить Пуш. Арх. ³⁾ славѣ Пуш. Арх. ⁴⁾ которое Пуш. Арх. ⁵⁾ Трояни Арх. ⁶⁾ рядяше Арх.

колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа в' друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку *смысленый* рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути“. О! стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей. Того стараго Владиміра нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевьскимъ. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нѣ роз'но ся ¹⁾ имъ хоботы пашуть.

Х. Копіа поють на Дунаи; *Ярославнынъ* гласъ слышитъ, зегзицею *незнаемъ* рано кычетъ. „Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бѣбрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ“. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ а ркучи: „О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бѣшетъ горѣ ²⁾ подѣ облакы вѣяти, делѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?“ Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: „О Днепре словутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую; ты делѣялъ еси на себѣ Святослави нѣсады до плѣку Кобякова; възделѣй, господине,

---

¹⁾ нѣ рози нося Пуш. Арх. ²⁾ горѣ Пуш. Арх.

мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано“. Ярославна рано плачетъ въ ¹⁾ Путивлѣ на забралѣ а ркучи: „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ, жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?“

XI. Прысну море полунощи; идутъ сморци мѣглами. Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи... Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ князю разумѣти: князю Игорю не быть. Кликну, — стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; *възврѣжеся* на брѣзъ комонь и скочи съ него *босымъ* влѣкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влѣкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня. Донецъ рече: „Княже Игорю! Не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія“. Игорь рече: „О Донче! Не мало“

---

¹⁾ къ Путивлѣ Пуш. Арх.

ти величія, лелѣявшу князя на влѣнахъ, ставшу ему зелену траву на своихъ сребренныхъ берѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу, стрѣжаше его ¹⁾ гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на вѣтрѣхъ. „Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ; уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось“ ²⁾. А не сороки вѣстрокоташа, — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сороки не трокоташа, *по лозію* ползоша толко, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. Млѣвить Гзакъ Кончакови: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича рострѣляевѣ своими злаченными стрѣлами“. Рече Кончакъ ко Гзѣ: „Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею“. И рече ³⁾ Гзакъ къ Кончакови: „Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ“.

ХІІ. Рекъ Боянъ *иходы* на Святъславля пѣснотворца

---

¹⁾ е Пуш. Арх. ²⁾ прѣклонило Пуш. преклоняло Арх.
³⁾ рекъ Арх.

старого времени Ярославля, Ольгова, когана хоти:
„Тяжко ти, головѣ ¹⁾), кромѣ плечю,—зло ти, тѣлу,
кромѣ головы“; Руской земли безъ Игоря. Солнце
свѣтитъ на небесе, Игорь князь въ Руской земли.
Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чресъ
море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ свя-
тѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради
весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ моло-
дымъ пѣти: слава Игорю Святъславличю ²⁾), буйтуру
Всеволоду ³⁾), Владиміру Игоревичу. Здрави князи
и дружина, побарая за христьяны на поганыя
плѣки. Княземъ слава и ⁴⁾ дружинѣ. Аминь.

---

¹⁾ головы Пуш. Арх. ²⁾ Святъславлича Пуш. Святъслав-
личъ Арх. ³⁾ Всеволодъ Пуш. Всеволоде Арх. ⁴⁾ а Пуш. Арх.

Примѣчанія.

I

Не льпо ли ны башетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревъ, Игоря Святъславлича?

Большинство изслѣдователей и издателей принимаютъ слова *трудныхъ повѣстій* за дополненіе къ глаголу *начяти*: не прилично ли намъ, братья, начать печальный рассказъ о походѣ Игоря... *старыми словесы*, т. е. словами старинной пѣсни (См. Изд. Н. С. Тихонравова, стр. 25). Съ этимъ толкованіемъ едва ли можно согласиться, ибо при немъ родит. падежъ *трудныхъ повѣстій* не находитъ объясненія. Нѣтъ основанія объяснить его какъ *genitivus partitivus*, такъ какъ нѣсколько строкъ далѣе находимъ правильно винит. пад. послѣ того же глагола: *почнемъ же, братіе, повѣсть сію*. Съ другой стороны нельзя объяснить родит. *трудныхъ повѣстій* и вліяніемъ отрицанія, такъ какъ послѣднее (*не льпо ли ны башетъ*) стоитъ слишкомъ далеко и относится не къ *начяти*. Наконецъ, чѣмъ могли бы мы объяснить множественное число *трудныхъ повѣстій*? Авторъ рассказываетъ не много по-

вѣстей о походѣ Игоря, а только одну: *почнемъ же, братіе, повѣсть сію*. Эти грамматическія затрудненія устраняются, если мы конструируемъ: *не льпо ли ны бяшетъ начяти о пълку Игоревъ... старыми словесы трудныхъ повѣстий*. Такъ понималъ это мѣсто уже Дубенскій. *Трудная* повѣсть значитъ повѣсть о *трудахъ*, а *трудъ* употребляется въ значеніи *борьбы, подвига, дѣянія*. Сравн. напр. заглавіе въ лѣтописи Галицко-Волынской подъ 1227 г.: *начнемъ же сказати бесчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны и т. д., гдѣ труды помѣщены между ратями и войнами*. Слѣдовательно въ первыхъ строкахъ «Слова» авторъ спрашиваетъ, не начать ли ему рассказъ о полку Игоревѣ старымъ языкомъ и складомъ (старыми словесы), свойственнымъ *труднымъ*, т. е. воинскимъ, ратнымъ, повѣстямъ. Но эта мысль тѣсно связана съ дальнѣйшею: *начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замысленію Бояню*. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о *содержаніи* замышляемаго рассказа, какъ въ предыдущемъ дѣло шло о его *формѣ*. Въ языкѣ и складѣ произведенія (формѣ) авторъ считаетъ приличнымъ слѣдовать воинскимъ повѣстямъ, но содержаніе его повѣсти должно быть исторически вѣрно, должно соотносѣться съ событіями (былинами) и не уподобляться замысленіямъ поэта Бояна. Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ «Слова» находимъ указаніе, что авторъ во внѣшней сторонѣ своего произведенія слѣдовалъ литературнымъ образцамъ, воинскимъ повѣстямъ византійско-болгарскаго происхожденія.

Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ
по земли, шизымъ орломъ подъ облакы.

Здѣсь выраженіе мыслію возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, на что было указано уже г. Макушевымъ. Растекаясь сѣрымъ волкомъ по землѣ и орломъ подъ облаками, Боянъ долженъ былъ бы растекаться по древу не мыслію, а чѣмъ то инымъ, соотвѣтствующимъ волку и орлу. Это чувствуется само собою и невольно напрашивается предположеніе, не стояло ли въ оригиналѣ XII в. мышію или мысію вмѣсто мыслію? Мышью могло называться животное, быстро скачущее по дереву—бѣлка или какая нибудь разновидность этой породы. Не различая зоологическихъ оттѣнковъ, народъ даетъ названіе мыши вообще мелкимъ грызунамъ: *vespertilio* называется летучей мышью, бѣлка въ Псковской губ. Опочецкомъ уѣздѣ называется мышью, въ бѣлорусскомъ нарѣчій есть дѣтское слово мышека, означающее мышь и всякое небольшое мохнатое животное (см. сл. Носовича). Можетъ быть мысль означало не простую бѣлку, а ту разновидность, которая снабжена перепонкой; идущей вдоль всего тѣла, отъ передней къ задней лапкѣ. Эта разновидность, скачущая съ особенной быстротою и на большее разстояніе, называется у насъ полетушей, летягой или просто летучей бѣлкой. Трудно опредѣлить, разумѣется ли здѣсь обыкновенная бѣлка или иная, но во всякомъ случаѣ смыслъ требуетъ какого нибудь звѣрка, быстро скачущаго по деревьямъ. Мыслію вѣроятно искаженіе, принадлежащее какому нибудь пере-

писчику, не знакомому съ областнымъ названіемъ этого звѣрка.

Помняшетъ бо, рече, нѣрвыхъ временъ усобиць. Усо-
биць винит. пад. множ. числа. Малый юсь а въ род. пад.
ед. числа и винит. множ. въ именахъ мягкаго склоненія
жен. р. обыкновенно переходитъ въ ъ уже въ памятни-
кахъ XII вѣка. Срав. въ Житіи Θεодосія: владыцицѣ нашаея
богородицѣ; ис тѣмьницѣ; доушѣ. Напротивъ форма на ы
была еще неупотребительна въ этомъ столѣтіи.

*Тогда пуцашетъ ѿ соколовъ на стадо лебедѣй; кото-
рыи дотечаше, та преди пѣснь пояше — старому Яро-
славу и т. д.* Въ словѣ *которыи* видятъ именит. падежъ
муж. рода т. е. который соколъ; дальнѣйшее *та* отно-
сится къ лебеди. При такомъ толкованіи замѣчается нѣ-
которая безсвязность, которая устраняется весьма легко.
Въ *которыи* слѣдуетъ видѣть не именит. пад. муж. р.,
а родительный ед. ч. женск. рода и переводить: которой
лебеди (соколъ) достигалъ, та прежде пѣла пѣснь. Форма
которыи (а не который) древне-русскій родит. пад. жен.
р., смѣнившій уже рано древнѣйшую форму на ыа. Гла-
голы же, сложенные съ предлогомъ до, какъ извѣстно, не
требовали въ старину повторенія этого предлога при родит.
падежѣ; срав. дошѣдъ ше же мѣста (Супр.); доплоути
града (слов. Миклошича); яко не мощи имѣ дострѣлити
црѣкве (Жит. Θεод.); досѣкошася дроугаго стяга (Полн.
Собр. Р. Лѣт. I, 214); Прокопья убытка не довести (Юрид.
Акт. 1583); Слухъ дошелъ воеводы (1615), и т. п.

Относительно самой картины выпусканія десяти соко-

ловъ т. е. десяти перстовъ на стадо лебедей т. е. струнъ, трудно сказать, была и она создана авторомъ «Слова» самостоятельно или почерпнута изъ книжнаго источника.— Конечно соколиная охота, хотя и занесенная къ нашимъ князьямъ и боярамъ вѣроятно съ западу или изъ Византии ¹⁾, была въ ходу во времена автора «Слова», и вѣроятно ему приходилось самому слышать пѣніе лебедей, которое прежде считали мифомъ; но въ его картинѣ есть и другія черты: лебедь поетъ предсмертную пѣснь и эта пѣснь прославляетъ князей. Едва ли такія черты лебеди можно найти въ нашей народной поэзіи.

Наши богатыри стрѣляютъ гусей-лебедей, рушатъ за столомъ Владиміра лебедь бѣлую, иногда лебедь оказывается дѣвицей и вѣщаетъ человѣчьимъ голосомъ; но въ хвалебномъ пѣніи лебеди «Слова» слышится что то книж-

---

¹⁾ Während des Mittelalters stand diese Jagd (т. е. соколиная) im ganzen feudalen Europa in Blüte und wanderte von Deutschland und von Byzanz nach dem Osten der Welttheils zu den Völkern Asiens, an die Höfe der Grossfürsten und Czaren, der Emire, Scheikhs, Chagane und Schahs, bis zu den Nomaden der Steppe und den Beduinen der Wüste. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere, 1874, p. 329. Мы уже видѣли, что названіе мыть охотничій терминъ латинскаго происхожденія. Таково же происхожденіе нашего имени соколъ. Греческое названіе ἱέραξ (соб. священный) было передано латинскимъ Sacer и нѣмец. Weihe, древне-верхне-нѣм. wîo, wîgo, wîho. Средне-вѣковое латинское названіе сокола sacer перешло въ роман. языки, итал. sagro, франц. и испан. sacre, затѣмъ средне-верхне-нѣм. Sackers (Sackerfalk), средне-греч. σάκρε. Тоже слово проникло и на востокъ, араб. sakr, персидск. sonkor, курдск. sakkar, литов. sakalas, наше соколъ.

ное и притомъ классическое. Лебедь у Грековъ считалась птицей бога музыканта Аполлона; она служитъ ему, знаетъ будущее и прославляетъ своего покровителя ¹⁾. У Аристофана (*Aves* v. 768 слѣд.) говорится, что лебеди сидятъ стаями на холмахъ у рѣки Геброса, машутъ крыльями и поютъ гимнъ Аполлону. Каллимахъ (*Hymnus in Delon* v. 249) упоминаетъ, что при рожденіи Аполлона на островѣ Дѣлосѣ, явились пѣвцы бога, лебеди, покинувъ мѣонійскій Пактоль и семь разъ облетѣли островъ, оглашая воздухъ пѣніемъ. О пѣніи лебеди говорятъ многіе писатели древности: Теокрытъ, Цицеронъ, Виргилій, Овидій, Гораций, Марціалъ, Лукрецій и друг. У Эліана (11, 1) находимъ слѣдующее свидѣтельство о сѣверныхъ народахъ: писатель Гекатей изъ Абдеры говоритъ о Гипербореяцахъ и о чествованіи у нихъ Аполлона. Три исполинскіе сына Борея и Хіонэ (1) суть жрецы этого бога. Когда они совершаютъ жертвоприношеніе, изъ горъ прилетаютъ цѣлыя тучи лебедей, облетаютъ храмъ и опускаются на землю близъ него. Когда пѣвцы поютъ гимнъ богу, и кифаристы ударяютъ по струнамъ, тогда и лебеди поютъ полнымъ хоромъ и никогда не слышно разлада. Когда люди окончатъ пѣснь, лебеди улетаютъ, почтивъ бога, обрадовавъ людей и насладившись сами ихъ пѣснями.

Такое же сопоставленіе пѣнія лебедей и звука струнъ кифары поэта находимъ въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону (*Hymn. 20 in. Apoll.*): о Фебъ, тебя громко вос-

---

¹⁾ Слѣдовательно сыновья бога сѣвернаго вѣтра и снѣжной богини.

пѣваетъ между пернатыми лебедь, спустившись на берегъ пучиннаго Пеней; тебя и сладкогласый пѣвецъ, имѣя звонкую кивару, тебя поетъ онъ перваго тебя и послѣдняго.

Итакъ на почвѣ Греціи не только было распространено убѣжденіе въ музыкальности пѣнія лебеди, но это пѣніе считалось осмысленнымъ, возглашающимъ славу божества-покровителя. У Платона (Phaedo 35) Сократъ объясняетъ ученикамъ, что предсмертная пѣснь лебеди выражаетъ радость, а не печаль, ибо лебедь птица вѣщая Аполлона и знаетъ, умирая, какое счастье ожидаетъ ее въ загробномъ мірѣ.

Нельзя ли видѣть отраженіе этихъ представленій классическаго міра въ нашемъ мѣстѣ «Слова?» Не могъ ли найти авторъ подобную картину у своего византійско-болгарскаго образца, который въ свою очередь почерпнулъ ее изъ классической литературы или создалъ ее во вкусѣ послѣдней? Если, какъ мы выше видѣли, Боянъ Велесовъ внукъ, замѣнилъ какого-то иного поэта, Аполлонова внука, немудрено, что вмѣстѣ съ этимъ внукомъ Аполлона явились и вѣщія птицы этого бога, причемъ произошло смѣшеніе картины соколиной охоты съ классическимъ образомъ лебеди, поющей хвалебную пѣснь передъ смертью.

Старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскими, красному Ромачови Святъславличю. Ярославъ Владиміровичъ † въ 1054, его братъ Мстиславъ † въ 1036, Романъ Святославичъ Тмутороканскій † въ 1079. Слѣдовательно, Боянъ

воспѣвалъ князей XI-го вѣка. Выше мы высказали предположеніе, что Боянъ поставленъ на мѣсто какого-то другого пѣвца древности, и князя, которыхъ онъ воспѣвалъ, замѣняютъ другія лица, упоминавшіяся въ произведеніи, послужившемъ образцомъ «Слову». Нельзя думать, чтобы Боянъ, если онъ былъ дѣйствительно княжимъ пѣвцомъ XI вѣка, воспѣлъ только этихъ трехъ князей, изъ которыхъ послѣдній едва ли былъ особенно знаменитъ, такъ какъ лѣтопись упоминаетъ его только вскользь, по поводу его смерти ¹⁾. Вѣроятно авторъ «Слова» указалъ только на трехъ князей ради художественныхъ соображеній, такъ какъ перечисленіе *цѣлаго* ряда княжескихъ именъ вредило бы сжатости и красотѣ разсказа. Тѣже соображенія руководили имъ и въ выборѣ эпитетовъ къ именамъ князей: Боянъ пѣлъ и *старого*, и *храброго*, и *краснаго*, т. е. былъ пѣвцомъ *древнихъ* событій, *личнаго мужества* и красоты *тѣлесной*. Замѣтно, что авторъ «Слова» не столько заботится о перечисленіи сюжетовъ пѣсенъ историческаго лица, сколько объ общей поэтической характеристикѣ *поэта* вообще. Для подобной характеристики ему достаточно трехъ князей съ ихъ тремя эпитетами, характеризующими разнообразіе предметовъ пѣснопѣній бояновыхъ, совершенно такъ же, какъ

---

¹⁾ В лѣто 6587. Приде Романъ с Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ с Половци; и възвратися Романъ с Половци въспять (и) убиша и Половци, мѣсяца августа 2 день. Суть кости его и доселѣ (лежаще тамо) сына Святославля, внука Ярославля. Лѣт. по Лавр. сп. Изд. 1872, стр. 198.

выше, ради тѣхъ же художественныхъ соображеній, онъ заставляетъ Бояна растекаться въ *трехъ* направленіяхъ: бѣлкой по древу, волкомъ по землѣ, орломъ подъ облаками. Эпическое *три* сказалось и въ именахъ князей и въ направленіяхъ поэтического воображенія, какъ это же число является обязательнымъ вообще въ произведеніяхъ народного творчества. Срав. въ былинѣ о Вольгѣ:

Сталъ Вольга растѣть-матерѣть,

Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:

Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,

Птицей-соколомъ летать подъ оболака,

Сърымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.

(Рыбн. I, 17).

При замѣтномъ господствѣ *эпическихъ* приемовъ въ введеніи «Слова», намъ кажется празднымъ вопросъ, почему именно этихъ *трехъ* князей, а не какихъ нибудь другихъ, выбралъ авторъ.

Боянъ же, братіе, не ѣ соколовъ на стадо лебедьй пущаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

На книжность выраженія—*живая струны*, указалъ г. Тихонравовъ (См. изд., стр. 26). «Въ *Словѣ о пророцѣхъ* Господь говоритъ: пущу слово мое на землю, да спасу люди ото лъсти сотонины; ему же глаголаше Давидъ, сѣда въ преисподнемъ адѣ, накладая многоочитая персты на *живыя* струны: а въспоемъ пѣсни тихія и веселыя дружина моя».

Иже и стяну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ...

Эти вычурныя слова понимаемъ мы такъ, какъ понимали ихъ прежде, когда читали *и стяну* вмѣсто *истягну* и род. пад. *сердца* относили къ слову *мужествомъ*. Значеніе глагола *стяну* не было понято авторомъ Сказан. о Дм. Иван., гдѣ нашему мѣсту соотвѣтствуютъ слова: *истезавше умъ свой крѣпкою крѣпостію и поостриша сердца свои мужествомъ и наполни ратнаго духа*. Глаголь *истязати* значить выпрашивать, вытребовать, вымогать, выпытывать, а что бы значило: истязать свой умъ крѣпостію? На сколько странно выраженіе *вытянуть* (истягнути) умъ, на столько естественно *стянуть* (сътягнути) его. Сътягнути встрѣчается въ цслав. и въ собственномъ значеніи *связать* (наприм. *узами*) и въ переносномъ значеніи *укрѣплять*. Срав. въ словарь Миклошича: *стежноу* (аор.) *раслаблена*. Слѣдовательно связать умъ крѣпостію значить—*укрѣпить, закалить* его. Та же мысль развивается дальше: укрѣпивъ умъ, Игорь еще изострилъ его мужествомъ своего сердца. Крѣпость (тѣла?) и мужество сердца были слѣдовательно тѣ силы, которыя направили умъ князя къ твердому и непреклонному рѣшенію—воевать за землю русскую.

Родит. пад. *сердца своего* предшествуетъ слову *мужествомъ*, отъ котораго онъ зависитъ, совершенно такъ же, какъ нѣсколько выше род. пад. *първыхъ временъ* предшествуетъ слову *усобицѣ*.

II

Спала князю умъ похоти. Всѣ издатели согласны въ томъ, что это предложеніе искажено: вопросъ въ томъ, какія изъ предлагаемыхъ поправокъ болѣе вѣроятны. Нѣкоторые считаютъ нужнымъ измѣнить *спала* въ *спалъ*, считая подлежащимъ этого глагола *умъ*. При этой поправкѣ читаютъ не *похоти*, а *по хоти* и переводятъ: *спала* (т. е. *пропала*) князю *мысль* о женѣ. Кн. Вяземскій, принимая тоже дѣленіе *по хоти*, придаетъ однако предложенію иной смыслъ: *спала князю умъ по хоти* выражаетъ, что князь при видѣ знаменія, *хотя* и *вспомнилъ* (*спала умъ*) о женѣ своей (*по хоти*), но сильное желаніе ознаменовать побѣду на Дону заступило ему знаменіе. (Замѣч. на Слово о П. И., стр. 93). Г. Тихонравовъ читаетъ *спалъ князю умъ похоти*, но не разъясняетъ, какъ должно понимать его текстъ. Противъ первыхъ двухъ объясненій можно сказать слѣдующее: нѣтъ никакихъ данныхъ принимать *умъ* въ значеніи *мысль*. *Умъ*, какъ способность, и *мысль*, какъ результатъ ея, различаются въ *Словѣ*: *храбрая мысль* носить васъ (?) *умъ* на дѣло. *Умъ* по комъ нибудь, вмѣсто *мысль* по комъ нибудь, было бы такимъ же страннымъ выраженіемъ въ древне-русскомъ, какъ и въ современномъ языкѣ. Затѣмъ выраженіе про *мысль*, что она *спадаетъ* (т. е. падаетъ сверху внизъ), при искусственности, далеко не поэтично. Такою неумѣлостью въ выборѣ словъ авторъ

не отличается. Нельзя согласиться и съ объясненіемъ, одобреннымъ кн. Вяземскимъ. Нельзя изъ славянской грамматики вывести, что выраженіе *спала умъ* значитъ *вспомнилъ* и что союзъ *и* (жалость ему знаменіе заступи...) значитъ *но*. Нужно думать, что это мѣсто болѣе искажено, нежели кажется, и что безъ болѣе существенныхъ поправокъ не доберешься до удовлетворительнаго смысла. Чувствуется, что въ параллель съ слѣдующимъ предложеніемъ — желаніе испить Дону заставило его пренебречь знаменіемъ — должно въ разбираемомъ ожидать мысли: вождѣніе овладѣло умомъ князя. Но едва эту мысль станемъ отыскивать въ словахъ, безъ коньектуръ дѣло не обойдется. Предлагаемъ въ видѣ опыта слѣдующія поправки: *вспала* (или *впала*) *князю у умъ похоть* и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго.

Звукъ *в* предлога, по неясности произношенія передъ *с*, могъ быть опущенъ писцомъ. Сравн. въ *Словѣ: възступи...* въ златъ стремянь и *ступаетъ* въ златъ стремянь. Столько же вѣроятно чтеніе *впала*, если вѣрно замѣчаніе Карамзина, что *в* по начертанію въ рукописи было похоже на *с* (вѣчи—сѣчи). Предлогъ *у*, т. е. *въ* въ южно-русскомъ выговорѣ (Срав. далѣе у Римѣ), въ лѣтописномъ языкѣ нерѣдко выпадаетъ передъ словами, начинающимися съ того же звука; такъ мы читаемъ въ Ипат. списокѣ лѣтописи: а Судиславъ иде Угры, вм. у Угры (подъ годомъ 1234); а Ярослава посла Угры (*ibid.* р. 177); а тако прииде Угры (*ibid.* 509); тоже замѣчается *посль* словъ, кончающихся на *у*: поиде ко тѣстю своему Киевъ, т. е.

у Кіевъ (ibid. 514). Наконецъ *похоти* описки вмѣсто *похоть*, при чемъ и вмѣсто *и* могло явиться подѣ влияніемъ слѣдующаго *и*, бывшаго въ мысли писца, когда онъ писалъ *похоть*.

О Бояне, соловію стараго времени! А бы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакы, свивая славію, оба полы сего времени...

Послѣднія слова этого воззванія къ Бояну порождали рядъ гаданій. Что разумѣется подѣ обѣими полами, половинами сего времени, т. е. того времени, въ которое жилъ авторъ *Слова*? Какимъ образомъ эти двѣ половины можно свивать? Дубенскій видитъ въ обѣихъ половинахъ *настоящее* и *прошедшее*, хотя половины далеко не равны, ибо прошедшее обнимаетъ съ точки зрѣнія автора *Слова* рядъ столѣтій, а настоящее длится лишь одинъ мигъ, постоянно переходя въ прошедшее. Притомъ, что значило бы свивать настоящее съ прошедшимъ? Боянъ — пѣснотворецъ *стараго времени*, весь жилъ въ прошедшемъ, а настоящее принадлежитъ пѣвцу Игореву. Еще загадочнѣе становится это мѣсто, если вмѣстѣ съ первыми издателями будемъ читать *славы* вмѣсто *славію*.

На нашъ взглядъ мѣсто испорчено и безъ небольшой поправки едва ли добьемся какого нибудь смысла. Кажется, въ оригиналѣ было такъ:

Свивая славію оба полы сего времени.

Вмѣсто дѣйств. залога стоялъ средній—*свиваться*, но возвратное мѣстоименіе *ся*, стоявшее вѣроятно подѣ тит-

лою, было опущено или конечное *с* поглощено буквою *с*, начинающей слѣдующее слово *славію*. Если мы допустимъ эту незначительную поправку, смыслъ будетъ ясенъ. Какъ глаголѣ *взвиваться* (възвиватисѣ) употребляется о птицѣ, взлетающей кверху, такъ глаголѣ *свиваться* означаетъ спускаться стремглавъ внизъ, низринуться, какъ соколъ или ястребъ падаетъ на добычу. Мы не можемъ указать этого глагола въ цслав. текстахъ, но онъ доселѣ употребляется, напримѣръ у Сербовъ. Караджичъ переводитъ савитисе (цслав. съвитисѣ) словами: herabrollen, devolvi и приводитъ изъ одной пѣсни стихъ: *сави се* (свился, спустился) *соко са града* ¹⁾. Въ малорусскомъ *звітитись* употребляется въ значеніи *сойти* ²⁾. При такомъ пониманіи глагола *свиваясь, обаполы* оказывается обычнымъ въ древнерусскомъ и цслав. нарѣчіемъ мѣста, означающимъ *по обѣ стороны* — ἐκατέρωθεν, utrinque. Объ употребленіи этого нарѣчія можно судить изъ слѣдующихъ примѣровъ: *приде Ярославъ и сташа противу себ. оба полы Днѣпра* (Жит. Бор. и Гл., изд. Срезневскаго, стр. 61); и *сташа оба полы рѣкѣ(ы) Буга* (ibid., столбе 62). Такимъ образомъ въ разбираемомъ мѣстѣ мы видимъ продолженіе той же метафоры, которая начата въ предыдущемъ: *О Боянъ! соловей стараго времени! Еслибъ ты воспѣлъ эти полки, скача, о соловей! по мысленному древу, взлетая умомъ подъ облака и спускаясь, о соло-*

¹⁾ См. Сербск. Слов. подъ словомъ савити и пѣсню въ сборникѣ Караджича, I, стр. 568.

²⁾ См. Словарь Малоросс. Идіомовъ, Закревскаго, в. в.

вей! по обѣ стороны сего времени. — Рѣка времени течетъ внизу: ее видитъ Боянъ *à vol d'oiseau* и, паря подъ облаками, можетъ спуститься по ту или другую сторону ея.

Его мысль знаетъ *ту сторону*, т. е. прошедшее и предугадываетъ другую сторону—будущее. Боянъ—внукъ Велеса, онъ вѣщій, онъ знаетъ все и — прошедшее, и будущее, т. е. знаетъ обѣ стороны *сего* времени.

Замѣтимъ кстати, что мы не видимъ достаточнаго основанія мѣнять чтеніе Пушкинск. изд. и Арх. списка—*умомъ*, на чтеніе *орломъ*, предложенное Максимовичемъ. Хотя разбираемое мѣсто и напоминаетъ выраженія *вступленія* о Боянѣ, который «растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы»,—но не представляетъ ихъ дословнаго повторенія. Растеканіе *мыслию по древу* замѣнено скаканіемъ по *мыслену древу*, рысканіе волкомъ по землѣ—рысканіемъ по слѣду Троянову; потому нѣтъ необходимости вносить и въ это мѣсто *орла*, который сознательно былъ замѣненъ *умомъ*. Авторъ называетъ Бояна *соловьемъ* стараго времени и хотя подъ этимъ эпитетомъ понимаетъ пѣснотворца, но все же эпитетъ повліялъ на дальнѣйшія слова, и, назвавъ разъ пѣвца *соловьемъ*, авторъ не счелъ уже умѣстнымъ тутъ же рядомъ назвать его *орломъ* и *волкомъ*. Про *пѣвца-соловья* умѣстно сказать, что онъ летаетъ *умомъ* подъ облака, но неумѣстно было бы сказать, что *соловей* летаетъ *орломъ* или рыщетъ *волкомъ*.

Въ словахъ *абы ты сіа плзкы ущекоталъ* и т. д. до

словъ *того внука* — видимъ мы условный періодъ и согласно съ этимъ разставляемъ знаки препинанія. *Повышеніе* отъ *абы* до словъ *чресъ поля на горы*; *пониженіе* отъ словъ *пѣти* было. Т. е. еслибъ ты, Боянъ, воспѣлъ эти полки, скача по мыслену древу, летая и т. д., то такъ надо было бы пѣть пѣснь Игорю, Троянову внуку: «не буря соколовъ занесла» и т. д.

Рица въ тропу Трояню чресъ поля на горы см. выше стр. 106—109.

«Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому»... Запѣвъ во вкусъ нашей народной поэзіи. Такъ какъ во второй половинѣ (галици стады бѣжать...) нельзя видѣть антитезы отрицательному сравненію (не буря соколы...), то, кажется, можно предположить, что передъ *галици* выпало отрицаніе *не*: не буря соколовъ (Русскихъ) занесла чресъ поля широкія, не галки (Половцы) стадами спѣшать къ Дону великому...

Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! см. выше стр. 54—55.

А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети. Слово *кѣметъ*, повидимому, не было въ широкомъ употребленіи на Руси и сохраняло свой иноземный характеръ. Оно происходитъ отъ греч. визант. *κομήτης*, заимствованнаго съ латинскаго *comes, itis*. Въ лѣтописи оно встрѣчается не часто. Вотъ нѣкоторыя мѣста, позволяющія судить о его употребленіи. Подъ годомъ 6583 (1075): В се же лѣто придоша сли из Нѣмецъ къ Святославу, Святославъ же, ве-

личаяся, показа имъ богатство свое; они же видѣвше
бещисленное множество, злато и серебро, и паволоки, и
рѣша: «се ни чтоже есть, се бо лежить мертво; сего суть
кметье лучше, мужи бо ся доищють и болше сего (Лавр.).
Итакъ здѣсь посоль нѣмецъ употребляетъ это выраженіе
для обозначенія *дружинниковъ*. Въ Духовной Владиміра
Мономаха, этотъ князь называетъ *кметями* половецкихъ
предводителей. Подъ годомъ 6638 (1150) находимъ въ
Ипат. списокѣ: «тогда же Угре на фарехъ и на скокохъ
играхуть, на Ярославли дворѣ, многое множество. Кияне
же дивяхутся Угромъ множеству, и *кметьства* ихъ, и
комонемъ ихъ». Въ *Дьяніи Девгеніевомъ* нѣсколько разъ
упоминаются *сильные и храбрые кмети*, какъ дружин-
ники, рыцари. Можно думать, что это слово имѣло въ
древне-русскомъ такое же почетное значеніе, какъ позд-
нѣйшее, тоже иноземное, *лицарь* у Запорожскихъ ка-
заковъ.

*Сами скачють, акы спрыи влзци въ полъ, ищучи себе
чти, а князю славы.* Сравненіе дружины удальцовъ съ
волками обычно болгарскимъ народнымъ пѣснямъ:

Колѣ заигралъ на волынкѣ,
И собралися юнаки,
Юнаки, какъ волки,
До триста и тридцати,
Триста новой дружины ¹⁾).

---

¹⁾ Dozon, Български народни пѣсни, № 28.

Нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби...

Слово *стазби* остается совершенно темнымъ, не смотря на всѣ гаданія. Кажется, придется оставить его и предположить искаженіе изъ глагола *вѣста* и какого-то другого слова, относившагося, повидимому, къ слѣдующему *диву*. Свистъ звѣринъ *вѣста*, т. е. поднялся. *Зби* не искажено ли изъ *зълъ*, т. е. злой, эпитета дива? Буква б (в) могла явиться изъ *з* подъ перомъ малограмотнаго писца, не разобравшаго подлинникъ и не ожидавшаго *з* послѣ *з* въ словѣ *зълъ*; буква л могла исказиться въ и.

Дивъ кличетъ врѣху древа. О значеніи слова *дивъ* см. выше стр. 87—98.

Уже бо бѣды его пасетъ птицъ подобію. Мы понимаемъ *бѣды*, какъ род. пад. един. ч., *пасетъ* въ смыслѣ *стережетъ, блюдетъ, предостерегаетъ*, его какъ прямое дополненіе къ глаголу *пасетъ, птицъ*, какъ именит. падежъ ед. ч. муж. рода, *подобію*, какъ искаженіе изъ *по дѣбію*. Глаголъ *пасти* въ смыслѣ *стеречь, оберегать* употребляется съ родительнымъ-отложительнымъ, заступившимъ въ слав. нарѣчіяхъ мѣсто утраченнаго *ablativ'a*: *друга пасись, а ворогъ на виду; худыхъ дѣлъ паситесь; я дождя пасусь* (Яросл.). Управленіе этого глагола подпадаетъ подъ аналогію тѣхъ, которые выражаютъ понятіе *удаленія, освобожденія, спасенія* и т. д., какъ-то: *избавити, съвободити, съхранити, боятися* и т. п. Къто ны *избавитъ силы его* (Mikl.); *съвободавшоу работы* (ib.); *съхранитися порока* (ib.); *нечистоты житійскыя* *избави*

(ib.); оукланайся *мзнога смьха*; блоуда ся въздръжите; *мзногословія* себе съблюди и т. п.¹⁾. Слово *птиць* именит. ед. ч. соотвѣтствующій цсл. пѣтишь, пѣтищь — στρουθίου, ὄρνις. Конечное *и* перешло въ *ц* въ силу смѣшенія обоихъ звуковъ, замѣтнаго и въ другихъ словахъ *Слова* (ср. вѣчи, чепи). Непонятное *подобію* легко исправляется предположеніемъ, что какой нибудь писецъ написалъ *Ѹ* сходно съ *о*; въ оригиналѣ было по доубію, т. е. по деревьямъ. Какъ *дивъ* предостерегаетъ князя, клича *врѣху древа*, такъ здѣсь *птиць* блюдетъ его же отъ бѣды, сидя по дубію. О значеніи слова *доубіе* можно судить по Еван. 1307 г. Синод. Библіотеки, въ которомъ читается: вижю чловѣкы акы *доубье* ходяще; въ исправ. яко *древіе* (Ев. отъ Марка 8, 24. См. Буслаева, Палеограф. и Филологич. матеріалы и т. д., стр. 33).

Въ Супрасл. рукоп. (р. 221 ed. Miklos.) читаемъ: аште ли кто мѣнитъ *дѣбие* малааго манастира, еже при пѣти есть, то да вѣсть, яко же то молитвами бысть блаженааго Савы. Тамъ же р. 322: Адама... присно зеленыимъ *дѣбиемъ* веселашта сѧ. Въ Синод. рукоп. *Сильвестра и Антонія вопросы и отвѣты* (перев. съ греч. съ признаками болгарскими) греческое δένδρον переведено словомъ *дубіе* (см. Горскаго и Невостр. II, 2, 147). Не представляетъ ли *дубіе* болгаризмъ и въ «Словѣ?»

Влзци грозу въсрожатъ по яругамъ. Издатели и ком-

---

¹⁾ См. примѣры изъ всѣхъ слав. нарѣчій у Миклошича, Vergleichende Syntax der Slavischen Sprachen. 1868—74, pp. 451—459.

ментаторы *Слова* затрудняются здѣсь выраженіемъ *взсрѣжати*. Одни производятъ его отъ слова *роиз* и заставляютъ волковъ трубить грозу; другіе отъ польск. *srożyć* — *дѣлать суровымъ*, забывая, что *srogі* есть наше *строгий* съ благозвучнымъ *т*. На нашъ взглядъ слово испорчено и требуетъ незначительной поправки буквы *с* въ *г*. Кажется, въ немъ слѣдуетъ искать того же корня, какъ въ предшествующемъ имени существительномъ *гроза* и читать: грозу *въгрожать*. Это тавтологическое выраженіе въ народномъ духѣ, въ родѣ мосты мостити, градъ градити и т. п. *Въгрожити* значитъ наводить грозу, т. е. угрожать. Слово *гроза* имѣетъ въ цслав. и древне-русскомъ значеніе *horror*, *φρίκη*, ужасъ, страхъ, трепеть и не употребляется въ смыслѣ бури (*procella*). Поэтому и въ нашемъ мѣстѣ нельзя принимать *грозу* въ нашемъ современномъ значеніи и находить ту картину, что волки воютъ передъ бурей. *Гроза* употреблено 4 раза въ «Словѣ» и всюду въ значеніи *угрозы*, напр. *грозою* башетъ при-трепалъ; *грозы* твои по землямъ текутъ.

Длго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мгла поля покрыла.

Здѣсь слово *свѣтъ* считаютъ эпитетомъ зари, какъ въ народной поэзіи: не свѣтъ-зорюшка просвѣтилась (см. изд. Тихонравова, стр. 31). *Запала* — закатилась, залегла (ср. солнце западаетъ = закатывается). Противъ этого объясненія можно замѣтить во 1), что народное выраженіе — свѣтъ-зорюшка — не представляетъ полной аналогіи выраженію *Слова* — *заря-свѣтъ*, такъ какъ въ первомъ *свѣтъ* пред-

шествуетъ зарѣ; во 2), что картина природы, предполагаемая при этомъ объясненіи, не ясна. Дѣйствительно, что могло бы значить — мракъ ночной продолжается долго; заря закатилась; мгла покрыла поля? Чтобъ представить послѣдовательно картины природы, нужно было бы перевести выраженіе — долго ночь мркнетъ — на третье мѣсто: 1 заря-свѣтъ запала, 2 мгла поля покрыла, 3 долго ночь мркнетъ. Въ 3) нельзя не видѣть аналогіи для выраженія — заря-свѣтъ запала — въ дальнѣйшемъ: *другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ*. Въ послѣднемъ выраженіи находимъ снова рядомъ зарю и свѣтъ, но глаголу *запала* соотвѣтствуетъ глаголъ *повѣдаютъ*. Изъ этой аналогіи ясно, что *свѣтъ* не есть эпитетъ зари, а представляетъ прямое дополненіе глагола *повѣдаютъ* и *запала*. Во второмъ мѣстѣ кровавыя зори *повѣдаютъ*, т. е. объявляютъ, обнаруживаютъ разсвѣтъ; въ первомъ, напротивъ, заря не появляется, не обнаруживаетъ разсвѣта и потому такъ *долго ночь мркнетъ*. Итакъ глаголъ *запала*, имѣя прямое дополненіе *свѣтъ*, долженъ быть переходнымъ и можетъ быть таковымъ только при небольшой поправкѣ *запяла*, вм. *запала*. По значенію глаголъ *запѣти* — ἐμποδίζειν, impedire, препятствовать, останавливать, задерживать — вполне подходитъ и разбираемое выраженіе получаетъ удовлетворительный смыслъ: ночь долго длится, — заря задержала разсвѣтъ.

Щекотъ славій успе, говоръ галичъ убуди. Глаголы успе и убуди должны быть приведены въ соотношеніе, т. е. если мы сохранимъ *успе* (уснулъ), то должны читать

убудися (проснулся); если же сохранимъ *убуди* (пробудила, т. е. мгла), то должны читать *успи* (усыпила, т. е. мгла). Въ первомъ случаѣ смыслъ будетъ: пѣніе соловьиное уснуло (замолкло), говоръ галочій пробудился; во второмъ: мгла поля покрыла, усыпила пѣніе соловьиное, пробудила говоръ (зловѣщихъ) галокъ. Поправка *убудися* кажется намъ вѣроятнѣе: конечное *ся*, стоявшее надъ строкою, могло быть опущено переписчикомъ, какъ выше въ словѣ *свиваясь*.

III

Дремлетъ въ полъ Олово хороброе ипздо далече залетѣло; не было къ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине!

Очевидно искаженное *не было изъ* Пуш. и *не былонъ* Арх. г. Тихонравовъ исправляетъ въ *не было въ обидѣ* и т. д., предполагая, что въ рукописи стояло *ѣ*, смѣшанное первымъ издателемъ съ *н*. Какъ могло произойти смѣшеніе двухъ буквъ далеко не сходныхъ, изъ которыхъ одна даетъ безсмыслицу, а другая не противорѣчитъ смыслу — для насъ не ясно. Хотя въ Сказаніи о Дмитр. Ив. этому мѣсту соотвѣтствуетъ выраженіе: *не въ обидѣ есми были по роженію*, — но кто поручится, что авторъ Сказанія не осмыслилъ этимъ *въ* тоже непонятное *изъ*, которое затрудняетъ и насъ? Во всякомъ случаѣ *изъ* иска-

женіе, но искажено ли оно изъ *вз* или изъ *кз*? Последнее намъ кажется вѣроятнѣе, такъ какъ предлогъ *кз* болѣе соотвѣтствуетъ мысли автора. Гнѣздо Ольгово было рождено не *вз* обидѣ, а не было рождено для того, чтобы терпѣть обиду отъ сокола, кречета и чернаго ворона. Сходство начертанія *нз* и *кз* большее, нежели *в* и *н*, притомъ не нужно прибѣгать къ предположенію, что полугласный *з* былъ выраженъ здѣсь не буквой, а надстрочнымъ знакомъ. Со стороны синтаксической наше предположеніе не можетъ встрѣтить затрудненій: кто наблюдалъ употребленіе *кз* въ древне-русскомъ, тотъ не могъ не замѣтить, что этотъ предлогъ часто является при дательномъ падежѣ безъ особенной нужды и то появляется, то нѣтъ, въ однихъ и тѣхъ же оборотахъ. Такъ глаголы *въровати*, *надѣятися*, *сѣгрішити*, *каятися*, *клатися*, *цѣловати крестъ*, *касатися*, *учитися*, *реши* и т. п., употребляясь обыкновенно съ падежомъ безъ предлога, въ нѣкоторыхъ случаяхъ управляютъ дательнымъ съ предлогомъ: *сѣгрішити кз кому* (Гал. 40); *надѣяся кз Господеви* (Служебн. 1400 г. Іоанн. 27, 9); *друзіи же к чиханію вѣруеть* (Ипат. 120); *иже кз нему вѣруеть* (ibid. 124); *Святославъ и Всеволодъ цѣловавше крестъ честный къ Всеславу* (ibid. 117); *бѣ бо клятвою клялся о Бозѣ великою к Романови и ко княгинѣ его* (ibid. 554); *кз святымъ образамъ касатися* (Домостр.); *ко третьей то мудрости учился Волхвъ* (Кирша Даниловъ); *и рече Олегъ к Борисови* (Ипат. 141); *всѹе оклеветалъ мя еси кз вамъ* (ibid. 499); *и начаша исповѣдоватися ово ко игуменомъ, друзіи же к попомъ и дьякономъ*

(ibid. 365); Данилу же возвратившуся к домови (ibid. 489) и т. п.

Эти и подобные примѣры показываютъ, что такъ же правильно согласно съ древне-русс. синтаксисомъ можно сказать: *не было обидѣ порождено и не было къ обидѣ порождено.*

Гзакъ бѣжитъ сърымъ влѣкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Это мѣсто совершенно ясно, и если мы касаемся его, то исключительно съ цѣлью устранить невѣрные переводы: Кончакъ ему *слѣдъ прокладываетъ* или *путь кажетъ* къ Дону великому. Мы переводимъ: Кончакъ ему во слѣдъ направляется или держитъ къ Дону великому. Слово *слѣдъ* употреблялось какъ предлогъ и безъ сложения съ другими предлогами. Примѣры см. у Миклошича въ словарѣ: *иди слѣдъ мене; иде слѣдъ братіе свое, погнавъ слѣдъ ихъ.* Такъ употребляется это слово еще доселѣ въ новоболгарскомъ:

Царю врань конь утекнѣлъ,

Слѣдъ него текать, Драгано,

До двесте триста сеизе (Милад. 171).

А также въ ниже-лужицкомъ (см. Миклошича, Vergl. Gramm. Syntax, p. 568). Въ мѣсто родительнаго *слѣдъ его* въ нашемъ мѣстѣ дательный *ему* по извѣстному свойству древне-русскаго языка. Что глаголъ *правитъ* употребленъ безъ объекта—не требуетъ особаго поясненія.

Чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца: а въ нихъ трепещуть синіи млзніи.

Подъ четырьмя солнцами подразумеваются четыре князя, участвовавшіе въ походѣ: Игорь, братъ его Всеволодъ, Владиміръ, сынъ Игоря и Святославъ Ольговичъ рыльскій — его племянникъ. О почетномъ эпитетѣ *солнце* см. выше, стр. 45 — 55. Какъ аналогію странному эпитету молніи *синяя* приводятъ сербское выраженіе: пуче (гремитъ) као (какъ) *сини* гром. Но едва ли эта аналогія что нибудь объясняетъ: подъ *синимъ* громомъ разумѣется у Сербовъ синяя громоносная туча, къ которой этотъ эпитетъ конечно подходитъ. Не понимая *синей* молніи, авторъ Сказ. о Дм. Ив. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ выражается: «а въ нихъ трепещутся *силзныя* молыньи». Мы не можемъ утверждать, что *синіи* въ «Словѣ» искаженіе изъ *сильніи*, потому что послѣднее слово было бы слишкомъ слабымъ и непоэтическимъ эпитетомъ молніи; но все же намъ кажется вѣроятнымъ, что передъ нами какое-то недоразумѣніе. Авторъ *Слова*, повидимому, заимствовалъ все вышеприведенное выраженіе изъ болгарскаго источника: отмѣтимъ болгарскую форму *чръныя* и византійскій эпитетъ князей—*солнца*. Вѣроятно оттуда же попалъ въ *Слово* эпитетъ *синіи* при молніи, искаженный, либо авторомъ, либо какимъ нибудь писцомъ, изъ какого нибудь другаго, похожаго по звукамъ, но болѣе подходящаго къ молніи. Определить точно, изъ какого другаго слова искажено *синіи* трудно; можно думать, что это слово происходило отъ корня, представляемаго глаголомъ *сіять*. Срав. въ

сербскомъ глаголѣ *синути* — *illucescere*: егда *синеть* слъньце (Mikl.); *сину* зора, а ја још код двора (пѣсни Караджича, I, 141, 1-е изд.); сравн. также постоянный эпитетъ мѣсяца у Сербовъ: *сјајна мјесечина*.

Кая раны дорога братіе забывъ чти и живота и т. д. Обыкновенно здѣсь видятъ искаженіе и исправляютъ *раны* въ *рана*: *какая рана дорога*. Проще принимать *кая* за причастіе (отъ *каяти*), какъ дальнѣйшее — *забывъ*. Въ этомъ случаѣ *дорога братіе*, вм. *братія* будетъ звательный падежъ. Срав. у Миклошича: *шѣдшая братия* въпросише, или: *братимъ нашу оутѣшили* (Христ. Буслаева, 338). Г. Тихонравовъ, какъ мы знаемъ отъ него лично, предлагаетъ читать *брата*, вм. *братіе*. Эта поправка даетъ еще болѣе удовлетворительный смыслъ: *кая раны дорогаго брата*, т. е. Игоря. Изъ Ипат. лѣт. извѣстно, что Игорь дѣйствительно былъ раненъ въ этомъ сраженіи.

IV

Были вѣчи Трояни. О Троянѣ см. выше стр. 99—109.

Тоже звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожъ. Вмѣсто *Ярославъ* слѣдуетъ читать *Ярославль*, вм. *Всеволожъ* — *Всеволодъ*. Текстъ испорченъ здѣсь не издателями, а какимъ нибудь давнымъ переписчикомъ. *Ярославъ* въ текстѣ не прилагательное отъ *Ярославъ*, но само это имя съ обычнымъ въ рукописи *Слова* мягкимъ

знакомъ (б) послѣ конечнаго *в*: срав. *соколовъ*. Подстановка Ярослава на мѣсто Ярославль объясняется вѣроятно тѣмъ, что прилагат. *давный* напомнило переписчику *старого* Ярослава. Между Всеволодомъ и Владиміромъ Мономахомъ та разница, что первый слышалъ звонъ, а второй не хотѣлъ его слышать и затыкалъ уши.

Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе и на канину зелену наполому постла за обиду Олову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святонѣлкѣ повелѣя отца своего междо Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

Мѣсто сильно испорченное не первымъ издателемъ, а какимъ нибудь древнимъ переписчикомъ. Очевидно дѣло идетъ о битвѣ на Нѣжатицѣ нивѣ (1078), но нѣкоторыя обстоятельства перепутаны. Рѣка Каяла поставлена на мѣсто чего-то другаго, ибо едва ли автора *Слова* можно обвинять въ незнаніи того, что битва произошла не на Каялѣ, а близъ Чернигова. Вѣроятно позднѣйшій переписчикъ замѣнилъ непонятное ему названіе (канину?) рѣкою Каялой, упоминаемой въ другихъ мѣстахъ *Слова*. Выраженіе на *канину* остается до сихъ поръ для насъ такою же загадкой, какою оно было для автора *Сказан.* о Дм. Ив., который уясняетъ его себѣ слѣд. образомъ: «а чаду твоему Іякову лежати на *зеленѣ ковыль* травѣ, на полѣ Куликовѣ... за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича». Не уясняетъ этой загадки и выписка Малиновскаго. По словамъ г-на Барсова, нашедшаго записки Малиновскаго, это мѣсто выписано у него такъ: на ка-

*затиною зелену наполомоу постла*¹⁾). Но кто поручится, что въ данномъ случаѣ Малиновскій прочелъ это слово вѣрнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда онъ же, участвуя въ первомъ изданіи, напечаталъ *канину*? Вѣдь тотъ же Малиновскій выписываетъ, напримѣръ: *а галицы свою рѣчь говоря, хуты полетети на уедіе*. Притомъ, читая въ испорченномъ мѣстѣ *казатиною*, не надѣялся ли онъ вычитать *Нъжатиною* ниву, которая была бы очень умѣстна?

Затѣмъ въ битвѣ вовсе не участвовалъ Святополкъ, старшій братъ Ярополка и сынъ погибшаго Изяслава. Находясь въ это время далеко отъ мѣста смерти отца, именно въ Новгородѣ, едва ли онъ могъ сдѣлать распоряженіе о тѣлѣ отца, именно свезти его къ святой Софіи въ Кіевъ. Изъ лѣтописи извѣстно, что обрядъ погребенія Изяслава выпалъ на долю Ярополка, находившагося при отцѣ во время битвы: *убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октября въ 3 день, и взяше тѣло его, привезоша и в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Къевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и съ пѣснми попове и черноризци понесоша и в градъ и не бѣ лзѣ слышати пѣнъя во плачи и велицѣ вопли, плака бо си по немъ весь градъ Кіевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся с дружиною своею* (Лавр. подъ 1078 г.). Дальнѣйшая неточность разбираемаго мѣста состоитъ въ томъ, что Изяславъ былъ похороненъ въ Десятинной церкви, а не у св. Софіи. Это несоотвѣтствіе

---

¹⁾ См. Журн. М. Н. Пр. 1876. Сентябрь, стр. 20 и 21.

фактовъ надѣялся устранить Бутковъ предположеніемъ, что въ *Словѣ* дѣло идетъ не о битвѣ на Нѣжати нивѣ, а о битвѣ съ Половцами въ 1096 г., въ которой былъ убитъ Тугорканъ, князь половецкій, приходившійся тестемъ Святополку. Но несостоятельность этого предположенія была доказана послѣдующими комментаторами (см. кн. Вяземскаго, *Замѣч. на Сл. о П. И.*, стр. 179 и 180). Итакъ, разбираемое мѣсто едва ли можетъ быть исправлено при теперешнихъ средствахъ: главное искаженіе въ текстѣ, (не говоря уже объ исторической неточности, которая вѣроятно отчасти падаетъ на автора Слова), видимъ мы въ словахъ: *канину*, съ тоя же *Каялы* и *повелья*. Два первыя слова *должны* быть тождественны, хотя мы не рѣшаемся предложить поправку; что же касается послѣдняго, то его съ достаточной вѣроятностью можно разложить на два слова: *повелѣ яти* (повелѣлъ взять). Неокончательное наклоненіе *ятъ*, съ мягкимъ знакомъ надъ строкою, могло, слившись съ слѣдующимъ словомъ *отца*, быть непонято какимъ нибудь несвѣдущимъ писцомъ: изъ комплекса *ятотца*, при небрежной перепискѣ, могло выпасть первое *т*; или быть можетъ эта буква была надъ строкою и осталась незамѣченной. Какъ бы то ни было изъ *повель яти отца* не трудно объяснить искаженіе *повелья отца*.

Погибаетъ жизнь Даждь-божа внука см. выше стр. 73—77.

VI

Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла.

Здѣсь принимаютъ слово *пустыни* въ его обыкновенномъ, конкретномъ значеніи. Едва ли это такъ. Берега Каялы, гдѣ полегло русское войско, нельзя назвать пустыней; авторъ «Слова» самъ говоритъ нѣсколько выше, что послѣ пораженія Игоря «никнетъ *трав*а жалощами, а *древо* с тугою къ земли преклонилося». Мѣстность, гдѣ совершается походъ, представляется автору «великими, чистыми полями», каково она и есть въ дѣйствительности. Упоминаются трава и деревья, болота и грязивыя мѣста. Кое-гдѣ возвышаются шеломяны, съ которыхъ открывается обширный видъ въ степь. Игорь выступилъ изъ Новгорода Сѣверскаго въ концѣ апрѣля и во время послѣдней битвы у Каялы, конечно, степь не представляла картины запустѣнія, а напротивъ блистала полнымъ весеннимъ убранствомъ. Затѣмъ самое выраженіе *пустыня прикрыла силу* не удачно: побитая сила, т. е. войско покрываетъ пустыню трупами, а не на оборотъ.

Чтобъ уяснить это выраженіе, остается принять слово *пустыни* не въ конкретномъ, а въ отвлеченномъ смыслѣ. Имена жен. рода на *ыни*, образованныя изъ прилагательныхъ, могутъ быть и обстрактны—напр. *теплыни*—теперешнее *теплынъ* («Святославъ же ждавъ многы дни, ублюдѣся *теплыни*, поиде вборзѣ». Ипат. лѣт., стр. 419)

благыни (bonitas)=благость, *грздыни*=гордость, *жстыни*=густость, *добрыни*=доброта, *злыни*=malitia ¹⁾. Думаемъ, что и въ нашемъ мѣстѣ *пустыни* употребляется какъ нравственное понятіе, отвлеченное отъ прилаг. имени *пустъ* въ его нравственномъ значеніи. Каково же это значеніе? Въ болгарскомъ *пуст* употребляется кромѣ обычнаго значенія также въ нравственномъ — жалкій, проклятый, бѣдственный.

Ходил юнак на *пуста-та* войска,
На *пуста-та* войска, войска татарійска, т. е.

Ходилъ юнакъ на проклятое войско
На проклятое войско, войско татарское ²⁾).

Въ другой пѣснѣ молодой человѣкъ проситъ руки дѣвушки ему родственной: дѣвушка отвѣчаетъ:

Не ли сме *пуста* рѣднина? т. е.

Развѣ мы не родня, чтобъ ее, проклятая?

Пустъ употребляется также какъ эпитетъ чужбины.

Що си биле два брата родени,
Кицисале на *пуста* чужина.

Были два брата родные,

Отправились они на проклятую чужбину ³⁾).

---

¹⁾ См. Miklosich—Bildung der Nomina. 1858, § 73.

²⁾ Dozon—№ 3.

³⁾ Миладин., стр. 356.

Марко говорить о лицѣ арабской дѣвушки, т. е. негрятки:

Кога видоѣ *пусто* лице цѣрно,
Лице цѣрно, пусти зѣби бѣли.

—
Когда я увидалъ проклятое черное лице,
Черное лице, проклятые бѣлые зубы ¹⁾).

Такое значеніе *пустъ*, какъ извѣстно, имѣетъ и въ нашей клятвѣ: «чтобъ тебѣ *пусто* было!»

Вѣроятно такого рода представленіе выражается и въ разбираемомъ мѣстѣ «Слова». *Пустыни* понятіе отвлеченное, родственное съ *нуждою* (уже тресну нужда на волю), *обидой* (въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука), *съ печалью* (печаль жирна тече по земли русской), *тугою* (уже туга умъ полонила). Уже *пустыни* силу прикрыла предложили бы мы переводить: уже проклятіе или бѣдствіе постигло силу.

Въстала обида въ силахъ Дажь-божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню. О дѣвѣ обидѣ см. выше стр. 93—94.

Убуди жирня времена. Жиръ значитъ богатство, изобиліе, избытокъ. Слѣдовательно *жирныя* времена — времена довольства и богатства, время *мира*, когда можно жить спокойно и копить жизненные средства. Въ эти времена покоя, страна представляется поэту какъ бы спя-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 64.

щею тихимъ сномъ. Но вотъ настала гибельная война, обида въ видѣ Эринніи вострепелась и всплескала крыльями на синемъ морѣ. Она встревожила мирный сонъ людей, разбудила времена довольства.

Усобица княземъ на поганья погыбе. Трудно думать, что усобица на поганыхъ, какъ полагаетъ Дубенскій, значить «союзъ, дѣйствіе князей за одно противъ поганыхъ». Намъ кажется, что это мѣсто испорчено, хотя трудно предположить поправку болѣе или менѣе вѣроятную. Смыслъ заключается, повидимому, въ притивоположеніи князей и поганыхъ, *усобицы* и *гибели*: между князьями начались усобицы, отъ поганыхъ грозитъ гибель. Вѣроятно *погыбе* не глаголъ, а испорченное *погыбель*. Конечное *л* могло быть надъ строкою. Мѣсто было бы вполне ясно при чтеніи: усобица княземъ—отъ поганыхъ погыбель. Но предлагать такія поправки, конечно, слишкомъ смѣло.

За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по русской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянь розъ. За нимъ. За кѣмъ? за соколомъ Игоремъ, который далеко залетѣлъ къ морю избивая птицъ, или за полкомъ, т. е. за скудными остатками разбитаго и спасавшагося бѣгствомъ войска? Рѣшить трудно. Карна и Жля едва ли половецкіе ханы: объ нихъ лѣтописи умалчиваютъ, да и имена не похожи на половецкія. Мы болѣе склонны видѣть въ этихъ именахъ (конечно испорченныхъ) олицетворенія нравственныхъ понятій, которыя такъ любитъ авторъ *Слова*, олицетворенія въ родѣ *нужды*, *хулы*, *обиды*, вступающей дѣвою,

печали, жирно текущей по землѣ русской, *пустыни*, прикрывшей войско Игоря. Второе названіе *жля*, повидимому, испорчено изъ *желя*. Срав. въ Ипат. лѣт. подъ г. 1185: «и тако, во день святаго Воскресения наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто *желю*, на рѣцѣ *Каялы*». Если мы допустимъ это, то въ *Карнѣ* конечно также нельзя видѣть собственное имя. *Карна* должно быть испорчено изъ *кара*, *караніе*, *карьба*, или чего нибудь подобнаго. Что этимъ олицетвореннымъ понятіямъ *кары* и *скорби* (жели) приписывается такое вещественное орудіе, какъ пламенный рогъ, мычушій смагу, не можетъ казаться страннымъ, если вспомнимъ обиду, плещущую лебедиными крыльями. Но во всякомъ случаѣ такое сочетаніе понятій могло показаться непонятнымъ какому нибудь позднѣйшему переписчику, лишенному поэтического чутья, и не догадавшись что дѣло идетъ о *карѣ* (*караніи*) и жели, онъ могъ не разобратъ этихъ словъ и счесть ихъ за личныя имена *поганныхъ*, о которыхъ только что было сказано, что они *съ всѣхъ странъ прихаждаху съ побѣдами на землю Рускую*.

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сзглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати.

Нашъ глаголѣ *трепать*, т. е. теревить, тормошить, дергать, мять — едва ли подходитъ къ этому мѣсту. Странно желаніе русскихъ женъ — *трепать* руками золото и серебро: вѣроятно онѣ сожалѣли о бѣльшемъ, о томъ что имъ не придется имѣть золота, носить его, копить.

Въ виду этого рѣшаемся предложить слѣдующую догадку: въ сербскомъ языкѣ есть глаголъ *трпати* (т. е. тръпати) со значеніемъ *accumulate*, нагромождать, накапливать; есть и сложный съ предлогомъ по — *потрпати* съ тѣмъ же значеніемъ (см. Сл. Караджича). По смыслу этотъ глаголъ весьма удачно подходитъ къ разбираемому мѣсту: «уже не накапливать намъ, не нагромождать (какъ прежде), золота и серебра». Объяснить же *потрепати* изъ *потръпати* или *потрпати*, которое стояло въ текстѣ, можно тѣмъ, что авторъ *Слова* оставилъ болгарское (?) выраженіе безъ измѣненія, а какой нибудь переписчикъ осмыслилъ непонятный ему глаголъ общепонятнымъ русскимъ *потрепать*.

Тѣмъ бо два храбрая Святъсаславица, Игорьъ и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то баше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный, великій Кіевскій.

Глаголъ *убуди* очевидно слѣдуетъ согласовать съ подлежащимъ въ числѣ и читать *убудиста*. Г. Тихонравовъ предлагаетъ и другія поправки — *Жлу*, вмѣсто *лжу*, *которою*, *вм.* *которую* и *того*, *вм.* *то*, — поясняя ихъ слѣдующимъ переводомъ: «Игорь и Всеволодъ *которою* (ибо пошли тайкомъ отъ великаго князя Святослава и тѣмъ возбудили его *жаль* на себя) возбудили *Жлю*. Его грозою усыпилъ отецъ ихъ *грозный* Святославъ, великій князь Кіевскій; онъ притрепалъ его своими сильными полками и булатными мечами; онъ наступилъ на землю *половецкую*». Эти поправки намъ не кажутся убѣдительными: 1) Игорь и Всеволодъ разбудили *жаль* не *которою*

(т. е. распрею), а пораженіемъ отъ Половцевъ. Изъ лѣтописнаго разсказа нельзя заключить, чтобы выраженіе *котора* могло быть примѣнено къ походу Игоря. Князь Святославъ *самъ* послалъ его звать съ собою и отвѣтъ Игоря былъ таковъ: «не дай Богъ на поганныхъ ѣздяся отрещи, поганы есть всимъ намъ обьчій ворогъ». Вся бѣда лишь въ томъ, что приглашеніе Святославово запоздало, и Игорь не могъ догнать его войска, не могъ, по выраженію своей дружины *потьскы* (т. е. какъ птица) *перелетѣти*. *Котору* нельзя видѣть и въ отказѣ Игоря участвовать въ предпріятіи Святослава въ 1183 (Ипат.) г., потому что отказъ не былъ вызванъ враждебностью.

2) Муж. родъ *того* не можетъ относиться къ понятію жен. род. *жаль* или *желя*; 3) Пераставляя *лжу* въ *жлу*, мы должны еще замѣнить конечное *у* чрезъ *ю* и вставить гласный звукъ между *ж* и *л* (жалю, желю), ибо форма *жлу* невозможна.—На нашъ взглядъ поправки требуетъ, кромѣ *убуди*, еще только слово *то*, и здѣсь можно предложить слѣдующее: вм. *то* читать *тз*, т. е. *тзй* (тоть). Святославъ не былъ отцомъ Игоря и Всеволода, а двоюроднымъ братомъ; между тѣмъ авторъ *Слова* называетъ его отцомъ. Не мудрено поэтому, что для отличія Святослава грознаго кіевскаго, разбившаго Кобяка и взявшаго его въ плѣнъ, отъ Святослава, роднаго отца Игоря и Всеволода, авторъ прибавляетъ *тотъ* въ поясненіе выраженія *отецъ*. Игорь и Всеволодъ пробудили *лжу*, которую своими побѣдами надъ Половцами *усыпилъ* *тотъ* кіевскій отецъ ихъ грозный Святославъ.

Впрочемъ, противъ поправки *лжу* въ *желю* едва ли можно сказать что нибудь вѣское: во всякомъ случаѣ *желя* (ср. выше *желя* поскочи по Руской земли) кажется намъ умѣстнѣе, чѣмъ *лжа*. Описка въ данномъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что предшествующее слово — *уже* — содержитъ тотъ же слогъ (же): изъ *ужежелю* легко могло произойти *ужелю* и затѣмъ — *уже лжу*. Итакъ мы предложили бы читать: *Игорь и Всеволодъ уже желю убудиста, которую тѣ бѣше уснулъ отецъ ихъ и т. д.*

Поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря. Противоположеніе удачи Святослава и неудачи Игоря, восхваленіе Святослава и порицаніе Игоря показываютъ, что авторъ *Слова* былъ близокъ къ первому князю, смотрѣлъ съ его точки зрѣнія на походъ Игоря и справедливо называлъ себя пѣснотворцемъ Святославимъ (см. ниже). Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что авторъ былъ въ дружинѣ Игоревой и участвовалъ лично въ походѣ: никакихъ данныхъ для этого предположенія не нашли мы въ *Словѣ*.

VII

Сонъ Святослава составляетъ самую трудную часть во всемъ «*Словѣ*». Нѣкоторыя выраженія можно заподозрить въ значительномъ искаженіи не издателями, а переписчиками, и едва ли можно надѣяться исправить ихъ конлек-

турой. Мы ограничимся только указаніемъ, гдѣ кончается рассказъ Святослава и гдѣ начинаются сообщенія бояръ. Н. С. Тихонравовъ начинаетъ рассказъ князя словами: «съ вечера одѣвахъте мя»; но болѣе вѣроятно, что онъ начинался со слова *синочь*. По крайней мѣрѣ въ пользу послѣдняго начала говорятъ дальнѣйшія слова того же лица, представляющія полную параллель: всю ночь съ вечера босуви врани възграяху и т. д. Въ формѣ *одѣвахъте*, невозможной въ древне-русскомъ, можно бы пожалуй видѣть болгаризмъ ¹⁾. Но болѣе вѣроятны другія объясненія. Во-первыхъ, нельзя ли форму *одѣвахъте* дѣлать такимъ образомъ, что *одѣвахъ* 1-е лицо прошед. времени, а *те* относится къ слѣдующему слову *мя*, т. е. темя. Смыслъ былъ бы таковъ: я одѣвалъ себѣ темя. Что *темя* въ цсл. пишется черезъ *ь* не можетъ служить возраженіемъ, при смѣшеніи *ь* и *е* въ мушкинской рукописи. Во-вторыхъ, параллель прочихъ глаголовъ *чръпахуть*, *сыпахуть* наводитъ на предположеніе, что и *одѣвахъте* могло быть искажено изъ *одѣвахуть*.

Символика сна — вино означающее печаль, черная па-

---

¹⁾ Известно, что въ ново-болгарскомъ 2-е лицо множ. ч. прошед. вр. исходитъ на *хте*, вмѣсто цсл. *сте*: плетохте, клехте, писахте, брахте. Встрѣтивъ этотъ болгаризмъ въ болгарско-византійскомъ источникѣ, изъ котораго онъ почерпнулъ симвокику сна, авторъ Слова могъ сохранить форму *одѣвахте* безсознательно, а какой нибудь переписчикъ, привыкшій ставить *ъ* послѣ *х* въ глаголахъ въ окончаніи перваго лица, поставилъ эту букву и въ *одѣвахъте*, вслѣдствіе чего получилась невозможная форма.

полома, жемчугъ, означающій слезы—разобрана кп. Вяземскимъ и потому на ней считаемъ лишнимъ останавливаться (см. Замѣч. на С. о П. И., стр. 263 и слѣд.). Обратимъ вниманіе лишь на послѣднія слова князя: *всю ночь съ вечера босувѣ врани възиряху у Пльньска на болони бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю.*

Не высказывая притязанія разгадать загадку о *дебри* и *кисани*, считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя указанія на соотвѣтствіе этихъ словъ съ отвѣтомъ бояръ. Не трудно замѣтить, что отвѣтъ бояръ согласуется съ отдѣльными чертами сна и даетъ послѣднимъ реальное объясненіе.

Князь говоритъ: прошлой ночью съ вечера я покрывалъ себѣ темя черною наполомою на тисовой кровати; мнѣ черпали синее вино съ отравой смѣшанное (вино=кровь, пролитая русскими)¹⁾; мнѣ сыпали крупный жемчугъ на лоно изъ пустыхъ колчановъ поганныхъ Толковинъ (жемчугъ=слезы, происшедшія отъ стрѣлъ поганныхъ Половцевъ).

Бояре толкуютъ: черная наполома, которою князь покрывалъ себѣ темя, приснилась потому, что туга (печаль) умъ полонила. Причина печали—пораженіе и плѣнь двухъ князей: ибо два сокола слетѣли съ отня злата стола, поискать града Тьматороканя, либо испить шело-момъ Дону; уже соколамъ крылья обрубил саблями поганныхъ (поганныхъ Толковинъ), а самихъ опутали пути-

---

¹⁾ Ту кроваваго вина не доста.

нами желѣзными. Темно было въ 3-й день ¹⁾: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли (т. е. Игорь и Всеволодъ) и съ ними два молодыхъ мѣсяца, Олегъ и Святославъ, поволоклись тьмою и въ море погрузились и великую дерзость придали хину.

Эти слова бояръ объясняютъ Святославу, почему ему приснилось, что въ его теремѣ златоверхомъ доски лишены кнѣса (князя): его княжескій домъ лишился дѣйствительно князей. Замѣтимъ, что въ отвѣтѣ бояръ мы перестанавливаемъ нѣкоторыя слова согласно грамматическому и логическому строю; именно, слова—на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла, по русской земли прострошася Половци акы пардуже гнѣздо—мы помещаемъ послѣ вышепереведенныхъ, какъ уже предлагали нѣкоторые издатели. Быть можетъ, всѣ эти слова позднѣйшая глосса, вставленная неумѣстно какимъ нибудь читателемъ, быть можетъ, они были и въ подлинникѣ, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ оказываются теперь. При нашей перестановкѣ становится понятна форма двойственного числа у глагола *погрузиста*, которая неумѣстна при подлежащемъ *Половци*, а вмѣстѣ дѣлается излишней поправка г. Тихонравова *и* (*и* въ морѣ погрузиста) на *ихъ*. Если бы уже требовалась поправка,

---

¹⁾ Въ этихъ словахъ мы видимъ продолженіе разсказа бояръ, между тѣмъ какъ г. Тихонравовъ кончаетъ этотъ разсказъ словами „путины желѣзны“. На послѣднихъ словахъ отвѣтъ бояръ не можетъ быть конченъ: сначала они говорятъ о князьяхъ аллегорически, называя ихъ соколами, за тѣмъ поясняютъ, кого разумѣютъ подъ соколами.

то во всякомъ случаѣ удобнѣе замѣнить и словомъ *жиръ*: *жиръ* въ морѣ погрузиста; ср. нѣсколько выше: иже погрузи *жиръ* во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя.

Далѣе бояре указываютъ на бѣдственныя послѣдствія пораженія Игоря, въ словахъ, которыхъ мы уже касались выше ¹⁾: уже снесся хула на хвалу, уже тресну пужда на волю, уже врѣжеса дивъ на землю. Эти слова составляютъ естественное продолженіе мысли объ участи князей и соотвѣтствуютъ, какъ и прежнія, тому же мѣсту сна.

Но сонъ, въ передачѣ князя, содержалъ еще нѣкоторыя подробности: всю ночь *босуви* вороны каркали у Плѣсенска на болони (на городскомъ лугу) *бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему морю*. Этимъ загадочнымъ словамъ соотвѣтствуетъ окончаніе въ отвѣтѣ боярь: се бо готскыя красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ: поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. Аналогію или искусственное приравненіе не трудно замѣтить. Тамъ каркали вороны, здѣсь—поють готскія дѣвы, тамъ вороны названы *босуви*, здѣсь—дѣвы поють время *Бусово*, тамъ синее море и здѣсь синее море; тамъ загадочное дебрь *кисаню*, здѣсь—мечь *Шароканю*. Замѣтна искусственная игра созвучіями, подобно тому, какъ авторъ выше воспользовался созвучіемъ *кнѣса* и князя. Хотя эти аналогіи не выясняютъ загадочной дебри *кисаню*, но все же подтверждаютъ наше мнѣніе, что отвѣтъ боярь кончается не тамъ, гдѣ оканчивается его г. Тихонравовъ.

---

¹⁾ См. стр. 87 и слѣд.

Всѣ попытки объяснить загадочныя слова—бѣша дебрь писаню — равно неудачны и никогда не будутъ удачны, потому что эти слова сильно искажены какимъ нибудь неумѣлымъ переписчикомъ. Можно догадываться, что вмѣсто *несошлю* слѣдуетъ читать *несоша ю* (л изъ л), но смыслъ отъ этого не выигрываетъ. Кромѣ грамматическихъ затрудненій, (напр. множ. бѣша при един. дебрь) здѣсь и реальныя: почему вороны каркаютъ у города Плѣсенска въ галицкомъ княжествѣ? Очевидно здѣсь намекъ на какое то происшествіе въ этой области, случившееся одновременно съ пораженіемъ Игоря, но какое это происшествіе — объ этомъ лѣтописи умалчиваютъ. Съ грамматической стороны можно замѣтить также, что подлежащее отъ глагола *несоша* и *бѣша* (вѣроятно испорченнаго изъ чего нибудь другаго) вѣроятно *врани*. Это видно изъ соотвѣствующихъ выраженій въ отвѣтѣ бояръ: готскыя красныя дѣвы *взспѣша* (възгряху), *поютъ* время Бусово (бѣша?) и *лелють* мѣсть Шароканю (несоша). Злорадныя пѣсни этихъ дѣвъ сравниваются съ карканіемъ воронъ, и какъ дѣвы поютъ на берегу синяго моря, радуясь добытому русскому злату, такъ вороны что-то такое (ю) добыли и несутъ къ синему морю.

Босувѣ врани. Обыкновенно *босувѣ* считаютъ искаженіемъ и предполагаютъ, что въ подлинникѣ было *бѣсовѣ*. Хотя такая поправка дала бы удовлетворительный смыслъ, но трудно предположить, чтобы какой нибудь писецъ могъ передѣлать легкое чтеніе *бѣсовѣ* на трудное и непонятное *босувѣ*. Рѣдкое и малоупотребительное слово перемѣняютъ

иногда на общеупотребительное, а не на оборотъ. Поправки кн. Вяземскаго—*бо соуи* (ибо суетные, вздорные), *бо сунуи* (сжпѣ—*γύω*, *vultur*), *бо сови* равно неудовлетворительны. Наиболѣе вѣроятнымъ намъ кажется слѣдующее: слово *босуви*, эпитетъ птицы трудно отдѣлить отъ слова *босый*, эпитета волка: (Игорь) въврѣжеса на брѣзъ комонъ и скочи съ него *босымъ* влъкомъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ это прилагательное имя болѣе ясно и можетъ разъяснить смыслъ загадочнаго *босуви*. *Босый* волкъ безъ сомнѣнія искажено изъ *боусый* влъкъ. *Бусый* (областное слово) означаетъ, по Далю, темно-голубосѣрый, избурасѣрый, буродымчатый, буропепельный, темпобурый съ синевою, сизобурый; *буско* животное бусой шерсти, особенно темнодымчатая кошка; *бусовѣ* темная синева неба до восхода и по закатѣ солнца; *бусъть* или *бусовъть*—синѣть, сѣрѣть, темнѣть, чернѣть. Эти значенія слова *бусъ* вполне подходятъ къ цвѣту шерсти волка и искать другаго объясненія кажется излишне. Но подходитъ ли это значеніе и къ ворону? Повидимому нѣтъ, ибо воронъ чернаго цвѣта и называется таковымъ въ самомъ «Словѣ»: и тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине! Но это кажущееся противорѣчіе можно устранить слѣдующимъ предположеніемъ. Зоологи различаютъ между чернымъ вóрономъ (*corvus nobilis*), черною ворóною (*corvus corone*) и сѣрою или обыкновенною ворóною (*corvus cornix*), этими тремя видами, распространенными въ Европѣ. Такихъ различій не всегда придерживается народъ. Самое имя *ворóна* женскій родъ отъ *вóронъ* характеризуетъ взглядъ народа на

этихъ птицъ: ворона (сѣрая и черная) считается обыкновенно самкою вѣрона, при чемъ различіе въ окраскѣ перья объясняется такъ же, какъ отличіе курицы отъ пѣтуха, индюшки отъ индюка, павы отъ павлина и т. д. Подъ общимъ именемъ *воронья* разумѣются не только вѣроны и ворѣны, но и галки, грачи (см. Даля). Народъ не замѣчаетъ различія въ образѣ жизни вѣроновъ и ворѣнъ: вѣроны летаютъ обыкновенно парами, а не стаями, и весь вороній родъ, весьма дружный между собой (ворѣны, галки, грачи), не принимаетъ вѣроновъ въ свое общество, а постоянно во враждѣ съ ними (Бремъ III. 362). Изъ такого смѣшенія видовъ кажется можно объяснить и эпитетъ *бусови* врани: здѣсь подразумѣваются авторомъ не черные вѣроны, а ворѣны сѣрыя. Подтверждается это предположеніе тѣмъ, что этимъ сѣрымъ ворѣнамъ, каркающимъ у Плѣсенска, соотвѣтствуютъ въ толкованіи сна такъ же существа женскія, готскія дѣвы, поющія на берегу синяго моря. Какъ черный воронъ олицетворяетъ Половчина, такъ сѣрая ворона—готскую дѣву. Намъ скажутъ, что слѣдовало бы въ такомъ случаѣ читать *врани бусовы*, а не *врани бусови*, но въ самомъ «Словѣ» *ворѣны* и *вѣроны* не различаются и мужская форма подразумѣваетъ и самокъ, каковыми представляются народу *ворѣны* относительно *вѣроновъ*. Еслибъ авторъ различалъ оба вида, онъ не преминулъ бы это сдѣлать тамъ, гдѣ перечисляетъ вороній родъ, напримѣръ:

Тогда *врани* не граахуть,
Галици помлѣкоша.
Сорокы не троскотоша.

Неужели подъ *врани* подразумѣваются лишь черные вóроны, а сѣрыя ворóны, этотъ гораздо болѣе распространенный видъ, вовсе исключень изъ списка? Итакъ въ *босуви* врани слѣдуетъ видѣть сѣродымчатыхъ ворóнъ и исправить *босуви* въ *бусови*. Это исправленіе можно подкрѣпить слѣдующими доводами: 1) На присутствіе у (Ѣ) послѣ б указываетъ игра словъ *босови врани* и *время бусово*. 2) На существованіе имени прилагательнаго *бусовъ* при *бусый* указываетъ глаголъ *бусовѣть* при *бусѣть*. 3) Появленіе о послѣ б вмѣсто у объясняется перестановкой гласныхъ въ обоихъ слогахъ: изъ *бусови* писецъ, незнакомый съ этимъ словомъ, сдѣлалъ *босуви*. Что же касается искаженія *бусымъ* влѣкомъ въ *босымъ* влѣкомъ, то можно предположить, что либо писецъ хотѣлъ осмыслить непонятное ему слово болѣе понятнымъ, хотя и неумѣстнымъ, либо принялъ Ѣ за о, какъ въ другихъ случаяхъ: срав. *подобію* вм. *подѣбію*, *Шароканю* вмѣсто *Шарѣканю*.

Кстати о послѣднемъ словѣ.

Шаруканъ названіе одного изъ князей половецкихъ, главы своего рода: Шаруканъ имя не личное, а родовое: два брата Шаруканя упоминаются Владиміромъ Мономахомъ въ числѣ *любшихъ* князей половецкихъ, выпущенныхъ имъ изъ оковъ; какой то Шаруканъ *старый* воевалъ съ русскими князьями въ 1107 году, былъ разбитъ съ другими князьями и *едва утече*; подъ 1111 годомъ упоминается половецкій городъ *Шаруканъ* гдѣ то у Дона, сдавшійся русскимъ князьямъ (Ипат. Лѣт.); а въ 1116 г.

Ярополкъ Владиміровичъ и Всеволодъ Давыдовичъ снова берутъ этотъ городъ (Шаруканъ) въ числѣ двухъ другихъ половецкихъ городовъ, Сугрова и Балина (Ипат. л.). Изъ этихъ фактовъ можно вывести, что князья Шаруканы съ родомъ своимъ жили или кочевали у Дона, гдѣ стоялъ ихъ родовой улусъ, носившій ихъ имя. Вѣроятно этотъ родъ потерпѣлъ отъ русскихъ князей, особенно во времена Мономаха, нѣсколько поражений и имѣлъ основаніе питать особенную вражду противъ Руси. Теперь, послѣ пораженія Игоря, когда Половцы, *акы пардуже инъздо*, простерлись по Руси, мечь рода Шаруканова была свершена и готскія дѣвчѣ въ улусахъ половецкихъ славятъ эту мечь.

Мы уже указали выше, что вѣщіе сны обычны византийскимъ произведеніямъ. Книжный характеръ сна Святославова дѣйствительно весьма ярокъ, и для насъ по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что начало его заимствовано авторомъ *Слова* изъ того же источника, откуда взяты Боянъ и Троянъ. Отсюда естественно встрѣтить въ этомъ снѣ символику, игру словъ и нѣкоторыя выраженія книжнаго свойства, какъ *наполома* и *пардуже инъздо*. Первое слово есть греческое *πέπλωμα*, употребляющееся (у трагиковъ Эсхила, Софокла, Еврипида) въ значеніи *одѣянія, облаченія*. Къ намъ оно перешло книжнымъ путемъ въ значеніи покрывала надъ покойникомъ и едва ли было въ общемъ употребленіи. Ср. въ Кормчей 1282 г.: *върху же мъртвѣца простирается два наполома*. Изъ чисто русскихъ источниковъ это слово неизвѣстно. Второе *выраженіе* такого же происхожденія. Иноземный звѣрь лео-

пардъ носилъ и иноземное имя, греч. *πάρδος*. Пардусы (охотничьи леопарды) на Востокъ и въ Византіи содержались для охоты (см. напр. поэму о Дигенисѣ, книга V, ст. 1396, гдѣ говорится, что отецъ Евдокіи въ числѣ другихъ даровъ далъ Дигенису двѣнадцать отборныхъ пардусовъ, приученныхъ къ охотѣ (*δωδεκα πάρδους διὰ λέκτους*). На Руси *пардусъ* былъ рѣдкимъ заморскимъ звѣремъ и цѣнился высоко: въ лѣтописи подъ 1147 и 1159 гг. онъ упоминается въ числѣ драгоцѣнныхъ даровъ, предлагаемыхъ князьями другъ другу. Въ Азбукѣ имя иностраннаго звѣря толкуется названіемъ русскаго: пардусъ, звѣрь *рысь*. Половцы сравниваются съ *пардусами* по кровожадности и вѣроятно по быстротѣ въ набѣгахъ. Книжность этого сравненія явствуется изъ одной статьи (Указъ Господа нашего Іисуса Христа. Вопросъ и отвѣтъ), помѣщенной проф. Тихонравовымъ во 2-мъ т. *Памятниковъ отреченной русской литературы* (стр. 447): вопросъ: како суть языкомъ части, каковъ кой языкъ? *Ѳругъ левъ есть, аламаникъ орелъ есть, саракининъ вепрь есть, турчинъ змія есть, арменинъ гущеръ есть, сирьянинъ зубрь есть... куманинъ пардосъ есть, болгаринъ быкъ есть, сербинъ волкъ есть, грекъ лисица есть и т. д.* Это перечисленіе находится и въ одномъ *сербскомъ* сборникѣ (рук. XVI в.), принадлежащемъ Миклошичу. — Вмѣсто *пардусе* мы ожидали бы прилаг. *пардушє* отъ *пардусъ*.

А самою *опуташа* въ *путины* *жельзны*. Варіантъ Арх. списка *самого* вмѣсто *самаю*, какъ напечатано въ 1-мъ изданіи, показываетъ, что въ оригиналѣ стояла пра-

князей, а также въ поученіи Владиміра Мономаха. Но странно, что всѣ издатели, не исключая и г. Тихонравова, читаютъ *Уримъ*, находя здѣсь, вѣроятно, варіантъ названія Римъ. Откуда явилась такая приставка? Достаточно взглянуть въ лѣтописи, чтобъ рѣшить, что *у* предлогъ *въ* и что слѣдуетъ читать *у* Римѣ, т. е. въ Римѣ, въ Римовѣ.

Ипат. лѣт. по 1091 годомъ:

В се же лѣто волѣхвъ явися *у* Ростовѣ і погибе.

Подъ 1091:

В си же времена бысть знаменье *у* небесѣ.

У се же лѣто ведро бяше, яко ізгаряше земля...

У се же лѣто умре Рюрикъ, сынъ Ростиславль,

У си же времена мнози человекѣ умираху различными недуги...

Подъ 1139:

Ростислава Гюрdevича Новгородци посадиша в себе...

Того жъ мѣсяца въ 24, *у* срѣду мясопустную...

Переходъ *в* въ *у* и обоюдное замѣщеніе этихъ звуковъ составляетъ черту южно-русскаго говора, восходящую уже къ XII вѣку.

Дубенскій догадывался, что *Уримъ* не одно, а два слова, но считалъ *Римъ* за род. пад. множ. числа отъ plur. tant. *Римы*, а *у* за предлогъ *у*. Но изъ мѣстъ лѣтописи можно вывести только формы—*Римъ* (к Римови) и *Римовъ* (идомъ на вои ихъ за Римовъ) и потому естественнѣе предположить, что переписчикъ или издатели приняли ѣ за ѣ.

VIII

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издавеча, отня злата стола поблюсти: ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти.

Въ словахъ *не мыслию ти прелетѣти* чувствуется какая-то неловкость. Очевидно нельзя переводить: *тебѣ не перелетѣть мыслию издавеча*, хотя всѣ эти слова находятся въ текстѣ. Такому переводу противорѣчитъ мѣсто, занимаемое словомъ *мысль*. На этомъ основаніи нѣкоторые изслѣдователи видятъ здѣсь вопросительный оборотъ. Проф. Тихонравовъ, сознавая испорченность мѣста, предлагаетъ читать: *не мыслиши прелетѣти*; но по интерпункціи, принятой имъ, очевидно не считаетъ это предложеніе вопросительнымъ. Согласно съ этой поправкой получается смыслъ: *не мыслишь ты прилетѣти издавеча, поберечь отцовскій золотой престолъ, ибо ты можешь Волгу веслами расплескать, а Донъ шеломами вылить*. Всякій ожидалъ бы вмѣсто *ибо* другаго союза, напр. *хотя*. Союзъ *бо* предполагаетъ, что *не мыслию ти прелетѣти* не есть упрекъ Всеволоду за равнодушіе къ судьбѣ отцовскаго престола. Смыслъ разбираемаго воззванія сосредоточенъ на словѣ *мыслию*, стоящемъ на первомъ мѣстѣ. Значитъ ли *перелетѣнъ* *мыслью* — *перелетѣть мысленно* или *перелетѣть какъ мысль, съ быстротою мысли*? Думаемъ, что послѣднее вѣрнѣе, ибо чрезъ

то, что Всеволодъ перенесется мысленно, онъ еще не можетъ защитить отцовскій престолъ. Авторъ требуетъ, чтобъ онъ дѣйствительно перелетѣлъ на мѣсто дѣйствія, такъ быстро, какъ мысль, ибо онъ (Всеволодъ) можетъ это сдѣлать: онъ Волгу можетъ раскропить и Донъ вычерпать. Понятно, что такому сказочному богатырю ничего не стоитъ перелетѣть, какъ мысль, издалека. При такомъ пониманіи, слово *мыслию* не можетъ быть измѣнено въ *мыслиши* и требуется другая поправка: слѣдуетъ, кажется, послѣ *мыслию* поставить вопросительную частицу *ли*, которая могла выпасть подъ вліяніемъ *ли* въ предшествующемъ словѣ (*мыслиюли*), т. е. не перелетѣть ли тебѣ съ быстрой мысли.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Чтеніе *васъ* имѣетъ и пушкинское изданіе и архивн. списокъ. Предположить, что издатели не разобрали, что въ подлинникѣ было *ваю*, нѣтъ достаточныхъ основаній. Умѣли же они прочесть *ваю* въ другихъ мѣстахъ. Скорѣе можно предположить, что авторъ «Слсва» не совсѣмъ точно употребилъ множ. число вмѣсто двойственного, что, какъ извѣстно, встрѣчается сплошь и рядомъ въ памятникахъ уже XII-го вѣка. Передъ *васъ* могъ стоять предлогъ *въ*, который весьма часто пишется безъ твердаго знака, просто *в*. Это *в* исчезло подъ вліяніемъ буквы *в*, съ которой начинается слѣдующее слово—*васъ*.

Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

Птицю дат. пад. ед. ч. (отъ именит. *птиць*), управляемый правильно глаголомъ *одолѣти*. Срав. въ Ипат.

лѣтъ. (стр. 195): и одолѣеть Михаилъ противнику; (стр. 479): одолѣвша всимъ поганіскимъ языкомъ.

Но уже, княже Игорю, утрьпѣ солнцю свѣтъ.

Проф. Тихоновъ приводитъ для объясненія *утрьпѣ* глаголѣ цсл. *оутрьпѣти*—*коченѣть*. Но въ выраженіи—*свѣтъ* солнца *коченѣть*—чувствуется какая-то неуклюжесть. Другіе прибѣгаютъ къ глаголу *утрьпѣти*—*потерпѣть*, *утратить*; но этотъ глаголѣ былъ бы уместенъ только съ поправкой *Игорь*, вмѣсто *Игорю*: Игорь утратилъ солнечный свѣтъ. Предлагаемъ догадку, основанную на сербскомъ языкѣ: у сербовъ употребителенъ глаголѣ *утр(п)нути* въ значеніи—*гасить*; наприм. *свијетју*—*свѣчу*, *ватру*—*огонь* (см. Слов. Караджича, s. v.)¹⁾. Не употреблялся ли и въ древне-болгарскомъ глаголѣ *оутрь(п)нѣти* съ тѣмъ же значеніемъ? Въ такомъ случаѣ, мы получили бы для выраженія въ *Словѣ* весьма простой смыслъ: но уже, о князь Игорь! *погасъ* солнца свѣтъ: Срав. выше: на рѣцѣ на Каялѣ *тьма* свѣтъ покрыва; два солнца померкоста.

Не худа иньзда шестокрилицы. Не вдаваясь въ соображенія о томъ, откуда впервые явилось представленіе о шестокрыльцахъ, замѣтимъ только, что въ «Слово» это представленіе попало не изъ нашей мифологіи, а заимствовано изъ литературнаго источника. Болгарскій сборникъ царя Симеона (1076) переводитъ шестокрыльцемъ греч. ἑξαπτέρουρος. Этотъ образъ попалъ въ народныя

---

¹⁾ Срав. въ ново-болгарскомъ: слънце-то трепти да заиди. Сборн. Миладиновцевъ, стр. 162.

болгарскія представленія и въ пѣсняхъ упоминается птица шестикрылая—*ниле шестикрилатна* (см. Dozon — Rapports sur une mission litteraire en Macédoine, стр. 65). Въ одной изъ пѣсенъ сборника Верковича являются два чудные коня — Шестокрилца коне и Лестувица коне, т. е. конь шестокрылецъ и конь ласточка (Веда Словена, стр. 214, № VII). Едва ли можно сомнѣваться въ византійско-болгарскомъ происхожденіи *шестокрилца* въ *Словѣ*.

IX

И с хотю на кровать и рекъ. Что хотю творит. пад. ед. ч. отъ *хоть*, возлюбленная, жена, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Но все-таки смыслъ остается загадкою, потому что очевидно здѣсь пропускъ. Отъ глагола *рекъ* едва ли подлежащимъ можетъ быть Изяславъ, *притрепанный* литовскими мечами. Изъ обращенія княже въ дальнѣйшихъ словахъ — дружину твою, княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша — видно, что говоритъ не самъ князь о своей судьбѣ, а кто-то другой. Эти слова произноситъ отъ себя авторъ *Слова*.

Которою бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи. Которою твор. ед. отъ *катора*—раздоръ, усобица, т. е. чрезъ усобицу вашу было насиліе отъ земли половецкой.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій о двѣицю себѣ любу. Тѣмъ клюками подпрѣся о кони и скачи

къ граду Києву и т. д. О седьмомъ вѣкѣ Трояна см. выше стр. 105. Загадочность всего разсказа о Всеславѣ, какъ мы предположили выше, зависитъ отъ того, что авторъ *Слова* подставилъ Всеслава на мѣсто какого-то эпического богатыря и перенесъ на полоцкаго князя черты, въ которыхъ изображенъ былъ этотъ неизвѣстный намъ богатырь въ болгарскомъ произведеніи. На счетъ этой мифической личности нужно отчислить седьмой вѣкъ Трояновъ, метаніе жребія о дѣвицѣ и скаканіе къ городу. Всеславъ, метнувшій жребій о дѣвицѣ, напоминаетъ тѣхъ сказочныхъ богатырей, которые добываютъ руку царевны, сидящей на башнѣ или на стѣнѣ, удалымъ скачкомъ коня. Заимствованность нѣкоторыхъ чертъ, изображающихъ Всеслава, видна изъ выраженія *вѣкъ Трояновъ* и нѣсколько далѣе изъ словъ — *клюками подпрѣся о кони*. Проф. Колосовъ (Филологич. Записки. 1874. II, стр. 17) принимаетъ слово *клюка* въ значеніи чудеснаго костыля (костыль дорогъ рыбой зубъ), который составляетъ въ нашихъ былинахъ атрибутъ каликъ перехожихъ. Проф. Тихонравовъ находитъ возможнымъ примириться съ отвлеченнымъ значеніемъ этого слова—*хитрость, обманъ*. Но конечно всего проще объясняется *клюка* болгарскимъ *клькъ*, *кляка*, — бедро, ляжка, шевкель, *клька ножная*; *кльквямъ*—сгибаю колѣна. Въ одной болгарской пѣснѣ (въ сборн. Безсонова, № XXIII т. I, стр. 117) читаемъ слѣдующее описаніе дружины:

Пушки (ружья) тѣ имѣ на рамени,

Пушки на голи рамени,

На голи грѣди пиштовѣ (пистолеты),

На голи клѣзки паласки (сумки съ порохомъ).

Первоначальное клѣжкѣ перешло въ сербское кук — das Hüftbein, os coxae (см. Слов. Караджича). Носовой звукъ сохранился въ польскомъ klęszcēs — стоять на колѣнахъ (клянчить) ¹⁾. Итакъ — клюками опрѣся о кони — значить: сжалъ коня бедрами.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мыль; утрѣ же воззни стрикусы, оттвори врата Новуграду...

Авторъ припоминаетъ нѣкоторые эпизоды изъ біографіи Всеслава, хотя и не въ хронологическомъ порядкѣ. Событія, происшедшія въ разное время, сгруппировалъ онъ вмѣстѣ, чтобъ рельефнѣе выставить изворотливость, предприимчивость и быстроту движеній этого князя. Убѣжавъ въ полночь подъ покровомъ синей мглы изъ Бѣлагограда, онъ утромъ (утрѣ же) вонзилъ стрикусы и отворилъ ворота Новугороду. Нѣкоторые издатели соединяютъ *утрѣ же* въ одно слово, считая его прошедшимъ временемъ отъ глагола *оутрѣжнѣти* — оторвать; но предшествующее *въ плѣночи* указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ *утромъ*. Таинственное *воззни*, при правильномъ пониманіи *утрѣ же*, должно быть глаголомъ и объясняется всего легче какъ искаженіе изъ *вонзи* — вонзилъ. Отказываясь поправить испорченное *стрикусы*, замѣтимъ только, что корень

---

¹⁾ Срав. наше колча — хромой, колченогій, колчить — хромать, ковылять.

едва ли испорченъ; это тотъ корень, который мы имѣемъ въ словахъ: *стрѣкало* (stimulus), *стрѣка*, *стрѣкъ*, *стрѣкати* — колоть. *Стрикусы* должны быть какимъ нибудь острымъ орудіемъ, которое вонзаютъ. Если мы обратимъ вниманіе на параллель:

Тѣй клюками подпрѣся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеса стружіемъ зната стола Кіевскаго...

И

Утрѣ же вонзи стрикусы (?), оттвори врата Новуграду, то вонзи стрикусы будетъ соотвѣтствовать предыдущему *клюками опрѣся о кони* и если послѣднее значить — *сжалъ коня бедрами*, то вонзи стрикусы естественно понимать въ значеніи: вонзилъ шпоры или стрекала.

Великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. О Хорсѣ см. выше стр. 81—86.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Въ этихъ словахъ хотятъ видѣть намекъ на волкодлачью природу Всеслава: хотя вѣщая душа его и въ другомъ, (т. е. чужомъ, напримѣръ, волчьемъ) тѣлѣ, но часто онъ терпѣлъ бѣду. Не считая Полоцкаго князя волкодлакомъ, мы не можемъ и здѣсь находить указаніе подобнаго рода. Значеніе слова *друзѣ* не совсѣмъ ясно: по аналогіи другихъ случаевъ въ томъ же памятникѣ, мы ожидали бы прилагательное полного окончанія. СРАВ. *другаго дни*, ни *другаго* Всеволода, бишася *другый*, а *друзіи* Давидовы. Употреблялъ ли авторъ Слова краткую форму *другъ* въ смыслѣ — *alius*?

Но сомнѣваясь въ правильности вышеприведеннаго объ-

ясненія, не умѣемъ замѣнить его другимъ, болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ выраженіе *τὸλο μίλλε, дорогое*, (φιλόν σῶμα) скорѣе можно ожидать у Гомера, чѣмъ въ русской поэзіи. Не искажено ли *δрузъ τῶλλ* изъ *δρῶζτῶ τῶλλ*, т. е. отважномъ тѣлѣ? Аналогіей могло бы служить въ томъ же *Словѣ* выраженіе: единъ же изрони жемчюжну душу изъ *храбра* тѣла.

Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда божіа не минути. О книжномъ характерѣ этой припѣвки см. выше стр. 65—68. Изъ почти тождественныхъ выраженій въ позднѣйшей редакціи *Слова о Даниилѣ Заточникѣ*—суда де Божія ни хитрууму, ни горазну не минути—можно пожалуй заключить, что слова *ни птицю горазду* позднѣйшая вставка. Впрочемъ, если мы и не заподозримъ этихъ словъ, ихъ можно осмыслить слѣдующимъ образомъ: птица, уносясь на воздухъ отъ опасностей, угрожающихъ ей на землѣ, отличаясь быстротой и ловкостью, можетъ, по представленію автора припѣвки, скорѣе уйти отъ когтей преслѣдующей ее смерти (суда), чѣмъ самый быстрый человѣкъ. Какъ отъ суженаго на конѣ не ускачешь, такъ отъ смерти *птицей* не улетишь: смерть догонитъ и быстрого коня и ловкую, юркую, птицу.

Х

Копіа поютъ на Дунаи. О Дунаѣ см. выше стр. 110—113. Выше мы предположили, что плачь Ярославны, пред-

ставляя подражаніе чему-то болгарскому, открывается словами какой-то пѣсни югославянской, въ которой дѣйствіе происходитъ на Дунаѣ. Это предположеніе теперь считаемъ нужнымъ видоизмѣнить, въ томъ смыслѣ, что начало *плача* представляется намъ значительно искаженнымъ. Мы согласны съ княземъ Вяземскимъ (см. Замѣч. на Слово о П. И., стр. 202), что выраженіе о копьяхъ, что они *поютъ*, крайне слабо, ибо копья не бряччатъ. Кажется въ народной пѣснѣ, изъ которой взятъ Дунай и образъ тоскующей жены-кукушки, говорилось не о *пльни коній*, а о *поеніи коней*. Въ плачѣ находимъ черты южно-русской поэзіи, въ которой обычно встрѣтить и Дунай, и поеніе коня на Дунаѣ, и тоскующую *зозулю*. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ сборника изданнаго г. Чубинскимъ ¹⁾:

Іздить казакъ, іздить, блудить,
Підъ казакомъ воронъ коникъ нудить.
Приблудився ажъ до гаю,
Ажъ до *тихого Дунаю*.
Ой ставъ казакъ коня *наповати*,
Стала надъ нимъ *зозуля* кувати (Частъ I, № 66).

Ой вийду я за ворота,
Десь мому миленькому не гарна работа—
Въ тихомъ Дунаю сиві коні напуває (№ 183).

---

¹⁾ Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Юго-западн. отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Чубинскимъ. Томъ V. Пѣсни любовныя, семейныя, бытовые и шуточные. Изд. подъ наблюденіемъ Костомарова. 1874.

Дѣвушка говорить:

Усі идуть, усі идуть, а мого не маэ,

Изъ тихого *Дунаэчка* коня наповаэ (№ 604).

—

Приблудився казаченько

До зеленого гаю,

До тихенького *Дунаю*.

Ставъ коника наповати,

Стала зозуля кувати.

«Ой зозуленько сивенька!

Ти скажи мені дорогу,

Куди їхати до роду;

Ой до роду, до родини,

До вірненької дружини!» (№ 632).

Въ мало-руськихъ пѣсняхъ часто находимъ и ту черту, что казакъ, поя коня, починаеть тонуть въ Дунаѣ и взываетъ къ своей милой:

Якъ приїхавъ до Дунаю,

До широкого гаю,

Ой якъ ставъ милий коня напувати,

Тай зачавъ милий съ конемъ потопати.

— Та ратуй мене, мила,

Щось мя вірне любила! (№ 733).

На подобную просьбу о спасеньи дѣвица въ другой пѣснѣ (№ 405) отвѣчаетъ:

«Ой рада-бъ я рятовить,

Нема човна, ні весельця,

Не горнеться мое сердце».

Въ виду распространенности мотива поенія коня въ Дунаѣ въ мало-русской поэзіи, едва ли слишкомъ смѣло предположить, что и въ представленіи автора *Слова* носилась эта черта. Изображая тоскующую княгиню, онъ могъ вспомнить родной образъ дѣвицы-зозули, тоскующей по молодцѣ, который вдали, на чужбинѣ, поилъ коня въ Дунаѣ и утопая вызываетъ къ своей ладѣ. Этимъ объясняется выраженіе — коня поятъ на Дунаи, — неимѣющее связи съ предыдущимъ и какъ бы выхваченное изъ какого-то другаго цѣлаго. Образъ дѣвицы-кукушки, летающей за водою на Дунай, чтобъ омыть раны раненому молодцу, указали мы выше (стр. 113—116) въ болгарскихъ пѣсняхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ образъ общеславянскій и прибѣгать къ заимствованію изъ болгарскаго источника нѣтъ основанія. Согласно съ этимъ просимъ исправить то, что выше (на стр. 112) сказано о заимствованіи плача изъ болгарскаго источника.

Исправить текстъ разбираемаго мѣста нѣтъ возможности, потому что, кромѣ искаженія, здѣсь вѣроятно и пропускъ. Можетъ быть *копіа поютъ* не искажено изъ *коня поятъ*, а въ текстѣ было и *копіа* и *коня*, причемъ *копіа* относилось къ предыдущимъ словамъ, гдѣ упоминаются *стязи* и *хоботы*. Объ этихъ копьяхъ, быть можетъ, говорилось что нибудь, но это пропущено. Затѣмъ слѣдовали слова о поеніи коней на Дунаѣ и кыченіи зезгицы. Срав. соединеніе того и другаго въ вышеприведенныхъ стихахъ:

Ставъ копика *наповати*,

Стала зозуля *кувати*.

Но вслѣдствіе пропуска *коня*, сказуемымъ отъ подлежащаго *коніа* сталъ глаголѣ *поятъ*, что дало безсмыслицу и побудило какого нибудь справщика измѣнить *поятъ* въ *поють*. Что дѣйствительно все это начало сильно искажено—видно изъ странной формы *Ярославнынъ* и не менѣе странной *незнаемъ*.

Ярославна рано плачетъ въ Путивль на забралъ аркучи.

Въ этомъ и другихъ мѣстахъ *Слова* читаемъ мы *а ркучи* вмѣсто *аркучи*, согласно съ замѣчаніями проф. Потебни. См. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи (1871), стр. 21 слѣд. и Изъ записокъ по русской грамматикѣ (1874), II стр. 90. Такое употребленіе союза свойственно не только древне-русскому языку, но и другимъ слав. нарѣчіямъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ числа собранныхъ г. Потебней: Пльсковици взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, *а рекуче*: «то вы, а то Новгородъци, а намъ не надобѣ (Новгор. I, 43, 14); Котянъ съ князи Половцьскими... одариша князь Руськихъ, *а рекуче* тако (ib. 40, 1); се билъ челомъ... *а ркучи* такъ (Акты Юр. 1, 3 и др. XV в.); князь насъ зоветъ на Ригу, *а хотя* ити на Пльсковъ (Новг. I, 43, 17). Подобные обороты находятся въ старинномъ польскомъ языкѣ (*a rzkaśc, a rzekaśc*, см. Ягича—Archiv für slav. Philologie. II, 1, p. 167).

О Днепре словутицю!... свѣтлое и тресвѣтлое слънце.

Обращенія съ мольбою къ рѣкамъ и солнцу — мотивъ обычный въ народной поэзіи. Въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ дѣвица упрекаетъ Дунай:

Дунафе, бѣле Дунафе,
Ай да би ми сѣ исушилъ!
Защ' ми г' удави брата ми,
Мои-отъ братецъ Стояна,
Со 'се хиляда сватови и т. д.

(№ 243 въ сборникѣ Миладиновцевъ).

Въ другой пѣснѣ дѣвица Петкана спрашиваетъ у Дуная,
не видѣлъ ли онъ ея милаго:

Добро ти утро, Дунафе!
Дунафе, бѣли Дунафе,
Ясъ тебе ке те опитамъ,
Ти менѣ право да кажишь,
Тако ти морска глобина,
Тако ти польска ширина,
И жити сестра моруна,
Ти право менѣ да кажишь,
Дали го виде младъ Стоянъ? (№ 396).

Вотъ подобное же обращеніе къ солнцу:

«Сѣнце, мило сѣнце, постой, почакай нѣ!
Дуръ да изминиме три гори зелени,
Три гори зелени, а три яворови,
И три яворови, и три ясенови» (ib. № 238).

Въ болгарской пѣснѣ (№ V), помѣщенной въ сборникѣ
Верковича «Веда Словена», одинъ царь хочетъ перейти
море и долженъ биться со змѣемъ, его залегающимъ.
Змѣй обращается къ солнцу съ просьбой:

«Солнце, милое солнце!
Пошли мнѣ, солнышко, твою ясную стрѣлу,
Которая испускаетъ сильный огонь,
Чтобъ этой стрѣлой мнѣ поразить враговъ;
Дабы они мое поле не заняли.
Если ты, солнышко, мою мольбу выслушаешь,
И пошлешь мнѣ ясную стрѣлу,
Я свою меньшую сестру
Дамъ тебѣ возлюбленною».

XI

*Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти;
князю Игорю не быть. Кликну — стукну земля, взшумъ
травы, вежи ся Половецкіи подвизашася.*

Выраженіе князю Игорю не быть не совсѣмъ ясно и вѣроятно испорчено. *Быть* едва ли неокончательное наклоненіе, такъ какъ нѣтъ другаго примѣра въ *Словѣ* употребленія окончанія *ть*, вмѣсто *ти*, въ этомъ наклоненіи, хотя случай очевидно могъ бы представиться, ибо форма на *ти* встрѣчается болѣе 35 разъ. Думаемъ, что вмѣсто *быть* слѣдуетъ читать *бысть*, причемъ выпало какое-то другое слово, соотвѣтствующее предшествующему *разумѣти*: Овлуръ свиснулъ за рѣкою, даетъ князю знакъ, но Игорю не было слышно. Тогда Овлуръ кликнулъ и земля загудѣла, трава зашумѣла, половецкія юрты заколыхались,

для того чтобъ заглушить его крикъ, который такимъ образомъ былъ услышанъ только однимъ Игоремъ. Въсто *въшумь* исправляютъ *въстумь*, но эта поправка совершенно ненужна. Конечное *з* предлога *възз* передъ слѣдующимъ *ш* выпадаетъ по законамъ цслав. благозвучія и *възшумьти* должно перейти въ *въшумьти*. См. этотъ глаголѣ у Миклошича, s. v.

Въврѣжеса на брѣзз комонь и скочи съ него босымъ влѣкомъ и потече къ луку Донца... Въ предложной приставкѣ *въ* при глаголѣ *врѣжеса* нѣтъ надобности, въ виду слѣдующаго предлога *на*. Срав. *врѣжеса* дивъ на землю. Полагаемъ поэтому, что *въ* либо просто описка, либо испорчено изъ предлога *възз*, указывающаго на движеніе вверхъ. Срав. *възврѣзи* на господѣ печаль твою; *възврѣже* ризы свои на жрѣба (Mikl., s. v. *възврѣшти*). О словѣ *бусъ* см. выше стр. 220—223.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнь березь.

Для уясненія этого мѣста, проф. Тихонравовъ дѣлаетъ изъ двухъ словъ — *ростре на* — одно: *рострена*, изъ одного — *кусту* — два: *к усту*, и ставитъ послѣ слова *Днѣпръ* вопросительный знакъ, такъ что слова *темнь березь* относятся уже къ дальнѣйшему предложению: плачется мати Ростиславля.

Такимъ образомъ получается слѣдующій переводъ: «Не такъ ли (разсказываютъ) Стугна рѣка, бѣдная водою (худу струю имѣя), пожравши чужіе ручьи и къ устью (к усту)

расширенная (рострена) волнами (стругы), затворила Днѣпръ юношѣ князю Ростиславу?» Хотя этотъ переводъ достигается безъ крупныхъ поправокъ текста, однако съ грамматической стороны можно сдѣлать противъ него возраженія. Во 1-хъ, слова *усто* или *устъ*, въ значеніи устья неизвѣстны въ древне-русскомъ языкѣ; во 2-хъ, отъ слова *струга*—волна—не можетъ быть творит. пад. мн. ч. на *ы*, вмѣсто *ами*; въ 3-хъ, *темнѣ березѣ* не можетъ быть мѣстнымъ падежомъ безъ предлога. Мѣстный *безъ* предлога для слова *берегъ* можно бы пожалуй встрѣтить въ Супрасльской рукописи, но не въ русскомъ языкѣ XII в. Собственные имена городовъ не могутъ служить доказательствомъ употребительности безпредложнаго мѣстнаго падежа и для нарицательныхъ именъ. (Срав. въ самомъ *Словѣ*: ту ся брата разлучиста *на* брезѣ быстрой Каялы; въспѣша *на* брезѣ синему морю, *на* своихъ сребреныхъ брезѣхъ).

Кромѣ грамматическихъ затрудненій есть и другія. Уноша Ростиславъ потонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, переправляясь черезъ нее во время половодья. Вспоминая объ этомъ печальномъ событіи и укоряя злую рѣку Стугну, неужели авторъ могъ выразиться такъ темно и глухо о поступкѣ рѣки и укорять ее не за потопленіе князя, а за то, что Стугна затворила для Ростислава рѣку Днѣпръ? Вѣдь еслибъ изъ лѣтописи мы не знали, что юный князь утонулъ въ Стугнѣ, мы изъ этого мѣста *Слова* не могли бы узнать о его участи: о потопленіи здѣсь не говорится ни слова, а прегражденіе доступа къ Днѣпру возможно и безъ потопленія. Но, не соглашаясь съ дѣленіемъ словъ и

интерпункціей проф. Тихонравова, нельзя представить болѣе правильнаго привода безъ поправокъ пушкинскаго текста. Намъ кажется удачною поправка, сдѣланная кн. Вяземскимъ (см. Замѣчанія на Слово о П. И., стр. 442): уношу князя Ростислава затвори днѣ при темнѣ березѣ. Только вмѣсто мѣстнаго падежа безъ предлога (днѣ) мы поставили бы *въ днѣ*, по аналогіи другаго мѣста: иже погрузи жиръ *во днѣ* Каялы рѣки половецкыя. Такимъ образомъ исправляется вторая половина темнаго мѣста и остается объяснить первую—*и стругы ростре на кусту*. За отсутствіемъ слова *усто*, слѣдуетъ считать *кусту* за одно слово въ мѣстномъ падежѣ на *у*. *Стругою*, по свидѣтельству Максимовича, въ Поднѣпровской Украинѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или кемышемъ. По словарю Миклошича *цсл. строуга*—теченіе, волна, *словин. struga*—ложе рѣки, *чеш. strouha*—протокъ, канава, *польск. struga*—(дождевой) ручей, протокъ воды, *нижне-лужицк. tšuga*—канава. Принимая *стругы* въ томъ значеніи, въ какомъ до сихъ поръ это слово употребляется въ Поднѣпровьѣ, разбираемое мѣсто слѣдуетъ понимать такъ, что вслѣдствіе наводненія *струги*, т. е. протоки между плавнями и островками, поднялись и залили кусты, камышъ и деревья, растущіе на плавняхъ и берегахъ. Глаголь *ростре*—соб. растерла не совсѣмъ подходит и быть можетъ искаженъ изъ *простре*.

Итакъ, только при значительныхъ поправкахъ наше мѣсто получаетъ грамматическую правильность и удовле-

творительный смыслъ: не такъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла волны (протоки) на кустарникъ и юношу князя Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу.

Тогда врани не іраахуть, галици помлзкоша, сороки не троскоташа, по лозію ползоша толко, дятлове тектомъ путь кз рѣць кажуть, соловіи веселыми пльсьми свѣтъ повѣдають.

Общепринятый переводъ—сороки не трещали, а только ползали по лозію, т. е. по прутью, хворосту—не удовлетворителенъ. Едва ли какой нибудь поэтъ, не закрывающій глаза свои передъ картинами природы, могъ бы, говоря о сорокахъ, выразиться, что онѣ *ползають*, а не скачутъ. Сорока не принадлежитъ къ лазунамъ, какъ дятель, и не можетъ ползать по деревьямъ.

Во избѣжаніе подобной неестественной картины предлагаемъ два новыя объясненія.

1. Вмѣсто *по лозію* слѣдуетъ читать *полозіе* именит. множ. собират. отъ *полозъ*. Такой имен. множ. при единств. *полозъ* находимъ въ словѣ *полозья* (саней). Слово *полозъ* отъ глагола *ползти* могло быть южно-русскимъ названіемъ какого нибудь ползучаго гада. До сихъ поръ *пóлозъ* кое-гдѣ помѣстно встрѣчается какъ названіе змѣи ¹⁾; въ польскомъ *połoz* значитъ *удавъ*. Отъ того же корня происходитъ названіе улитки, какъ ползучаго животного, чешск. *plž*, серб. *пуж*. (изъ *пължъ*) и

---

¹⁾ См. Словарь Даля.

спуж. Кстати укажемъ на слѣдующую аналогію: какъ *сань* въ чешскомъ означаетъ змѣя и до сихъ поръ слышится въ нашихъ *саняхъ*, такъ и *полозъ*—названіе змѣя—находимъ въ *полозьяхъ* саней. При такомъ объясненіи выраженіе *полозіе ползоша только* означало бы: только гады (змѣи) ползали.

2. Но болѣе правдоподобнымъ кажется намъ второе предположеніе. Авторъ «Слова» повидимому изображаетъ въ этомъ мѣстѣ исключительно состояніе птичьяго царства, говоря о вѣронахъ, галкахъ, сорокахъ, дятлахъ и соловьяхъ. Поэтому было бы болѣе умѣстно находить въ *полозьяхъ* какихъ нибудь птицъ, нежели гадовъ. И дѣйствительно одна птичка, близкая къ дятламъ и такъ же какъ они ползущая по деревьямъ, называется у насъ *ползикъ* (*sitta*). *Ползунами* вообще называется семья дятловъ, иначе *лазуны*. Въ сербскомъ *sitta europaea*, *Blau-sprecht* называется *пузавац* (плъзавыць). Всего вѣроятнѣе, что и *полозіе*, за которыми слѣдуютъ непосредственно близкіе къ нимъ *дятлове* (тектomъ путь къ рѣцѣ кажутъ), названіе какого нибудь южно-русскаго вида изъ семьи ползуновъ или лазуновъ.

XII

Рекъ Боянъ иходы на Святъслава пьсотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, коганя хоти... Объ

исправленіи *иходы* см. выше стр. 126, примѣч. Пѣсно-творцемъ Святославовымъ называетъ себя авторъ *Слова о И. И.*, и мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что онъ присвоиваетъ себѣ это званіе по праву. Слѣдуетъ думать, что авторъ принадлежалъ къ числу приближенныхъ этого князя и употреблялъ свой литературный талантъ на прославленіе своего господина. Вспомнимъ, въ какихъ чертахъ эпического богатыря изображаетъ онъ Святослава въ его походѣ на Половцевъ. Наступивъ на землю половецкую, князь притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота и подобно бурному вѣтру исторгъ поганого Кобяка отъ желѣзныхъ полковъ Половецкихъ. Хотя Игорь и герой повѣсти, но все же авторъ возвышаетъ предъ нимъ Святослава, котораго славу поютъ и Нѣмцы, и Венедицы, и Греки, и Морава. Сонъ Святослава показываетъ, что центръ тяжести для автора не на поляхъ половецкихъ, а въ Кіевѣ на горахъ. Событія, совершившіяся на Каялѣ, оцѣниваются съ точки зрѣнія Кіевского князя, *грознаго великаго* Святослава, который по поводу ихъ изронилъ *золотое* слово. Это *золотое* слово укоряетъ героевъ повѣсти, называетъ ихъ безумными и не видитъ почета въ томъ, что они сначала одолѣли враговъ, — *нечестно бо кровь поганую проліясте*. Далѣе Святославъ жалуется на то, что время измѣнилось, что князья ему не пособники: не будь княжескихъ уособицъ, онъ могъ бы помолодѣть и не далъ бы гнѣзда своего въ обиду. Въ дальнѣйшихъ воззваніяхъ къ князьямъ, въ упрекахъ однимъ и похвалахъ другимъ, трудно раз-

личить златое слово Святослава отъ словъ автора. Въ этихъ смѣлыхъ рѣчахъ авторъ скрывается за своего покровителя и съ его точки зрѣнія оцѣниваетъ ту или другую личность. Можно думать, что эта часть Слова имѣла политическую тенденцію, была написана для Кіевскаго князя, и что его пѣснотворецъ облекъ въ поэтическія формы княжій взглядъ на лица и событія. Состоя при князѣ въ Кіевѣ, этомъ центрѣ политической и умственной жизни, авторъ могъ хорошо знать и событія прошедшихъ временъ и событія современныя въ разныхъ волостяхъ, и личности удѣльныхъ князей, и ихъ взаимныя отношенія. Предполагать, что авторъ былъ въ дружинѣ Игоря во время похода, нѣтъ никакихъ основаній: въ рассказѣ его о походѣ, о первой битвѣ и о пораженіи нѣтъ такихъ подробностей, которыя указывали бы на очевидца. Все это изображено въ самыхъ общихъ чертахъ и, возстановляя поэтически картину битвы, авторъ не гонится за вѣрностью подробностей. Болѣе обстоятельный и точный рассказъ находимъ въ Ипат. лѣтописи и этотъ рассказъ могъ дѣйствительно быть записанъ со словъ очевидца. Для сравненія помѣщаемъ его ниже въ приложеніи.

Солнце свѣтитъ на небесе, Игорь князь въ Руской земли и т. д. Окончаніе Слова напоминаетъ наши святочные подблюдныя пѣсни и величанія. Искать тѣсной связи этого окончанія съ рассказомъ поэтому нѣтъ необходимости. Хотя Слово, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, нельзя назвать

пѣснью старымъ князьямъ, однако оканчивается оно обычнымъ приемомъ нашихъ величаній: пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти. По аналогіи нашихъ величаній, думаемъ, что слово *слава* лучше отдѣлить отъ глагола *пѣти*, не принимая это *слава* за именит. падежъ при неокончательномъ наклоненіи ¹⁾. *Слава* обычный припѣвъ подобныхъ величаній:

Слава Богу на небѣ—Слава!

Государю нашему на сей землѣ—Слава!

Чтобы нашему государю не старѣться—Слава!

Его цвѣтному платью не изнашиваться—Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣживаться—Слава!

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться—Слава! и т. д.

---

¹⁾ Этимъ мы беремъ назадъ наше прежнее объясненіе, см. нашу замѣтку въ „Москов. Универс. Извѣстіяхъ“. 1872. IV, 529 — 30 и нашу статью „Der Letto-slavische Infinitiv“ въ Beiträge zur Vergl. Sprachforschung, т. VIII, стр. 156—174.

Изъ лѣтописи по Ипатскому списку.

(Издание Археографической комиссіи, 1871, стр. 430—438).

В то же время Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, пойма со собою брата Всеволода ис Трубецка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимѣра, сына своего, ис Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с Коуи Черниговскими; и тако идяхуть тихо, собирающе дружину свою: бяхуть бо и у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы, в годъ вечерний, Игорь же възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли что есть знамение се?» Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць Богъ и всему миру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити». И то рекъ, перебрете Донѣць, и тако прѣиде ко Осколу и жда

два дни брата своего Всеволода, тотъ быше шель инемъ путемъ ис Курьска; и оттуда поидоша к Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви приѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловить, и рекоша приѣхавше: «видихомся с ратными, ратници ваши со dospѣхомъ ѣздить; да или поѣдете борзо, или возворотися домовъ, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьею своею: «оже ны будетъ не бывшия возворотитися, то соромъ ны будетъ пуще и смерти; но како ны Богъ дастъ». И тако угадавше, и ѣхаша чересь ночь; завтра же пятъку наставшу, во обѣднее веремя устрѣтоша полкы Половѣцькиѣ; бяхуть бо до нихъ dospѣлѣ, вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожъ, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимѣрь и другой полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ Коуеве, а третий полкъ напередѣ же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князий выведены; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко брати своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемъ»; и тако поидоша к нимъ, положаче на Бозѣ упование свое. И яко быша к рѣцѣ ко Сюурлию, и выѣхаша ис Половѣцькихъ полковъ стрѣлци, и поустивше по стрѣлѣ на Русь и тако поскочиша; Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюурлия; поскочиша же и ти Половци силы Половѣцькии, которѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичъ, и Володимѣрь Игоревичъ, и Ольстинъ с Коуи и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идяста,

не распустяста полку своего, переднии же ти Русь биша
ѣ, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и Русь же до-
шедше вежѣ и ополонишася, друзии же ночь приѣхаша
к полкомъ с полономъ. И яко собрашася Половци вси,
и рече Игорь ко братома и к мужемъ своимъ: «се Богъ
силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ
честь и слава; се же видихомъ полки Половѣцъкии, оже
мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же
поѣдемъ чересъ ночь, а кто поѣдѣтъ завтра по насъ, то
ци вси поѣдутъ, но лучьшии коньници переберутся, а
самѣми какъ ны Богъ дастъ». И рече Святославъ Олго-
вичъ строема своимъ: «далече есмь гонилъ по Половцехъ,
а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то
только ми будетъ на дорогѣ остати» — и поможе ему Все-
володъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть
разумѣючи, братья, умерети», — и облекоша ту. Свѣтаючи
же суботѣ, начаша выступати полци Половецкии, акъ бо-
ровѣ; изумѣшася князи Рускии, кому ихъ которому по-
ѣхати, бысть бо ихъ бещисленное множество. И рече Игорь:
«се вѣдающе собрахомъ на ся землю всю: Концака, и
Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терь-
тробича». И тако угадавше вси сосѣдоша с коний, хо-
тяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвахуть бо: «оже
побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то
отъ Бога ны будетъ грѣхъ сихъ выдавше пойдемъ; но
или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». И та
рекши вси сосѣдоша съ конѣй и поидоша бьючеся; и тако,
Божиимъ попущениемъ, уязвиша Игоря в руку и умр-

твиша шюйцу его, и бысть печаль велика в полку его, и воеводу имяхуть, то тѣ напередѣ язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранени и мертви быша в полкохъ Рускихъ; наставши же нощи суботнии, и поидоша бѣючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же бѣшетъ в то время на конѣ, зане раненъ бѣше, поиде к полку ихъ, хотя возворотити ихъ к полкомъ; уразумѣвъ же яко далече шелъ есть отъ людей, и сойма шоломъ погнаше опять к полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюрговичъ, познавъ князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися с Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добри бо вси бѣяхуться идоуще пѣши—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужество показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одале отъ полку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста, и бѣяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако, во день святаго воскресения, наведе на ны Господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощаждѣхъ хрестьянъ,

но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиннии хрестъани, отлучаеми отецъ отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружий своихъ, и дщери отъ материй своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшую, живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушение пріемши, старцѣ порѣвахуться, уношы же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и ра(з)сѣкаеми бывають, жены же осквѣрняеми; и та вся створивъ азъ — рече Игорь, —недостойно ми бящеть жити; и се нынѣ вижю отмѣсть отъ Господа Бога моего. Гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рождения моего? гдѣ бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ поѣлчный? гдѣ кони и оружья многоцѣнная? не отъвсего ли того обнажихся, и связня преда мя в руки безаконнымъ тѣмъ? Се возда ми Господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесъ грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь и прави суди его; зѣло азъ же убо не имамъ со живыми части; се бо нынѣ вижю другая мучения вѣннца приемлюще, почто азъ единъ повинный не прияхъ страсти за вся си? Но, Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ»; — и тогда кончавшюся и полку, розведени быша, и поиде каждо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужъ именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ

Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурчеви-
чехъ, а Володимера Копти в Улашевичихъ. Тогда же на
польчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане башеть
ранень. Отъ толикихъ же людей мало ихъ избысть, нѣ-
какомъ получениемъ, не башеть бо лзѣ ни бѣгающимъ
утечи, зане яко стѣнами сильными огорожени бяху полки
Половѣцкими; ношахуть Русь съ 15 мужь утекши, а
Ковуемъ мнѣе, а прочии въ морѣ истопоша. В то же
время великий князь Всеволодичъ Святославъ шель бя-
шетъ в Корачевъ, и сбирашетъ отъ вѣрхънихъ земель
вои, хотя ити на Половци к Донови на все лѣто. Яко
возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверь-
ского, и слыша о братии своей, оже шли суть на По-
ловци, утаившеся его: и нелюбо бысть ему. Святославъ
же идяше в лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во
тъ гѣдъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичъ, и повѣда Свято-
славу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же то слышавъ
и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «о
люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ
ми бы Богъ притомити поганыя; но не воздержавше
уности отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Гос-
подня да будетъ о всемъ; да како жаль ми башеть на
Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ».
Посемъ же Святославъ посла сына своего Олга и Воло-
димера в Посемье: то бо слышавше возмятошася городи
Посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже
не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверь-
скомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани

и дружина изымана, избита; и мятяхуться акы в мотви, города воставахуть и немило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душъ своихъ, жалующе по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленску, река: «рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его сыномъ; а поѣди, брате, постережи землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, а Ярославъ в Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшетъ. Поганыи же Половци побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и съвокупиша весь языкъ свой на Рускую землю; и бысть у нихъ котора: молвяшетъ бо Кончакъ: «пойдемъ на Киевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашъ Бонякъ»; а Кза молвяшетъ: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же города безъ опаса; и тако раздѣлишася надвое, Кончакъ поиде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичъ бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выѣха изъ города и потче к нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ, и бися с нимъ крѣпко; и обступиша мнозии Половцѣ; тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющася, выринушася из города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи тремя копьи. Сий же добрый Володимеръ язвенъ трудень въѣха во городъ свой, и утре мужественаго поту своего за отчину свою. Володимеръ же слашетъ ко Святославу, и ко Рюри-

кови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половцы у мене, а помозите ми», Святославъ же слашетъ ко Давыдови, а Давыдъ стояшетъ у Треполя со Смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣчѣ дѣяти, рекуще: «мы пошли до Києва, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ». Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со Смолняны. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля; идуши же мимо приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божиимъ судомъ, летѣста двѣ городници с людьми, тако к ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ; да которѣи же гражанѣ выйдоша изъ града и бяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣи избыша плѣна, а кто ся осталъ в городѣ, и тѣ вси взяти быша. Володимѣръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздишася сжидающе Давыда Смолняны, и тако князѣ Рускиѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же взявше городъ Римовъ, и ополонишася полона, и пойдоша восвояси; князи же возвратишася в дома своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшетъ раненъ велми язвами смертьными, и хрестьянѣ плененыхъ отъ поганныхъ. И се Богъ, казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращающа ны к покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ

дѣлѣ; и симъ казнить ны нахоженіемъ поганыхъ, да некли
смиривъшесѣ воспоминаемъсѣ отъ злаго пути. А друзии По-
ловцѣ идоша по оной сторонѣ къ Путивлю, Кза у силахъ
тяжкихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша,
пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишасѣ восвоемъ.
Игорь же Святославичъ тотъ годъ бѣшетъ в Половцехъ,
и глаголаше: «азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду
отъ повеленія твоего, Владыко Господи, а не поганьская
дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за
свою злобу прияти нужная вся, ихъ же есмь приялъ азъ».
Половци же аки стыдящесѣ въеводства его и нетворя-
хуть ему пакости, но приставиша къ нему сторожовъ 15
отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ
20; но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшетъ и
ястрябомъ ловяшетъ, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 с нимъ
ѣздяшетъ; сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чѣстяхуть
его, и гдѣ послашетъ кого, бѣсѣ прѣтворяхуть повелѣное
имъ. Попа же бѣшетъ привелъ из Руси къ собѣ, со свя-
тою службою: не вѣдяшетъ бо божія промысла, но тво-
ряшетъсѣ тамо и долго быти. Но избави и Господь за
молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахутьсѣ и
проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему в
Половцехъ, тамо сѣ налѣзе мужъ, родомъ Половчинъ, име-
немъ Лаворъ; и тотъ приимъ мысль благу, и рече: «пойду
с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшетъ ему
вѣры, но держаше мысль високу своея уности, мышля-
шетъ бо емше мужъ, и бѣжати в Русь, молвяшетъ бо:
«азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ

неславнымъ путемъ не имамъ пойти». С нимъ бо бѣшетъ тысячкого сынъ и конюший его, и та нудяста и глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощетъ Богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашетъ. Но якоже преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореву думци его: «мысль високу и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ: ты ищещи няти мужа и бѣжати с нимъ; а о семъ чему не разгадаешь, оже приѣдутъ Половци с войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князя и вась и всю Русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь приимъ во сердцѣ съвѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ и возиска бѣжати: не бѣшетъ бо ему лзѣ бѣжати в день и в ночь, имѣже сторожевѣ стрѣжахуть его, но токмо и верема таково обрѣтѣ в заходѣ солнца. И посла Игорь к Лаврову конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора, с конемъ поводнымъ»: бѣшетъ бо съвѣчалъ с Лавромъ бѣжати в Русь. В то время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюший повѣда князю своему Игореву, яко ждетъ его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго» — и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзевонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ и перебрѣдъ, и всѣде на конь: и тако пойдоста сквозѣ вежа. Се же избавление створи Господь в пятокъ, в вечерѣ.

И иде пѣшь 11 день до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новѣгородъ — и обрадовашася ему; из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ свать его.

О П Е Ч А Т К И:

<i>Стр.</i>	<i>Строки</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ</i>
7	3 снизу	склады	складъ
8	11 сверху	христіаское	христіанское
37	2 —	приняла	приняло
95	11 —	дивѣ	дѣвѣ
104	8 снизу	и	о
120	3 сверху	происхожденіи.	происхожденіи?
123	13 снизу	Грека	Греки
126	10 сверху	пѣснотворце	пѣснотворца
--	10 снизу	безсмысленные	безсмысленнаго
130	8 —	признается	признаемся
150	7 сверху	Къ	Въ
—	4 снизу	страд.	врем.
156	1 —	телѣгы (Арх. тѣлѣгы)	тѣлѣгы (Арх. телѣгы)
160	1 сверху	поправлянтъ	поправляетъ
177	2 снизу	преклоняло	преклонило
208	10 сверху	каково	какова
221	3 —	ῥῶψ	ῥῶψ
223	7 —	босови	босуви

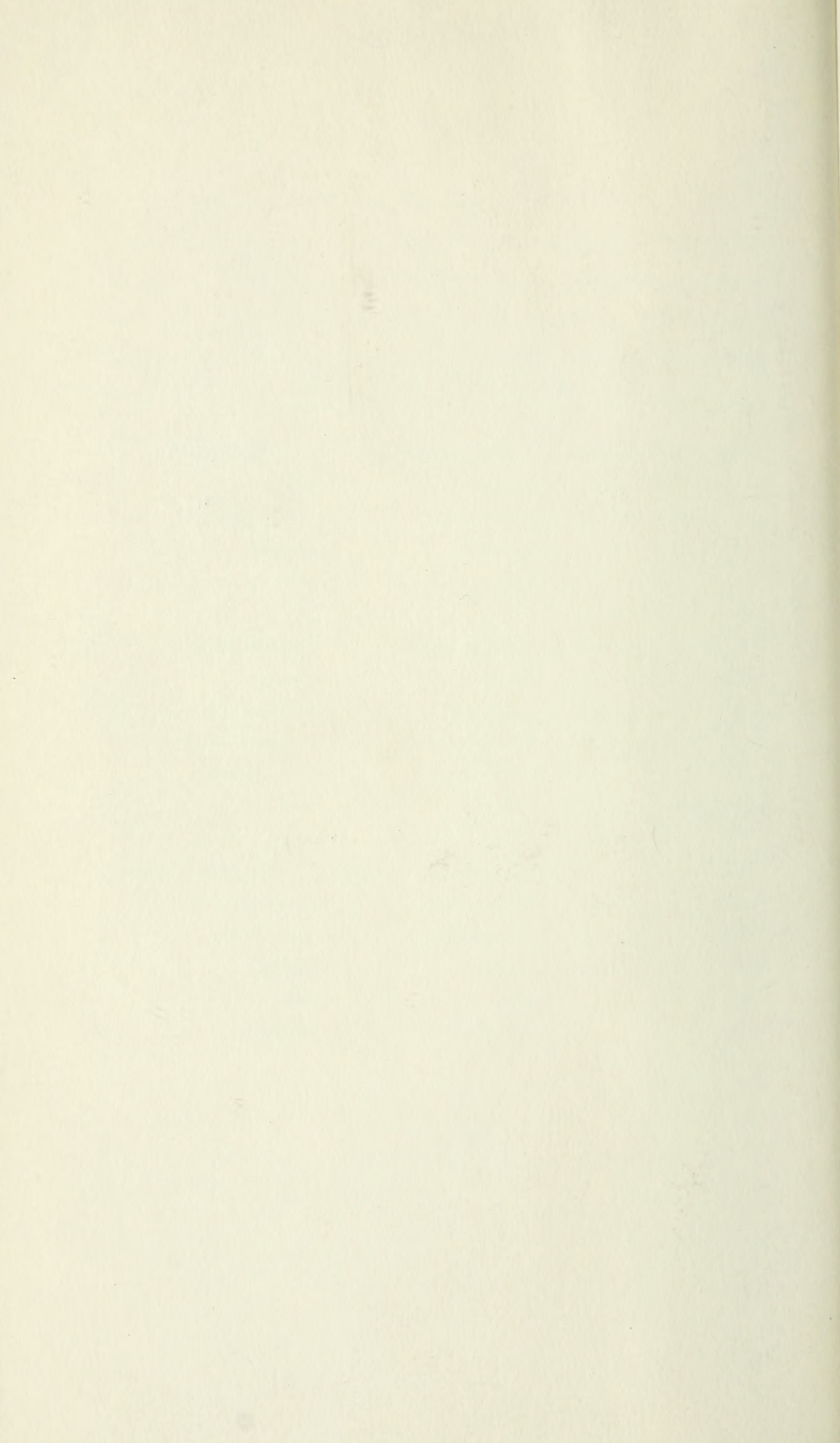

PG	Miller, Vsevolod Fedorovich
3300	Vzgliad na Slovo o polku
S63M5	Igorevie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
